

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 2 (99) апрель – июнь 2020 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 2 (99) April – June 2020

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio
broadcasting and mass media, certificate ПИИ No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К 75-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Давыдов А.Ю., Баландина О.А. Совинформбюро в СССР и за рубежом в годы Великой Отечественной войны	13
Журавлёв С.В. «Крым — наш!» Новые свидетельства об освобождении Крыма и Севастополя от нацистской оккупации в 1944 году	29
Мельникова Н.В. Кадровая политика советского атомного проекта	39
Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. «Взгляд из окопа»: фронтовые письма как объект научного осмысления в лингвистической персонологии	52

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Скрипник К.Д. Дебаты в отечественной и зарубежной философии по основаниям, истории и идентичности аналитической философии	67
Дорская А.А., Дорский А.Ю. Историческая память как объект международно-правового и национального регулирования	85

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Вихрова Н.Н. Переписка И.С. Аксакова с женой как источник для изучения консервативных идей второй половины XIX века	97
Крылова А.В., Кисеева Е.В. Музыкальный театр на рубеже XX–XXI веков: проблема обновления жанров	110

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Ананьева К.И. Особенности межличностного восприятия в коммуникативной ситуации	123
--	-----

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Раскопки на городище Эски-Кермен в 2019 г.	134
--	-----

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

Вдовиченко М.В., Антонов Е.Е.

- Всероссийская научная конференция с международным участием
«Археологические исследования в России: новые материалы и интерпретации»
(Москва, 2–3 марта 2020 г.) 144

МИР КНИГИ РФФИ

Тюменцев И.О. —

- Сталинградская группа войск. 1943–1944: документы и материалы /
Под ред. О.А. Гоманенко, М.М. Загорулько. М.: Политическая энциклопедия,
2019. — 767 с.: ил. 148

Ахременко Д.А. —

- Православие на Украине в годы Великой Отечественной войны.
Сборник документов и материалов / Подгот. Л.А. Лыковой. М.: Политическая энциклопедия,
2019. — 511 с.: ил. 152

Аболина М.М. —

- Литературное наследство. Т. 110: И.А. Бунин. Новые материалы и следования:
В 4 кн. Кн. 1 / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН;
Ред.-сост. О.А. Коростелёв, С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2019. — 1184 с.: ил. 154

Федякин С.Р. —

- Архив А.П. Платонова. Книга 2: Описание рукописи романа «Чевенгур».
Динамическая транскрипция / Отв. ред. Н.В. Корниенко; Отв. секретарь Е.В. Антонова.
М.: ИМЛИ РАН, 2019. — 672 с.: ил. 157

CONTENTS

DEDICATED TO THE 75TH ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY

Davydov A. Yu., Balandina O.A. Soviet Information Bureau in the USSR and Abroad During World War II	13
Zhuravlyov S.V. “Crimea is ours!” New Evidence of Crimea and Sevastopol Liberation from German Invasion in 1944	29
Melnikova N.V. Staff Policy in the Soviet Nuclear Project	39
Logunova N.V., Mazitova L.L. “Trench Viewpoint”: Wartime Letters as the Object of Scientific Conceptualization in Linguistic Personology	52

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

Skripnik K.D. Debates in National and Foreign Philosophy on the Foundations, History and Identity of Analytical Philosophy	67
Dorskaya A.A., Dorskyi A. Yu. Historical Memory as the Object of International Law and National Regulations	85

PHILOLOGY. ART CRITICISM

Vikhrova N.N. Correspondence between Ivan Aksakov and his Wife as a Source for the Study of Conservative Ideas in the Second Half of the 19 th Century	97
Krylova A.V., Kiseeva E.V. Music Theatre between the 20 th and 21 st Centuries: Problem of Genre Update	110

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Ananyeva K.I. Characteristics of Interpersonal Perception in a Situation of Communication	123
---	-----

FIELD RESEARCH

Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Excavations at Eski-Kermen Site in 2019	134
---	-----

CONFERENCES. CONVENTIONS. SYMPOSIA

Vdovichenko M.V., Antonov E.E.

- Russian Scientific Conference with International Participants
 “Archaeological Studies in Russia: New Sources and Interpretations”
 (Moscow, March 2–3, 2020) 144

THE RFBR BOOK WORLD

Tyumentsev I.O. —

- Gomanenko O.A., Zagorulko M.M. (eds.). Stalingrad Group of Forces. 1943–1944:
 Documents and Materials. Moscow, Political Encyclopaedia, 2019. 767 p., ill. 148

Akhremenko D.A. —

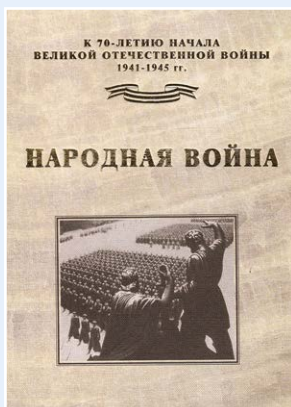
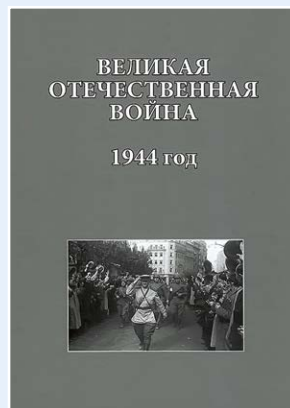
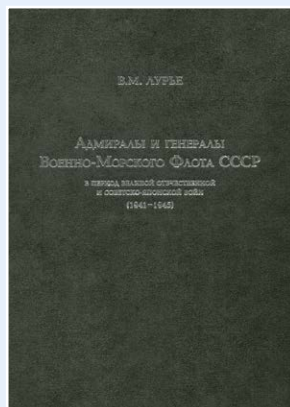
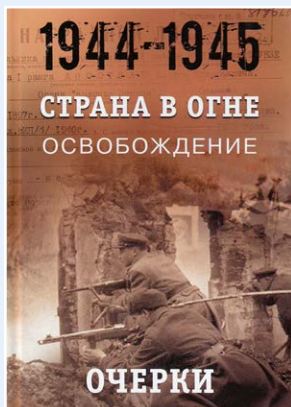
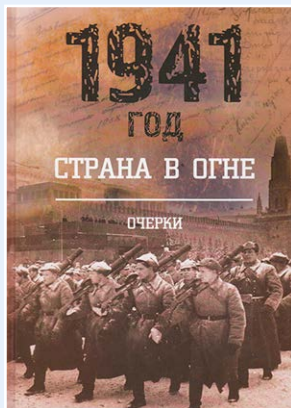
- Orthodoxy in Ukraine during World War II. Collection of Documents and Materials /
 prepared by L.A. Lykova. Moscow, Political Encyclopaedia, 2019. 511 p., ill. 152

Abolina M.M. —

- Korostelyov O.A., Morozov S.N. (compil. eds.). Literary Heritage. Vol. 110:
 Ivan Bunin. New Sources and Studies: in 4 Books. Book 1 / Gorky Institute of World Literature,
 Russian Academy of Sciences. Moscow, Gorky Institute of World Literature,
 Russian Academy of Sciences, 2019. 1184 p., ill. 154

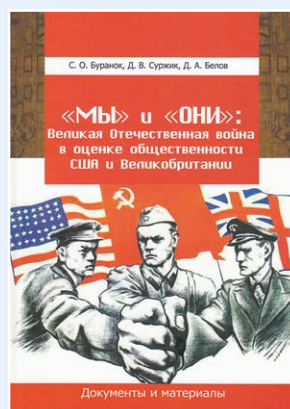
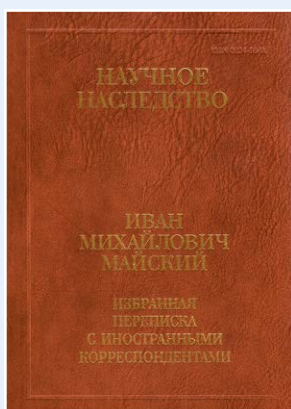
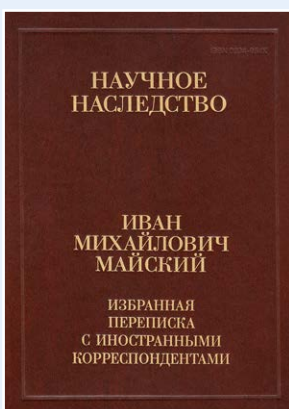
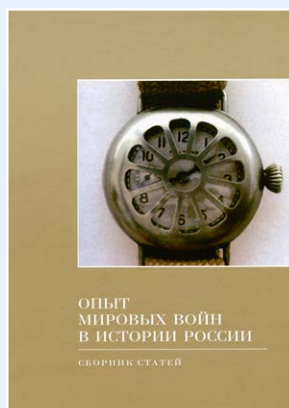
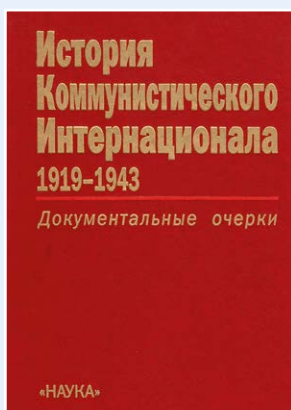
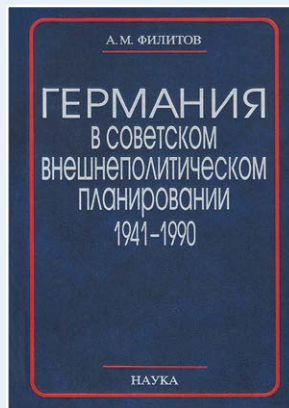
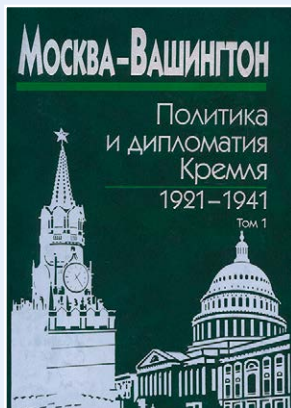
Fedyakin S.R. —

- Kornienko N.V. (ed.). Andrei Platonov’s Archive. Book 2: Description of the Manuscript
 of “Chevengur” Novel. Dynamic Transcription / Executive Secretary E.V. Antonova.
 Moscow, Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 2019. 672 p., ill. 157

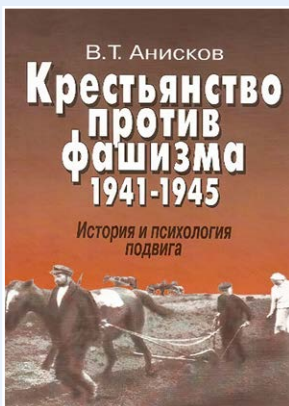
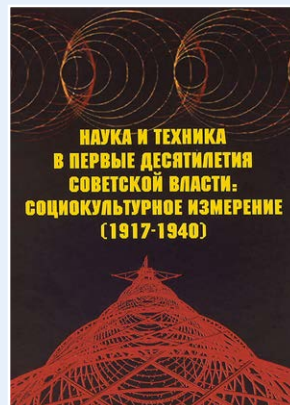
К 75-летию Великой Победы

Научные труды, изданные при финансовой поддержке Фонда

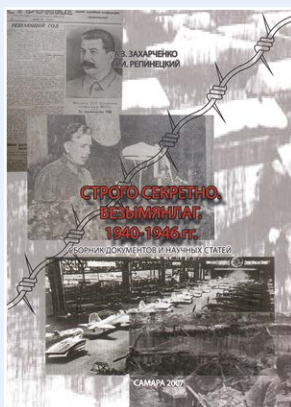
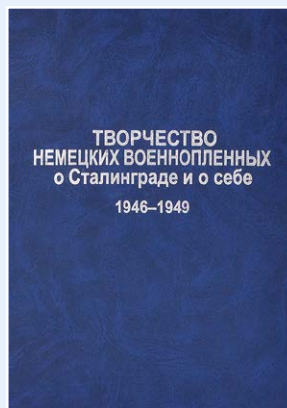
К 75-летию Великой Победы

Научные труды, изданные при финансовой поддержке Фонда

К 75-летию Великой Победы

Научные труды, изданные при финансовой поддержке Фонда

К 75-летию Великой Победы

Научные труды, изданные при финансовой поддержке Фонда

К 75-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

УДК 94(47).084.8

ГРНТИ 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-099-02-13-28

**А.Ю. ДАВЫДОВ,
О.А. БАЛАНДИНА***

Совинформбюро в СССР и за рубежом в годы Великой Отечественной войны

В статье рассматриваются аспекты информационно-пропагандистской деятельности советского государства в годы Великой Отечественной войны. Средством осуществления её на указанном этапе стало Советское информбюро (СИБ), созданное 24 июня 1941 г. Уделяется внимание основным направлениям функционирования этого ведомства. Новизна выводов авторов состоит в том, что тщательно редактировавшиеся лично И.В.Сталиным сообщения Совинформбюро атрибутированы в качестве своего рода канонических текстов. Поставлен вопрос о решающем значении сформулированных в них паттернов для выработки содержания отечественных СМИ. Авторы проследили, как при помощи сводок Иосиф Виссарионович управлял средствами массовой информации.

Актуальность исследования обнаруживается в выявлении и аргументации ключевой роли воплощённых в сводках марксистских идеологем как доминант, определявших весь комплекс газетно-журнальных материалов. Изучая автографы Сталина, авторы пришли к выводу о непреложности для вождя догмата об исключительной прогрессивности советского социалистического общества. Аргументация образцовости данного социума, как и доказательство оттенявшей её безупречность крайней реакционности противостоявшего режима, связывались с тотальным искажением фактов. Вместе с тем в статье представлена авторская разработка процесса информационной экспансии, организованной Совинформбюро в рассматриваемый период на международной арене. По утверждению исследователей, целью экспансии было создание плацдарма для развёртывания идеологического наступления в послевоенное время. Авторы статьи пришли к выводу о том, что устраивавшиеся СИБ кампании по причине их идеологической мотивированности к серьёзному (с учётом очень крупных финансовых и трудовых затрат) успеху не приводили, ибо доверия к советским СМИ у немалой части отечественного населения и у большинства иностранцев не возникало.

* **Давыдов Александр Юрьевич** — доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета (РГПУ) им. А.И. Герцена, руководитель проекта «Власть, информация и общество: их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны» (19-09-00244а).

E-mail: davydov.au@mail.ru

Баландина Олеся Александровна — аспирант кафедры методики обучения истории и обществознанию РГПУ им. А.И. Герцена, исполнитель того же проекта.

E-mail: olesya.balandina@inbox.ru

Ключевые слова: Совинформбюро, Великая Отечественная война, И.В. Сталин, сводки, идеология, пропаганда, информация

Организация и финансирование

Советское информбюро (Совинформбюро, СИБ) представляло собой ведомство, исполнявшее функции организатора государственной информационно-пропагандистской политики. Об основных тенденциях выработки и реализации последней в тяжёлые годы Великой Отечественной войны авторы рассказывают в данной статье. Эта работа стала результатом обобщения фактов, обнаруженных в делопроизводственных документах архивных фондов И.В. Сталина и секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова. Внимательному изучению подверглись и материалы, выявленные в основном фонде Совинформбюро, в фонде первичной партийной организации этого ведомства и в некоторых других комплексах источников.

Решение о создании Совинформбюро, принятое на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) вечером (в начале седьмого часа) 24 июня 1941 г., было оформлено в виде постановления ЦК партии и Совнаркома СССР. В документе формулировалась задача: «В целях сосредоточения руководства всей работой по освещению международных событий, внутренней жизни страны, а также освещения военных событий — образовать Советское информационное бюро» [1, с. 213].

Председателем СИБ назначили секретаря ЦК партии и кандидата в члены Политбюро, фаворита Сталина — Александра Сергеевича Щербакова: он сосредоточился на исполнении представительских функций и, кроме того, совместно с И.В. Сталиным трудился над текстами сообщений (сводок) Совинформбюро [2, с. 410; 3, с. 335]. При этом основная часть работы

в учреждении легла на плечи заместителя Щербакова — С.А. Лозовского, когда-то хорошо знавшего В.И. Ленина, бывшего эмигранта, меньшевика, перешедшего к большевикам в 1919 г. По словам близкого к Соломону Абрамовичу журналиста А. Верта, «старый большевик с оппозиционным прошлым, должно быть, пережил немало тревожных минут во время чисток» [4, с. 115]. Права на ошибку этот организатор Совинформбюро не имел.

На первых порах предполагалось выделить новой организации помещения в здании ЦК ВКП(б) на Старой площади. С.А. Лозовскому даже показали предназначавшиеся для канцелярской работы комнаты с телефонами и сейфами [5, с. 27]. Однако в последний момент было решено не афишировать близость СИБ к Управлению пропаганды и агитации Центрального комитета; Совинформбюро всеми силами стремилось обозначить свою государственную (вовсе не партийно-идеологическую) функцию. Учреждению предоставили здание бывшей греческой миссии [6, с. 584, 587]. Там ведомство размещалось до октябрьской (1941 г.) эвакуации в Куйбышев. После возвращения в 1942 г. в столицу Совинформбюро расположилось в двух московских особняках — в Собиновском пер. (д. 5а) и в Калашном пер. (д. 6)¹. Со временем аппарат разрастался. В 1943 г. ведомство переселили из небольших зданий в два других: в д. 10 на ул. Станиславского (ныне Леонтьевский переулок) и в дом (тоже под номером 10) на ул. Кропоткинской (сейчас — ул. Пречистенка)².

Уделим внимание организационному строению рассматриваемого учрежде-

¹ ГА РФ. Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 90. Л. 251 – 266.

² АВП РФ. Ф. 013. Оп. 5. П. 4. Д. 39. Л. 11; ГА РФ. Ф. Р-8581. Оп. 1. Д. 1148. Л. 40.

Фото 1. С.А. Лозовский с сотрудниками Совинформбюро после вручения им медалей «За Победу в Великой Отечественной войне Советского Союза». Май 1945 г.

ния. Уже 25 июня 1941 г. С.А. Лозовский отправил А.С. Щербакову записку с предложениями об устройстве штатов СИБ и со сведениями о кандидатурах руководителей [7, с. 48]. Он рекомендовал сформировать структуру из четырёх основных отделов: военного (заведующий — генерал Ф.И. Голиков), контрпропаганды (Я.С. Хавинсон), международной жизни (Г.Ф. Саксин), внутренней жизни (А.И. Маханов), а также двух вспомогательных служб — отделов радиовещания и печати. Секретариат следовало составить из 23 чел. По замыслу Лозовского, в каждой из частей должны трудиться по 8 работников. В общей сложности план Лозовского исходил из примерной численности трудового коллектива в 80 чел., включая начальника, его заместителя и их помощников [8, с. 107].

Проект заместителя председателя был реализован после небольшого изменения: вместо двух отделов — радиовещания и печати — создали группу (в 1942 г. получила статус отдела) литературы и искусства. В итоге образовалось 5 подразделений в составе Совинформбюро. Руководили ими четверо функционеров из указанного «списка Лозовского», а также возглавивший группу литературы и искусства А.А. Фадеев (после него во главе этой части стояли А.Н. Афиногенов, Е.П. Петров, П.А. Павленко)¹. Генерала Ф.И. Голикова, отправленного уже в июле 1941 г. в Великобританию руководить военной миссией, сменил бывший главный редактор «Красной звезды» Е.А. Болтин [5, с. 28; 9, с. 33, 42].

В дальнейшем, по мере освоения новых участков работы, появлялись и новые

¹ ГА РФ. Ф. Р-8581. Оп. 1. Д. 10. Л. 15, 17.

структурные подразделения. Например, в процессе налаживания и расширения связей с западноевропейскими СМИ появлялись отделы – английский, скандинавских стран, сотрудничества с профсоюзной прессой Запада и т.д. К 1945 г. подобных служб насчитывалось 16 и в них было занято около 600 штатных (и очень много внештатных) сотрудников [6, с. 591, 596] (фото 1). От года к году «сибовцы» все более сосредоточивались на подготовке и распространении материалов для заграницы.

Наряду с налаживанием работы центрального аппарата в Москве, в период войны Информбюро организовало региональные подразделения в Куйбышеве и Ленинграде, создало сеть представительств за рубежом. [10, с. 21–48]. Под контролем верховной власти при СИБ образовались и действовали пять антифашистских комитетов, позиционировавших себя как негосударственные структуры [11, с. 520].

Совнарком СССР осуществлял прямое финансирование Совинформбюро, ежегодно устанавливая сметы государственных расходов на содержание ведомства и его представительств за рубежом¹. В первое военное полугодие было выделено и потрачено 546 тыс. рублей. В 1942 г. СИБ израсходовало почти 11 млн рублей; в 1943 г. – 23 млн 821 тыс. рублей; в 1944 г. – около 34 млн рублей; за весь 1945 г. траты Информбюро составили 43 млн 294 тыс. рублей². Как видим, советское правительство делало очень большие вложения в Совинформбюро. Например, на использованные последним в 1944 г. деньги можно было произвести 240 танков Т-34. А это целый танковый корпус [12, с. 69].

Ориентиры информационной деятельности

В то же время Совинформбюро функционировало как орган информирования

граждан в соответствии с запечатлёнными в мозгу И. Сталина картинками-симулякрами, косвенно отражавшими реальность. Информационные поделки фабриковались Иосифом Виссарионовичем в полном соответствии с присущими ему представлениями об эффективной модели народной мобилизации. Изобретённые вождём клише находили воплощение в текстах сводок СИБ – своего рода матрицах, в которые отлилось сталинское понимание существа и перспектив «прогрессивных» советского общества и его социалистического государства. При помощи «сибовских» сводок Иосиф Виссарионович фактически управлял отечественными средствами массовой информации, уделяя очень много внимания и времени этой работе. Нередко в приёмной у Сталина руководители Генштаба и Ставки (Г.К. Жуков и другие) подолгу ожидали, пока Верховный главнокомандующий закончит правку формулировок очередной сводки [13, с. 13]. «Вот так будет хорошо», – восклицал Сталин, придумав удачную фразу [14, с. 273]. Понравилась Иосифу Виссарионовичу выработанное А. Щербаковым обтекаемое клише «Существенных изменений на фронте не произошло», которое очень часто использовалось в текстах сводок. [15, с. 82].

Сообщения Совинформбюро для отечественных СМИ имели значение директивных материалов. Это были своего рода канонические тексты, определявшие содержание всей доводившейся до народа информации. Главный редактор газеты «Красная звезда» Д.И. Ортенберг вспоминал, что начальник СИБ А.С. Щербаков установил такой порядок, «по которому газеты не имели права сообщать о важнейших событиях на фронте раньше Совинформбюро» [16, с. 100]. Отправить по назначению ценную информацию до выхода сводки было нельзя, в результате она устаревала. По этому поводу сокрушался, в частно-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 46 а. Д. 4233. Л. 24-25, 30; РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 998. Л. 21.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 383. Л. 104.

Фото 2. «Действующая армия. Бойцы рассматривают цепь, одну из тех, которыми немецкие фашисты приковывают своих солдат к пулемётам». Фото Л. Великжанова. «Красная звезда». 20 августа 1941 г.

сти, корреспондент ТАСС на Ленинградском и Волховском фронтах П.Н. Лукницкий в своих дневниковых записях за июль 1943 г. [17, с. 243].

Сформулированные в сводках паттерны развивались на полосах газет и журналов, в радиопередачах. Так, одним из значимых информационных поводов для корреспондентов являлась неизменно проводившаяся в сводках базовая идея о разложении гитлеровской армии. Данную доминанту следовало поддерживать всем комплексом журнально-газетных материалов. О том, как это осуществлялось, свидетельствует, например, следующий выразительный факт. В газете «Красная звезда» 20 августа 1941 г. появилась фотография, изображавшая красноармейцев, которые рассматривали цепь противоскользящая для немецкого тягача, и сопровождавшаяся надписью: «Действующая армия. Бойцы рассматривают цепь, одну из тех, которыми немецкие фаши-

сты приковывают своих солдат к пулемётам» (фото 2).

Показательно, что на всех этапах войны сохранялась тенденция описывать фашистское войско разделённым на враждебные социальные группы. Организованного, сильного и опытного врага, с которым красноармейцам приходилось встречаться на фронте, в сводках и на страницах газет не обнаруживалось. Прimitивно-классовые штампы, нашедшие воплощение в сводках, подпитывали интернационалистские иллюзии у части советских граждан, тем самым дезориентируя их. Например, помощник военного прокурора Ленинграда А.М. Буянов через 14 месяцев после начала войны (в августе 1942 г.) в личном дневнике писал о том, как он ждёт не дожждётся, когда услышит сводку: «В Берлине вспыхнуло восстание. Штурмовые отряды СС расправляются с населением немецких городов, где происходят массовые волнения». «Скоро так

Фото 3. Диктор Ю.Б. Левитан. 10 августа 1941 г. Фото Ф.И. Кислова

и будет», — размышлялся донкихот-интернационалист¹.

С 24 июня 1941 г. до 15 мая 1945 г. сводки ежедневно публиковали в газетах и передавали по радио под грифом «От Советского информбюро». Зачитывать их поручили лучшему диктору Всесоюзного радио Ю.Б.Левитану. Его голос оказывал мощное влияние на эмоциональный настрой и чувства граждан. Именно с Юрием Борисовичем и его даром слова в сознании советских людей ассоциировалось Совинформбюро (фото 3). Известный писатель, сотрудник СИБ Б.Н.Полевой вспоминал, что для военного поколения мужественный баритон Левитана отождествлялся с голосом советского правительства [18, с. 205]. Вот высказывание жительницы блокадного Ленинграда Л.Л.Эльшовой: «По первым словам Левитана, по его тону мы понимали: хорошие

или плохие нас ждут вести. Это определяло настроение» [19, с. 61].

Понимая, какое колоссальное воздействие на мирных граждан и советских солдат оказывает голос Левитана, Гитлер назвал его личным врагом и приказал уничтожить, назначив за его голову баснословное вознаграждение — 250 тыс. рейхсмарок. Советское правительство тщательно охраняло Юрия Борисовича. Осенью 1941 г. его эвакуировали в Свердловск, затем (в марте 1943 г.) — в Куйбышев [20, с. 30]. В общей сложности на протяжении всей войны Левитан зачитал 2,5 тыс. сводок Совинформбюро и приказов Верховного Главнокомандования [21, с. 18]. Вдохновенный голос Левитана, его оттенки, тональность, акценты вызывали у слушателей доверие к тем материалам, которые вырабатывали И.Сталин и А.Щербаков.

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 11. Д. 19. Л. 46 об – 47.

В первой части «сибовских» сообщений вкратце освещалось положение дел на фронтах (фото 4) и «направлениях» с акцентированием внимания на сильно преувеличенных цифрах потерь гитлеровцев; факты подбирались оперативным управлением Генштаба и компилировались А.С.Щербаковым и И.В.Сталиным. Вторая часть сообщений состояла из составленных отделами Совинформбюро эпизодов, наглядно иллюстрировавших боевой и – реже – трудовой подвиг соотечественников. Здесь же приводились сведения об издевательствах (их неизменно именовали «зверствами») фашистов над гражданами СССР, а также упоминались впечатляющие данные о катастрофическом упадке воинского духа в армиях противника. Коллизия состояла в том, что на начальном этапе войны абсолютное преобладание победных сюжетов никак не сочеталось со сведениями о захваченных неприятелем населённых пунктах.

Схема информирования людей была такой: говорилось об «оставленной» местности, потом в нескольких сводках писали исключительно о героических проявлениях и о неисчислимых потерях гитлеровцев, однако следующий захваченный врагом город неожиданно оказывался расположенным далеко на востоке. Введённые в замешательство граждане легко поддавались фрустрационным настроениям, приведшим, в частности, к панике и беспорядкам в Москве в середине октября 1941 г.

На завершающих этапах войны (с рубежа 1942–1943 гг.) интенциональные установки, сформулированные в сводках, оставались теми же самыми. Тем не менее Красная армия начала всё чаще наступать. В результате восторженный настрой «сибовских» сообщений перестал столь очевидно противоречить фронтовой реальности. Хотя коллизия сохранялась: публиковавшиеся Совинформбюро данные об огромных немецких потерях

Фото 4. Ленинградцы на проспекте 25-го Октября слушают передаваемое по радио сообщение Совинформбюро. Ленинград, 27 июня 1941 г. Фото Г.И. Чертова. ЦГАКФФД СПб

по-прежнему превосходили все разумные пределы, а война почему-то не заканчивалась. Объяснить сохранение боеспособности фашистской армии могло только чудо. «По сообщениям получается, что немцев бьют, а они продолжают оставаться сильными», — такими словами выразил недоумение граждан экономист одного из наркоматов Фёдоров, выступая на собрании сотрудников 26 июня 1944 г.¹ Тем не менее в новых обстоятельствах интеллигенция чаще всего воспринимала сообщения СИБ не как «лживость», а как вынужденную условиями информационной войны процедуру частичного сокрытия суровой реальности. Поэтому в дневниках и мемуарах, относившихся к завершающим войну периодам, мы редко обнаруживаем нелестные отзывы об официальных сообщениях.

Роль И.В. Сталина

Простые люди были бы очень сильно разочарованы, узнав о том, как делались новости. По воспоминаниям ответственного секретаря СИБ В.С. Кружкова, подлинным создателем информационно-пропагандистской парадигмы выступал Сталин и он «...не щадил немцев» (фото 5). Именно от него исходила инициатива изображения войны в эпическом контексте. Кружков далее рассказывал: «Если по сводкам посчитать все потерянные противником самолёты, танки, корабли, оружие и людские силы, то ни в Германии, ни в захваченной ею Европе не осталось бы ни людей, ни техники уже к середине войны» [13, с. 13]. По его же утверждению, «сибовцы», улавливая шапкозакидательское настроение Сталина, старались «увеличивать потери немецкой стороны» [13, с. 13]. Уже в конце ноября 1941 г. СИБ обнародовало данные о потерях гитлеровской сто-

роной шести миллионов человек (потери СССР — 2,1 млн)².

В фонде Сталина, хранящемся в Российском государственном архиве социально-политической истории, обнаруживаются дела с правленными лично Иосифом Виссарионовичем текстами сообщений Советского информбюро. Их изучение позволяет понять, как формировался газетный образ-симулякр, имитировавший военную действительность. Из автографов Сталина отчётливо видно, что он был хорошо знаком с фронтовой реальностью, но считаться с истиной не желал. Сталин нередко своей рукой переписывал целые страницы сообщений Совинформбюро, делая акцент преимущественно на усилении эмоционального воздействия информационных материалов. Например, ему нравилось словосочетание «Смерть за смерть, кровь за кровь» и он вставлял его в сводки. С фактами верховный цензор обращался чрезвычайно вольно. При этом цифры сводок служили оценкой военных деятелей: тех командующих, которые были в фаворе, вождь «поощрял» дополнительным количеством уничтоженных врагов; в то же время он уменьшал урон, нанесённый фашистам войсками, действовавшими под руководством нелюбимчиков³. Оценку потерь Красной армии Иосиф Виссарионович воспринимал с большим предубеждением и, как правило, её обходил, соответственно в сводках она почти не затрагивалась или во много раз преуменьшалась.

Сталин и Щербаков относились к числу ревностных приверженцев патетизации языка официальных сообщений. По их мнению, только «героические» сюжеты могли вдохновить людей. Многочисленные рассказы о доблести бойцов сочинялись по агиографическому стереотипу, образы героев отличались ходульностью.

¹ ЦГА Москвы. П-4. Оп. 35. Д. 216. Л. 129.

² Смехотворные измышления гитлеровских фальшивомонетчиков о потерях советских войск. Совинформбюро // Красная звезда. 1941. № 278. 26 ноября. С. 1.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 490. Л. 7, 43-44, 46.

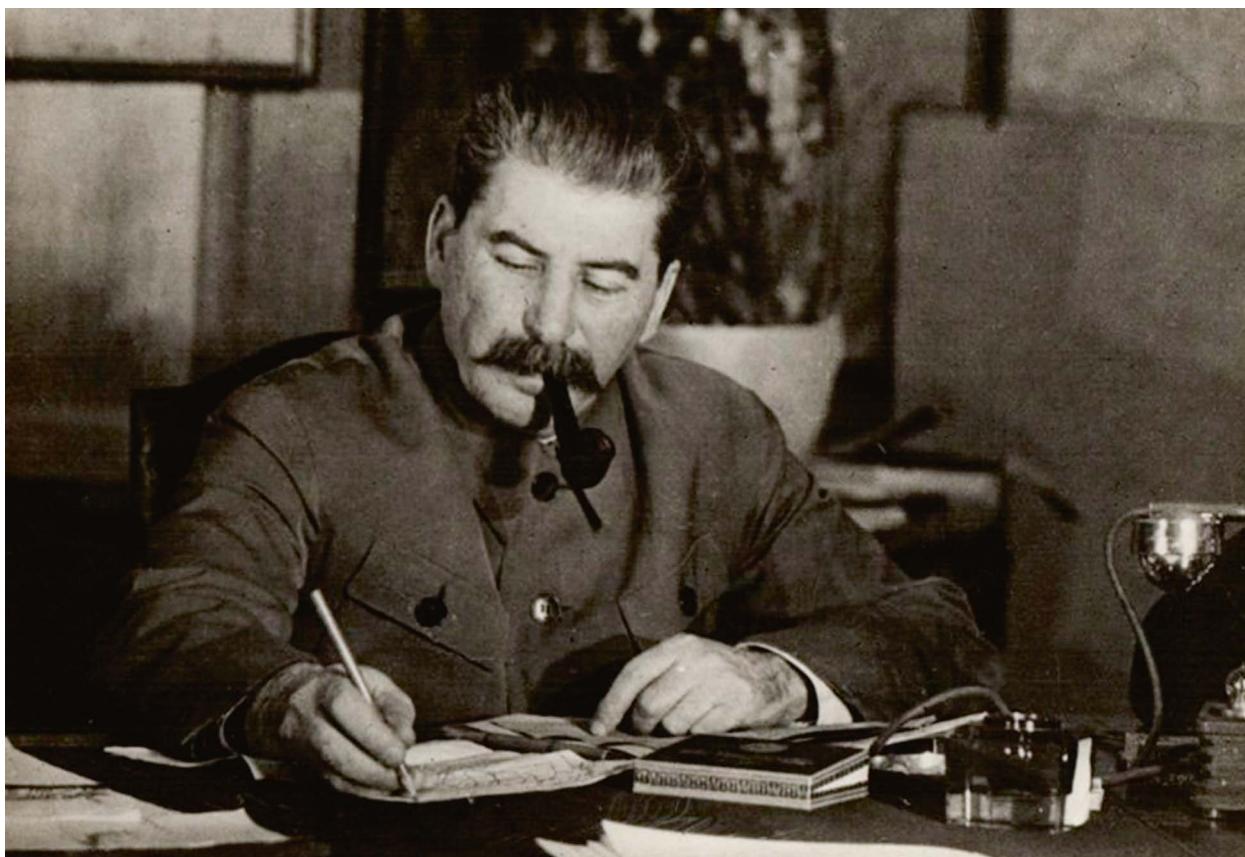

Фото 5. И.В. Сталин за работой

Тем временем советские люди оценивали помещавшиеся на газетных полосах пафосные эпизоды как нагрузку к сообщениям о событиях на фронтах. Не без причины в феврале 1942 г. в своём дневнике упоминавшийся выше А.М.Буянов (тогда ещё инструктор Василеостровского райкома партии) писал, что «эпизоды уничтожения фашистов не производят впечатления».¹ Однако на протяжении войны элементом информационной атрибутики оставались примерно одинаковые по смыслу пафосные сюжеты.

Как представляется, составителей сводок в первую очередь заботили единообразие и однотипность сообщавшихся народу сведений. С одной стороны, непротиворечивость и изоморфизм текстов были производными от парадигмы исторического оптимизма, присущей марксистским идеологемам социалистического об-

щества и коммунистического строительства. С другой стороны, думается, Сталин опасался повторения сценария 1916 г., когда в обстановке вражеского наступления на Отечество интеллигенция жёстко и публично критиковала власть. Вот почему экспериментировать вождь не рисковал, стараясь чаще всего интерпретировать события в бодряческом духе. В результате сводки представляли сочетание истины с баснями — с разной степенью преобладания последних на отдельных этапах Великой Отечественной войны.

«Забрасывание» статьями зарубежных СМИ

Второе (после информирования местного населения) важнейшее направление работы Совинформбюро воплотилось в подготовке публицистических и литературно-художественных текстов для за-

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 11. Д. 19. Л. 13 об, 16.

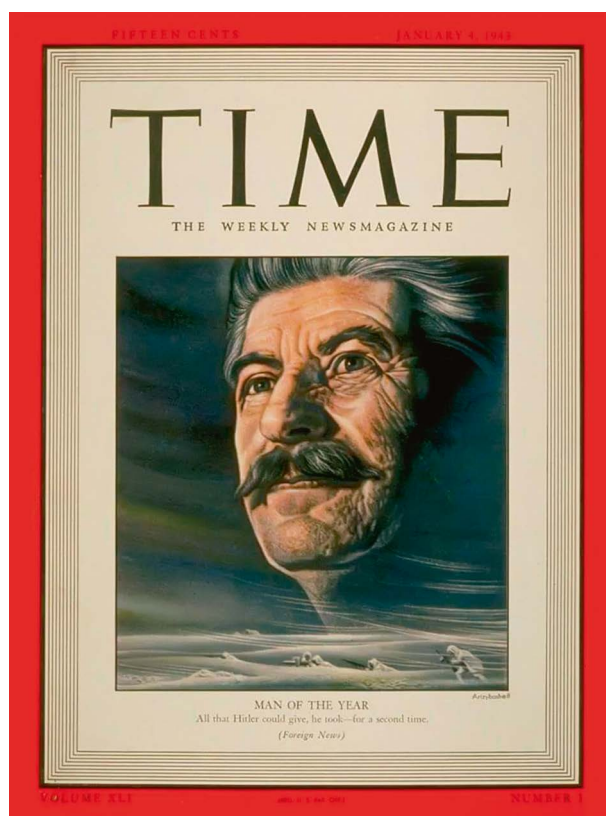

Фото 6. И.В. Сталин на обложке американского журнала «Time». 4 января 1943 г.

границы и в ознакомлении с ними народов других стран — главным образом Великобритании и США. Более того, с рубежа 1942–1943 гг. доминировал именно международный вектор деятельности изучаемой организации (фото 6). Ставилась приоритетная задача путём ознакомления иностранцев с подготовленными в СИБ «статьями» (официально так именовались разножанровые работы — очерки, корреспонденции, радиопередачи) популяризовать социалистические достижения советского общества. Актуальными информационными предложениями становились описание страданий жертв войны, повествование о героизме Красной армии, а также представление неисчислимых «зверств» фашистов в СССР.

¹ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 998. Л. 30.

² Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 157. Л. 2.

³ ГА РФ. Ф. Р-8581. Оп. 1. Д. 103. Л. 17.

⁴ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 998. Л. 22.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 154. л. 38–40.

Эти три темы не могли не затронуть сердца миллионов людей во всём мире.

Изучаемый период Политбюро ЦК ВКП(б) справедливо сочло подходящим временем для решения амбициозной задачи создания информационно-пропагандистского плацдарма, с которого большевистское государство предполагало развернуть идеологическое наступление в послевоенном мире. На важном совещании руководителей Информбюро, состоявшемся 17 января 1944 г., особо отмечалось, что после разгрома фашизма станет невозможно апеллировать к освободительной миссии Красной армии¹. Следовало воспользоваться моментом для расширения заграничной работы. Формой пропагандистского наступления было выбрано «забрасывание» зарубежных СМИ статьями «сибовских» авторов².

Исходная позиция для информационного наступления на Запад была самой невыгодной. Сталинская предвоенная внешняя политика обусловила падение престижа Советского Союза среди иноплеменников. По словам начальника английского отдела СИБ Ф.Саксина, до 22 июня 1941 г. «средний» иностранец «имел о нём (об СССР. — Прим. авт.) извращённое представление»³. Не удивительно, что международная работа Совинформбюро была крайне затруднена. В 1944 г. А.С.Щербаков вспоминал, что на первых порах подчинённое ему учреждение старалось «хоть куда-нибудь проникнуть» — имелись в виду заграничные газеты и журналы⁴. На протяжении всего изучаемого периода наблюдалась эскалация пропагандистской активности. Если за первое военное полугодие в зарубежные страны отправили 242 материала советских авторов, то в 1944 г. — уже около 60 тысяч⁵. Не зря к снабжению инфор-

мацией СМИ других стран подключились все 16 отделов рассматриваемой организации и созданные при ней антифашистские комитеты.

Тем не менее не стоит судить об эффективности работы ведомства по количеству журналистских произведений, адресованных зарубежным редакторам. Всего лишь около трети из них размещалось на газетных полосах; по другим данным — до половины¹. Причина обнаруживается в том, что не подразумевавший импровизаций язык сталинской бюрократизированной журналистики в очень многих случаях не устраивал избалованных информационным многообразием западных читателей и радиослушателей. Культурная изоляция советского общества, отсутствие конкуренции в сфере массовых коммуникаций, следование партийно-идеологическим императивам и пропагандистским канонам — всё это не способствовало появлению тех десятков тысяч публицистических работ, которые по-настоящему взволновали бы чужеземную публику. В борьбе за иностранные СМИ Совинформбюро не имело шансов выйти победителем, упускало возможности формировать позитивный имидж советского Отечества за границей.

В Москву от заграничных агентств поступали просьбы присылать материалы с «человечески-бытовым подходом», о героических людях со сложными характерами, о личностях ярких и противоречивых². В связи с этим А. Щербаков на совещаниях высказывался так: «Мы не будем приспособляться к требованиям, желаниям и надеждам наших потребителей»³. СИБ твёрдо держалось курса на пропаганду выдающихся достоинств советского режима, на представление миру идеализированного образа социалистического общества. Сталинские идеологемы, выражавшие упрощённое понимание отече-

ственного социума и его отношения с капиталистическим миром, никто не собирался модифицировать.

Проблемы с «качеством статей»

Существовало множество табуированных тем. Например, запрещалось рассказывать в прессе о советских спецмагазинах, о нарушениях трудовой дисциплины в СССР, о руководящей роли парткомов на заводах, о нестабильной работе предприятий и т.д. Камнем преткновения в отношениях Совинформбюро с западными СМИ стало ограничение публикации сведений об использовании в Советском Союзе ресурсов, поступавших от союз-

Фото 7. Иллюстрированное приложение к газете «Soviet war news weekly», издававшейся в Лондоне в 1941–1945 гг.

¹ ГА РФ. Ф. Р-8581. Оп. 1. Д. 13. Л. 19; РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 998. Л. 17.

² АВП РФ. Ф. 69. Оп. 35 а. П. 120. Д. 3. Л. 39.

³ ГА РФ. Ф. Р-8581. Оп. 1. Д. 13. Л. 24.

Фото 8. С.Н. Ростовский со своей лондонской газетой «Soviet war news weekly»

ников (помянуть добром капитализм не полагалось). В общем далеко не случайно, по отзыву заведующего отделом переводов СИБ и бывшего полпреда СС-СР в США А.А.Трояновского, статьи выходили «скучными» и к тому же не отвечали запросам иностранцев в получении «верной и своевременной информации»¹.

О «сухости и однообразии статей» говорили и руководители Совинформбюро, в частности сам С.А.Лозовский². Одна-

ко их действия носили характер косметических полумер. Время от времени разворачивались кампании по «борьбе за качество статей». На совещаниях в Информбюро то и дело рассуждали о необходимости усовершенствовать журналистские приёмы и формы. Звучали проникновенные речи о важности усиления жанрового и стилистического разнообразия, даже об актуальности усвоения опыта западных сочинителей. Излюбленной темой на совещаниях стало пропесочивание «халтурщиков» и «лакировщиков». Однако вопросы повисали в воздухе, поскольку Совинформбюро функционировало в рамках сугубо агитационной парадигмы.

В дополнение ко всему структуры СИБ работали в условиях штурма: недаром его отделы официально назывались «производственными». В данном смысле изучаемая организация мало отличалась от обычного советского предприятия. Существовали месячные, квартальные и годовые планы, которые следовало выполнять любой ценой. К концу каждого отчётного периода ежедневное количество отправля-

вшихся за границу статей многократно увеличивалось. Авторы писали по шаблону: начинал «строчить пулемёт» и «немцы выпрыгивали из окна», обязательно «боец не растерялся», а лётчик «протаранил» вражеский самолет и т.п.³ Зачастую на совещаниях приводились курьёзные выдержки из отправлявшихся за границу статей; авторы писали о людях «влюблённых в ненависть к фашистам», о «мирных волжских морях», о том, как «со стра-

¹ ГА РФ. Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 82. Л. 25 – 26.

² ГА РФ. Ф. Р-8581. Оп. 1. Д. 74. л. 1 об., 2.

³ ГА РФ. Ф. Р-8581. Оп. 1. Д. 73. Л. 78.

ниц газеты ключом бьёт пульс жизни дивизии»¹... В одном из произведений речь шла о каменщике, чудесным образом положившем за смену 30 тыс. кирпичей. В другой раз Совинформбюро отправило в Великобританию фотографию «Горящий немецкий танк», на которой англичане обнаружили полыхавший английский танк «Матильда»².

Новаторы Совинформбюро

Подавляющее большинство советских авторов трудилось в условиях жёстких цензурных ограничений и «производственных» авралов [22, с. 70–71). Их продукция страдала «низким качеством». Тем не менее в интересах привлечения западного общественного мнения на сторону СССР «сибовское» начальство было вынуждено согласиться с творческой автономией небольшой группы маститых писателей и журналистов; им и платили за работу в Информбюро в два–три раза больше, чем остальным³. В итоге произведения И. Эренбурга, М. Шолохова, В. Гроссмана, А. Толстого, О. Берггольц..., повествовавшие о жизни и борьбе советского народа, задевали за живое иностранцев. Коллектив талантливых творческих работников выступал драйвером процесса распространения влияния Совинформбюро за границей. В условиях возрастания интереса зарубежной общественности к событиям в СССР работы мастеров встречались на ура и в результате возрастал интерес к сочинениям некоторых других «сибовских» публицистов.

Распространение материалов за границей Совинформбюро осуществляло через советские представительства, которые периодически выпускали в свет посольские бюллетени с поступавшими из Москвы материалами. В нескольких

столицах стран мира работали представители изучаемой организации. В то же время ведомство по договоренностям или наудачу рассылало тексты в западные информагентства, в редакции периодических изданий и радиостанций. Самым успешным проектом СИБ явилась деятельность его лондонского подразделения, которым руководил талантливый журналист-новатор С.Н. Ростовский (псевдоним Э. Генри). Получив активную поддержку со стороны влиятельного посла И.М. Майского, лондонские «сибовцы» издавали популярную газету «Еженедельник советской войны» («Soviet war news weekly»). [23, с. 245–250]. В ней печатались статьи СИБ, однако – обработанные сотрудниками Ростовского и приспособленные к запросам английских читателей (фото 7 и 8). Среди британцев насчитывались, по данным отчётных документов, «сотни тысяч читателей» материалов Совинформбюро⁴. Замечательно, что профессиональным и мотивированным исполнителям в годы Великой Отечественной войны удавалось исправлять ошибки сталинской власти. Однако это было исключением, а не правилом, иначе не браковалась бы западными редакторами большая часть «сибовских» статей. С.А. Лозовский по данному поводу в сентябре 1943 г. на партийном собрании с горечью высказывался так: «Всё это (статьи. — *Прим. авт.*) идёт в корзину, а мы на это затрачиваем миллионы рублей»⁵.

Как видно, Советское информбюро, прямо выражая верховную волю и получая серьёзную материально-финансовую поддержку от государства, в условиях Великой Отечественной войны в первую очередь сосредоточилось на пропаганде достижений социалистического строя в СССР среди отечественного населения

¹ ГА РФ. Ф. Р-8581. Оп. 1. Д. 73. Л. 75; ГА РФ. Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 14. Л. 151–155; ГА РФ. Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 130. Л. 10.

² АВП РФ. Ф. 69. Оп 35 а. П. 120. Д. 3. Л. 12–13; ГА РФ. Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 127. Л. 205.

³ ГА РФ. Ф. Р-8581. Оп. 1. Д. 68. Л. 35.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-8581. Оп. 2. Д. 39. Л. 63.

⁵ ЦГА Москвы. Ф. П-522. Оп. 1. Д. 1. Л. 83.

и граждан других стран. Вождь И.В. Сталин исходил из ложной идеи об исключительной «прогрессивности» новой общественной формации, для подтверждения которой допускалась тотальная фальсификация фактов или фабрикация новостей. Выстраивание информационной

политики в соответствии с идеологическими императивами обусловило многочисленные упущения в сфере консолидации советских общества и власти, а также имело следствием предвзятое отношение иностранцев к большинству поступавших из Москвы сообщений.

ЛИТЕРАТУРА

1. КПСС в резолюциях и решениях конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. М.: Политиздат, 1985. Т. 7.
2. Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Военное издательство, 1984.
3. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. 1.
4. Верт А. Россия в войне 1941–1945 гг. М.: ЭКСМО, 2003.
5. Болтин Е.А. Памятные годы (1939–1945 гг.) М.: Научная книга, 2002.
6. Шамберг В.М. Лозовский. М.: Издательский Дом ТОНЧУ, 2012.
7. Петрова Н.К. Антифашистские комитеты в СССР: 1941–1945 гг. М.: Институт российской истории, 1999.
8. Борков А.В. СССР в мировом информационном пространстве (1917–1945 гг.). Н.Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 1995.
9. Харламов Н.М. Трудная миссия. М.: Воениздат, 1983.
10. Баландина О.А., Давыдов А.Ю. Власть, информация и общество: их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны. СПб.: Евразия, 2020.
11. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12 т. Под ред. С.К. Шойгу. М.: Кучково поле, 2014. Т. 10.
12. Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник. М.: ИИЦ «Статистика России», 2020.
13. Ерёменко В.Н. Вблизи сильных мира сего // Литературная Россия. 2001. № 50. С. 12–13.
14. Яковлев А.С. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М.: Центр рекламных технологий «Золотое крыло», 2016.
15. Широкоград И.И. Центральная периодическая печать в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: МГУП, 2001.
16. Ортенберг Д.И. Сталин, Щербаков, Мехлис и другие. Воспоминания военного журналиста. М.: Кодекс МВД России, 1995.
17. Лукницкая В.К. Перед тобой земля: отрывки из дневников, документы из архива П.Н. Лукницкого. Л.: Лениздат, 1988.
18. Полевой Б.Н. Силуэты. М.: Советский писатель, 1978.
19. Пянкевич В.Л. «Люди жили слухами»: неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб.: Владимир Даль, 2014.
20. Таранова Э. Левитан. Голос Сталина. СПб.: Партнер СПб, 2010.
21. Ковалев Г.А. Совинформбюро в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1987. № 6. С. 14–23.
22. Берггольц О.Ф. Ольга. Запретный дневник: дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц / Сост. Н. Соколовская. СПб.: Азбука, 2011.
23. Генри. Э. Заметки публициста. М.: Изд-во АПН, 1988.

ENGLISH

**Soviet Information Bureau in the USSR
and Abroad During World War II**

Aleksandr Yurievich Davydov – Doctor of Science (History), professor at Russian History Department, Herzen State Pedagogical University of Russia, supervisor of the project “Power, Information and Society: Their Relations in the Operations of the Soviet Information Bureau during World War II” (19-09-00244a).
E-mail: davydov.au@mail.ru

Olesya Aleksandrovna Balandina – postgraduate, History and Social Studies Department, Herzen State Pedagogical University of Russia, researcher in mentioned project.
E-mail: olesya.balandina@inbox.ru

The article studies aspects of the Soviet outreach during World War II. The tool of such outreach was the Soviet Information Bureau, established on June 24, 1941. The authors focus on main directions of the operation of the Bureau. The novelty of the authors' findings lies in the fact that canonical texts of the Soviet Information Bureau were actually censored by Joseph Stalin himself. The article questions the significance of the underlying patterns for the development of domestic media content. The authors study how Stalin managed the media with the help of reports.

The study is relevant, as it reveals and argues the key role of Marxist ideologemes, contained in the reports, as the dominant factor defining the whole complex of newspaper and journal sources. Upon studying Stalin's notes, the authors conclude that the tenet of exceptional progressivity of Soviet socialist society was unquestionable for its leader. The argument on the excellence of the society and the proof of extreme reactivity of the opposing regime that cast shadow on the perfect society are connected with a complete perversion of facts. The article also contains the authors' investigation into information expansion organized by Soviet Information Bureau in the international arena during the studied period. According to the researchers, the expansion was aimed at creating a springboard to launch an agenda offensive in the post-war period. The authors conclude that Bureau's campaigns never succeeded despite major financial and labour investments due to deep ideological motivation: the majority of Soviet people, as well as most foreigners had no trust towards Soviet media.

Keywords: Sovinformburo, Great Patriotic War, I.V. Stalin, reports, ideology, propaganda, information

REFERENCES

1. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh konferentsiy i plenumov TSK. Izd. 9. M.: Politizdat, 1985. T. 7 (in Russian).
2. Vasilevskiy A.M. Delo vsey zhizni. M.: Voennoe izdatel'stvo, 1984 (in Russian).
3. Zhukov G.K. Vospominaniya i razmyshleniya. M.: OLMA-PRESS, 2002. T. 1 (in Russian).
4. Vert A. Rossiya v voyne 1941–1945 gg. M.: EKSMO, 2003 (in Russian).
5. Boltin E.A. Pamyatnye gody (1939–1945 gg.) M.: Nauchnaya kniga, 2002 (in Russian).
6. Shamberg V.M. Lozovskiy. M.: Izdatel'skiy Dom TONCHU, 2012 (in Russian).
7. Petrova N.K. Antifashistskie komitety v SSSR: 1941–1945 gg. M.: Institut rossiyskoy istorii, 1999 (in Russian).

8. Borkov A.V. SSSR v mirovom informatsionnom prostranstve (1917–1945 gg.). N. Novgorod: Izd-vo NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 1995 (in Russian).
9. Kharlamov N.M. Trudnaya missiya. M.: Voenizdat, 1983 (in Russian).
10. Balandina O.A., Davydov A.Yu. Vlast', informatsiya i obshchestvo: ikh vzaimosvyazi v deyatelnosti Sovetskogo informbyuro v usloviyakh Velikoy Otechestvennoy voyny. SPb.: Evraziya, 2020 (in Russian).
11. Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 gg. V 12 t. Pod red. S.K. Shoygu. M.: Kuchkovo pole, 2014. T. 10 (in Russian).
12. Velikaya Otechestvennaya voyna. Yubileyny statisticheskiy sbornik. M.: IITS «Statistika Rossii», 2020 (in Russian).
13. Eryomenko V.N. Vblizi sil'nykh mira sego // Literaturnaya Rossiya. 2001. № 50. S. 12–13 (in Russian).
14. Yakovlev A.S. Tsel' zhizni. Zapiski aviakonstruktora. M.: Tsentr reklamnykh tekhnologiy «Zolotoe krylo», 2016 (in Russian).
15. Shirokorad I.I. Tsentral'naya periodicheskaya pechat' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.). M.: MGUP, 2001 (in Russian).
16. Ortenberg D.I. Stalin, Shcherbakov, Mekhlis i drugie. Vospominaniya voennogo zhurnalista. M.: Kodeks MVD Rossii, 1995 (in Russian).
17. Luknitskaya V.K. Pered toboy zemlya: otryvki iz dnevnikov, dokumenty iz arkhiva P.N. Luknitskogo. L.: Lenizdat, 1988 (in Russian).
18. Polevoy B.N. Siluety. M.: Sovetskiy pisatel', 1978 (in Russian).
19. Pyankevich V.L. «Lyudi zhili slukhami»: neformal'noe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada. SPb.: Vladimir Dal', 2014 (in Russian).
20. Taranova E. Levitan. Golos Stalina. SPb.: Partner SPb, 2010 (in Russian).
21. Kovalev G.A. Sovinformbyuro v gody Velikoy Otechestvennoy voyny // Voprosy istorii. 1987. № 6. S. 14–23 (in Russian).
22. Berggol'ts O.F. Ol'ga. Zapretnyy dnevnik: dnevniki, pis'ma, proza, izbrannye stikhotvoreniya i poemy Ol'gi Berggol'ts /Sost. N. Sokolovskaya. SPb.: Azbuka, 2011 (in Russian).
23. Genri. E. Zametki publitsista. M.: Izd-vo APN, 1988 (in Russian).

УДК 93/94, 930

ГРНТИ 03.23.07, 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-099-02-29-38

С.В. ЖУРАВЛЁВ*

«Крым — наш!» Новые свидетельства об освобождении Крыма и Севастополя от нацистской оккупации в 1944 году

В статье анализируется комплекс впервые вводимых в научный оборот стенограмм бесед с военнослужащими — участниками подготовки и проведения Крымской наступательной операции РККА весной 1944 г., в ходе которой полуостров был окончательно освобождён от нацистской оккупации. Стенограммы уникальны тем, что были записаны вскоре после боёв сотрудниками Комиссии АН СССР во главе с будущим академиком И.И. Минцем. Документы содержат богатую информацию о неизвестных боевых эпизодах, фактах героизма и самопожертвования воинов, прекрасно отражают «человеческое измерение» войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, освобождение Крыма, Севастополь, Минц, стенограммы бесед, солдаты и офицеры, боевые действия, Керченско-Эльтигенские десантные операции, героизм, патриотизм, самопожертвование, человеческое измерение войны, женщины на войне, эмоции на войне, военная повседневность, партизанское движение

«Крым — наш!», «Севастополь — наш!» — такие эмоциональные надписи оставляли советские солдаты на изуродованных осколками снарядов зданиях крымских городов весной 1944 г., когда они с боями, после неоднократных попыток керченских десантов, отвоевали, наконец, полуостров у врага (фото 1). Противник отчаянно сопротивлялся, оставляя после себя руины (фото 2). Последняя крупная группировка врага сдалась в плен под Севастополем 12 мая 1944 г. (фото 3).

Несмотря на то, что история освобождения Крыма и Севастополя уже имеет обширную историографию, многие важные вопросы, связанные с подготовкой и осуществлением Крымской наступательной операции, с реконструкцией конкретных боевых эпизодов и выявлением неизвестных фактов героизма и самопожертвования воинов, с оценкой уровня боевой выучки солдат и офицеров, с взаимодействием различных родов войск, а также регулярных воин-

* **Журавлёв Сергей Владимирович** — доктор исторических наук, заместитель директора Института российской истории РАН, руководитель проекта «Освобождение Крыма от нацистской оккупации в 1944 г.: свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны)» (17-01-00221а).

E-mail: svzhuravlev@mail.ru

Фото 1. «Севастополь — НАШ!» Надпись на стене дома в освобождённом Севастополе.
9 мая 1944 г.

ских подразделений, крымских подпольщиков и партизан, — остаются не прояснёнными или вызывающими дискуссии.

Не менее важно то, что в рамках современного «антропологического поворота» исследователи ставят перед собой всё новые задачи по изучению «человека на войне», в том числе его психоэмоционального состояния, гендерных, поколенческих, национальных и иных аспектов.

В связи с этим безусловный интерес представляют впервые вводимые в научный оборот в рамках исследовательского проекта РФФИ [1] стенограммы бесед с солдатами и офицерами — участниками освобождения Крыма в 1944 г., записанные в ходе войны, когда были ещё свежи в памяти детали недавних боёв. Эти материалы были собраны сотрудниками Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР во главе с будущим академиком И.И. Минцем. В настоящее время они хранятся в Науч-

ном архиве Института российской истории РАН [2].

Подготовленная нами рукопись состоит из вводной части, включающей исторические очерки и археографическое предисловие, а также трёх документальных разделов и приложений. Помимо 44 стенограмм, публикация которых сопровождается вводными статьями и комментариями, вводятся в оборот комплекс фотографий военных лет, на которых изображены герои стенограмм, а также уникальные снимки, отражающие различные эпизоды освобождения Крыма.

Комиссия по истории Великой Отечественной войны была образована 10 декабря 1941 г. и просуществовала до конца войны. Её деятельность была санкционирована высшим партийным руководством и проходила при содействии Главного политического управления РККА. В работе Комиссии принимали участие многие в будущем видные историки,

в том числе А.Л.Сидоров, В.И.Шунков, П.М.Федосов, Е.Н.Городецкий, Э.Б.Генкина, Л.М.Зак и др. Для них этот уникальный проект «устной истории», нацеленный на фиксацию военной истории и поведения людей в ходе самой войны, стал большой научной школой. Собирающие и изучение разнообразных документов, включая целенаправленную запись интервью с военнослужащими, стали одними из главных направлений работы Комиссии.

В условиях мобилизации всех сил на отпор врагу научные задачи тесно переплетались с агитационными — с выявлением, фиксацией в ходе сбора материалов и с последующей пропагандой фактов героизма советских воинов и сопротивления населения врагу. Тем не менее руководство Комиссии нацеливало сотрудников на правдивое, не лакированное отражение действительности, а И.И.Минц подчёркивал, что не только факты, но и «мысли, чувства

и переживания человека, бойца являются огромной ценностью для историка» [3].

Уникальность работы Комиссии заключалась не только в её масштабах: помимо центральной Комиссии в Москве, в республиках и крупных регионах страны, включая Крым, были созданы её местные отделения. Первостепенное внимание уделялось выезду на фронт для проведения интервью с бойцами и командирами, которые делились только что пережитым боевым опытом, рассказывая, по сути дела, свою военную биографию. Как правило, эти рассказы носили весьма детальный и обстоятельный, эмоциональный характер. В них отразились особенности восприятия современниками военной повседневности в зависимости от их военной специальности, звания и должности, уровня образования, жизненного опыта, пола и возраста и др. Эти источники крайне важны для изучения психологии человека в бою в широком смысле этого слова.

Фото 2. Группа автоматчиков врывается на полуразрушенную графскую пристань в центре Севастополя. 9 мая 1944 г.

Фото 3. Колонны пленных немцев и румын у мыса Херсонес под Севастополем. 12 мая 1944 г.

Беседы с командирами и бойцами — одну за другой в течение нескольких дней или недели — проводил (как правило, в расположении штаба воинской части, в которой служили вызванные туда респонденты) командированный сотрудник Комиссии вместе со стенографисткой. Вопрос о том, кто и по каким критериям определял, с кем именно из военнослужащих надлежит проводить интервью, не имеет однозначного ответа. Известно, что сотрудники Комиссии при выезде на место действовали через фронтовые и армейские политорганы. Те рекомендовали наиболее отличившихся бойцов и командиров из числа тех военнослужащих, которые к моменту приезда сотрудников Комиссии были доступны для интервью (не находились на боевом задании, в госпиталях и др.) Далее, в ходе первого раунда бесед сотрудники Комиссии получали от них информацию о других отличившихся бойцах и самостоятельно иници-

ировали их приглашение на интервью. В результате в процессе каждой командировки на места недавних боев отчасти организовано, а отчасти случайно и спонтанно выстраивалась цепочка интервьюируемых.

Беседы носили, в основном, индивидуальный характер. В редких случаях проводились коллективные беседы (с двумя или с группой военных, как правило, сослуживцев). Логика в коллективных беседах имела: участники постоянно дополняли и корректировали рассказ друг друга, сообщали своё видение ситуации, вместе вспоминали имена и др. Иногда респондентов опрашивали несколько дней подряд или даже повторно — спустя некоторое время после первого интервью. Однако такого рода повторные интервью носили, скорее, случайный характер. По возвращении в Москву делалась расшифровка стенографических записей, а затем — перепечатка их техническим работником на пишущей машинке.

Что касается бесед с Героями Советского Союза, то они часто проводились сотрудниками Комиссии в Москве, в связи с прибытием военнослужащих в Кремль для церемонии награждения звездой Героя. Именно так 26 августа 1944 г. сотрудникам Комиссии удалось записать интервью с юным командиром 45-миллиметрового орудия Николаем Орищенко (1925–2014) (фото 4). В ходе Керченской десантной операции 20 ноября 1943 г., закрепившись на захваченном плацдарме, его артиллерийский расчёт отбивал одну за другой контратаки противника, стремившегося сбросить советские части в море. После попадания снаряда в лафет оказался повреждён подъёмный механизм орудия и заклинило замок. Пока другие артиллеристы отстреливались от наседавших немцев, Орищенко с наводчиком в ходе боя сумели исправить повреждения и вновь открыли огонь из орудия. В тот день все атаки противника были отбиты, но из орудийного расчёта в живых осталось только два бойца. За этот бой 18-летний Николай Орищенко был представлен к званию Героя Советского Союза. Указ о награждении застал Орищенко в только что освобождённом Севастополе.

В обеспечении Керченско-Эльтигенской десантной операции и в освобождении Крыма принимал участие единственный «женский» авиационный полк, лётчицы которого были прозваны «ночными ведьмами». Они летали на бомбометание ночью на своих «кукурузниках» По-2, тихоходных и почти бесшумных, но слишком уязвимых для огня противника. Среди публикуемых стенограмм есть беседа с лётчицей Героем Советского Союза Н.Ф. Меклин (1922–2005), которая за годы войны совершила 980 боевых вылетов (фото 5).

В публикуемых источниках содержатся уникальные детали не только собственно боев, но и военного быта, взаимоотношений между солдатами и офицерами, факты взаимовыручки. Респонденты, несомненно, были людьми сво-

Фото 4. Младший сержант Николай Николаевич Орищенко — командир орудия 6-го гвардейского стрелкового полка 2-й гвардейской стрелковой дивизии. 1944 г.

ей эпохи, выросшими и воспитанными в определённое время, на определённых советских ценностях. Это предполагало, помимо прочего, известную самоцензуру. Тем не менее на их рассказы заметно влияла чрезвычайная обстановка войны, обострённое ощущение минимального расстояния между жизнью и смертью (некоторые респонденты действительно не доживали до конца войны, а часть погибла в следующем бою после беседы). У некоторых респондентов (как правило, у кадровых офицеров) за плечами был опыт Гражданской войны. Но большинство рассказывавших о своём участии в освобождении Крыма — это совсем молодые люди, формирование характеров которых, по сути, пришлось на военную пору. И здесь очень важен биографический контекст подвига, который представлен в публикуемых стенограммах. Сейчас мы бы назвали эти стенограммы бесед

Фото 5. Лейтенант Наталья Фёдоровна Меклин, лётчик 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиаполка, около своего самолёта По-2. 1944 г.

уникальным по своему историографическому значению проектом «устной истории», нацеленным на сбор массива источников личного происхождения в чрезвычайных условиях войны.

Во время проведения бесед сотрудники Комиссии исходили не только из соображений фиксации подвигов и их последующей возможной пропаганды в СМИ (респондентов просили рассказать о героических поступках их товарищей), но и из научных задач. К примеру, тематический «трафарет» бесед был важен для сопоставимости информации, содержащейся в разных интервью, а изложение довоенной биографии респондента, начиная с детских лет, давало потенциальную возможность определить типическую зави-

симось формирования определённых качеств личности, проявившихся в ходе войны, от довоенной биографии. На деле каждое интервью Комиссии – это сочетание, с одной стороны, заданной интервьюером тематики в соответствии с вопросом и, с другой – экспромта, основанного на спонтанном рассказе респондента.

Поскольку чёткой координации в работе и разграничения полномочий центральной и региональных комиссий по истории Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг. не существовало, часть собранных ими материалов в итоге отложилась в Москве в Научном архиве ИРИ РАН, а часть – в регионах и республиках бывшего СССР. Помимо Крыма, известно наличие таких архивных коллекций в Белоруссии, Латвии, Эстонии, на Украине.

Интервью с участниками освобождения Крыма собирались на протяжении нескольких лет – с 1944 по 1946 г. Но основной массив стенограмм бесед был создан в ходе двух научных командировок 1944 г. в воинские части 4-го Украинского фронта. Так случилось, что первая командировка в Мелитополь в феврале 1944 г. состоялась ещё до освобождения Крыма. Собранный материал позволил зафиксировать захват частями 51-й армии плацдармов на Перекопе в районе Турецкого вала и на южном берегу Сиваша в ноябре 1943 г. – январе 1944 г. (фото 6).

В ходе второй командировки в Симферополь и Севастополь в мае–июне 1944 г., когда с момента окончательного освобождения Крыма не прошло ещё и недели, сотрудники Комиссии вновь опросили командование 51-й армии, командиров дивизий 10-го стрелкового корпуса и отдельных, наиболее отличившихся бойцов, которые с боями прошли от Сиваша до Сапун-горы и Севастополя. Кроме того, в это же время были проведены бесе-

Фото 6. Части 51-й армии 4-го Украинского фронта переходят через Сиваш. 1943 г.

ды с крымскими партизанами, в том числе с бойцами тех партизанских отрядов, которые в апреле–мае 1944 г. активно сотрудничали с действующими частями в ходе наступательной операции и освобождали Крым от оккупантов. В Севастополе удалось взять интервью у морских пехотинцев — командиров и бойцов 393-го отдельного батальона морской пехоты, которые участвовали в высадке десантов под Новороссийском и Мысхако («Малая земля»), в Керченско-Эльтигенской десантной операции и в мае 1944 г. в составе частей Приморской армии освобождали Севастополь, первыми водрузив Военно-морской флаг в районе водной станции «Динамо».

Затем сбор интервью был продолжен весной 1945 г., когда в ходе научной командировки в Севастополь были опрошены моряки Черноморского флота, участвовавшие в обороне и освобождении Крыма в 1941–1944 гг. Среди опрошенных были Герои Советского Союза, командиры бронекатеров, тральщиков, морских охотников, которые занимались высадкой морского десанта в районе Эльтигена и Керчи в ноябре 1943 г. — январе 1944 г.; командиры подводных лодок, участвовавшие в морской блокаде крымского побережья, потопившие многочисленные транспорты противника.

Таким образом, постепенно в архиве Комиссии отложился комплекс уникаль-

ных документальных материалов, в которых на основе многочисленных рассказов непосредственных участников событий были отражены героические страницы истории освобождения Крыма.

Сохранилось письмо командированного в Крым члена Комиссии капитана З.И. Фазина (Факторовича) к И.И. Минцу от 16 июня 1944 г. В нём он сообщает интересные подробности об обстановке в Крыму после его освобождения, о том, как встречали членов Комиссии командиры, политработники и рядовые солдаты 51-й армии. Вот что Фазин, в частности, писал Минцу о своей первой встрече с командармом освобождавшей Крым 51-й армии генералом Я.Г. Крейзером: «Крейзер принял нас очень радушно... Всю душу раскрыл, — жаль, не было при этом стенографистки (я пришёл на три минуты условиться о беседе, а вышло, как часто бывает, так, что всю разговорились). Несколько раз я хватался за тетрадку свою, — он говорил:

— Нет, этого не пиши!..

Всё-таки, придя домой, я кое-что записал из этой любопытной беседы» [4].

Кроме Крейзера и других руководителей 51-й армии, сотрудникам Комиссии удалось записать серию интервью с военнослужащими 10-го стрелкового корпуса, а также 216-й и 347-й стрелковых дивизий, входивших в состав этой армии и особенно отличившихся во вре-

мя Крымской наступательной операции. Об этом Фазин в письме Минцу сообщал такие подробности: сотрудники Комиссии там «поработали несколько дней, записывая генералов и простых смертных, иногда проводя беседы уже на станциях, у эшелона, уже готового покинуть Крым. За одним бойцом, переходившим 50 раз вброд через Сиваш, мы... гнались до Бахчисарая — и всё-таки нашли его в пути и записали!» [5].

Летом 1946 г., уже после окончания войны, сотрудники Комиссии ещё раз выезжали в Севастополь, чтобы записать рассказы лётчиков морской авиации ВВС Черноморского флота, которые в ходе своих боевых вылетов наносили мощные удары с воздуха по противнику, закрепившемуся в Крыму. Тем самым дошедший до нас комплекс интервью об освобождении Крыма включает рассказы представителей практически всех родов войск — от пехотинцев, сапёров и артиллеристов до лётчиков и моряков.

После освобождения Крыма от оккупантов в мае 1944 г. под эгидой Крымского обкома ВКП(б) была организована работа Крымской комиссии по истории Великой Отечественной войны. Результатом её деятельности стали сбор и публикация после войны материалов, главным образом, интервью и воспоминаний по истории крымского подполья и партизанского движения, повседневной жизни населения в условиях оккупации. Эти источники ныне хранятся в Государственном архиве Республики Крым. Их, по большому счёту, ещё предстоит изучать и вводить в научный оборот.

Материалы центральной (московской) Комиссии отражают деятельность военнослужащих регулярных частей РККА и ВМФ по осуществлению десантных операций на Керченском полуострове, неоднократно проводившихся начиная с осени 1943 г. в районе Керчи с целью создания плацдармов для последующего наступления, а также по проведению Крымской наступательной операции весной 1944 г.

Огромный интерес, в силу отсутствия подробных исследований по данной теме, представляют материалы военной разведки, предоставленные сотрудникам Комиссии начальником разведывательного отдела штаба 51-й армии полковником М.Ф. Зайцевым, с которым также было проведено интервью [6]. Эти материалы раскрывают роль военной разведки в освобождении Крыма и её противостояние с вражеской разведкой. Разведчикам 51-й армии удалось захватить часть документов немецкой разведки. Среди них — протоколы допросов перебежчиков с советской стороны. Сотрудникам Комиссии были переданы и некоторые протоколы допросов немецких и румынских пленных. Эти материалы публикуются в рукописи в качестве приложения.

Ещё одна группа источников, выявленных в ходе реализации проекта в НА ИРИ РАН, — комплекс материалов по истории партизанского движения в Крыму. К нему относятся девять стенограмм с участниками крымского подполья и партизанского движения, а также выписки из дневника, воспоминания, две обобщающие обзорные работы, справки о составе и численности партизанских отрядов. Наибольший интерес представляют стенограммы бесед, семь из которых были проведены в мае–июле 1944 г., а две — в сентябре 1944 г. и в январе 1945 г. В стенограммах отражены основные этапы борьбы крымских подпольщиков и партизан с оккупантами начиная с организации отрядов в августе 1941 г.

Ценность данной публикации не только в том, что в ней о войне рассказывается по особому — непосредственными участниками событий «от первого лица» — и не только в богатейшем информационном потенциале вводимых в научный оборот источников, но и в том, что, как мы надеемся, этот проект задаст историкам всё новые и новые вопросы, тем самым стимулируя дальнейшее изучение данной темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Участники проекта: С.В. Журавлёв (руководитель), В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, А.Г. Гуськов, В.В. Тихонов, К.С. Дроздов, Д.Я. Рахаев.
2. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Более подробную информацию о составе и содержании документов см. на сайте: <http://komiswow.ru>.
3. Лотарева Д.Д. Комиссия по истории Великой Отечественной войны и её архив: реконструкция деятельности и методов работы // Археографический ежегодник за 2011. М., 2014. С. 123–166.
4. Письмо находится в личном фонде И.И. Минца: Архив РАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 998. Л. 1–5.
5. Архив РАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 998. Л. 5. Речь идёт о рядовом 370-го сапёрного батальона 216-й стрелковой дивизии Е.Я. Тищенко, о котором в войсках ходили легенды. Переход через Сиваш был необходим потому, что сапёры обеспечивали транспортировку через него вооружений, боеприпасов и др. для будущего наступления.
6. Стенограмма интервью была опубликована в рамках реализации проекта РФФИ: Тихонов В.В. «Мы начали разведывать всеми средствами»: Стенограмма интервью начальника разведки 51-й армии М.Ф. Зайцева об освобождении Крыма. 1944 г. // Исторический архив. 2018. № 3. С. 61–79.

ENGLISH

**“Crimea is ours!” New Evidence of Crimea and Sevastopol Liberation
from German Invasion in 1944**

Sergei Vladimirovich Zhuravlyov – Doctor of Science (History), Deputy Director, Institute of Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “Crimea Liberation from German Invasion in 1944: Statements of Veterans and Witnesses (as per Materials of the Committee on the History of World War II)” (17-01-00221a).

E-mail: svzhuravlev@mail.ru

The article analyses the collection of transcripts of correspondence between servicemen, who took part in the Crimea Offensive of the Red Army of Workers and Peasants in spring of 1944, resulting in complete liberation of Crimea from Nazi invasion. The transcripts were first introduced into scientific circulation. The transcripts are unique, since they were taken shortly after the battle by the Committee of the USSR Academy of Sciences headed by the future Academician Isaac Minz. The documents contain abundant information on unknown combat episodes, facts of the soldiers' heroism and sacrifice, as well as they perfectly reflect the “human dimension” of war.

Keywords: The Great Patriotic War, the liberation of Crimea, Sevastopol, transcripts, Minz, soldiers and officers, military operations, Kerch-Eltigen landing operations, heroism, patriotism, self-sacrifice, the human dimension of war, women at war, emotions in the war, military daily routine, partisan movement

REFERENCES

1. Uchastniki proekta: S.V. Zhuravlyov (rukovoditel'), V.N. Kruglov, D.D. Lotareva, A.G. Gus'kov, V.V. Tikhonov, K.S. Drozdov, D.Ya. Rakhaev (in Russian).
2. NA IRI RAN. F. 2. Bolee podrobnuyu informatsiyu o sostave i sodержanii dokumentov sm. na sayte: <http://komiswow.ru> (in Russian).
3. Lotareva D.D. Komissiya po istorii Velikoy Otechestvennoy voyny i ee arkhiv: rekonstruktsiya deyatel'nosti i metodov raboty // Arkheograficheskiy ezhegodnik za 2011. M., 2014. S. 123–166 (in Russian).
4. Pis'mo nakhoditsya v lichnom fonde I.I. Mintsy: Arkhiv RAN. F. 2019. Op. 1. D. 998. L. 1–5.
5. Arkhiv RAN. F. 2019. Op. 1. D. 998. L. 5. Rech' idyot o ryadovom 370-go sapyornogo batal'ona 216-y strelkovoy divizii E.Ya. Tishchenko, o kotorom v voyskakh khodili legendy. Perekhod cherez Sivash byl neobkhodim potomu, chto sapyory obespechivali transportirovku cherez nego vooruzheniy, boepripasov i dr. dlya budushchego nastupleniya (in Russian).
6. Stenogramma interv'yu byla opublikovana v ramkakh realizatsii proekta RFFI: Tikhonov V.V. «My nachali razvedyvat' vsemi sredstvami»: Stenogramma interv'yu nachal'nika razvedki 51-y armii M.F. Zaytseva ob osvobozhdenii Kryma. 1944 g. // Istoricheskiy arkhiv. 2018. № 3. S. 61–79 (in Russian).

УДК 93/94
ГРНТИ 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-099-02-39-51

Н.В. МЕЛЬНИКОВА*

Кадровая политика советского атомного проекта

Атомный проект оказал большое влияние на историю нашей страны. Атомная индустрия, появившаяся в ходе его реализации, накопила колоссальный опыт успешного решения серьёзных научных и промышленных задач в кратчайшие сроки и с максимально действенной концентрацией финансовых, материальных и человеческих ресурсов. Однако в исследовательском корпусе довольно богатой историографии проекта изучение последних до сих пор выступало «обслуживающим» по отношению к наиболее проработанным вопросам научной технико-технологической и военно-стратегической его составляющих. Такая диспропорция обусловила обращение к теме «атомных» кадров и кадровой политики.

Хронологически работа посвящена периоду между 1942 г., когда было принято распоряжение Государственного комитета обороны «Об организации работ по урану», давшее начало проекту, и концом 1950-х гг., когда были достигнуты основные результаты по ключевым направлениям государственной политики в области создания ядерного оружия. Прослежена эволюция кадровой политики проекта, рассмотрены приёмы, принципы, проблемы и достижения «атомного» рекрутирования. Показано своеобразие социально-демографических количественных и качественных характеристик персонала. Сформированную в результате внешнего управления социальную группу предлагается считать особой социальной профессионально-территориальной общностью корпоративного типа. Описаны её свойства, особенности организации деятельности и существования.

Ключевые слова: атомный проект, Специальный комитет, Первое главное управление, Министерство среднего машиностроения, мобилизация, кадры, кадровая политика

Советский атомный проект, говоря современным языком, являлся приоритетной национальной программой. Он был направлен на обеспечение прорывного научно-технического и производственного развития но-

* **Мельникова Наталья Викторовна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, руководитель проекта «Кадровый потенциал советского атомного проекта: рекрутирование, мобилизация, внутренние практики» (17-01-00102а).
E-mail: melnatvik@mail.ru

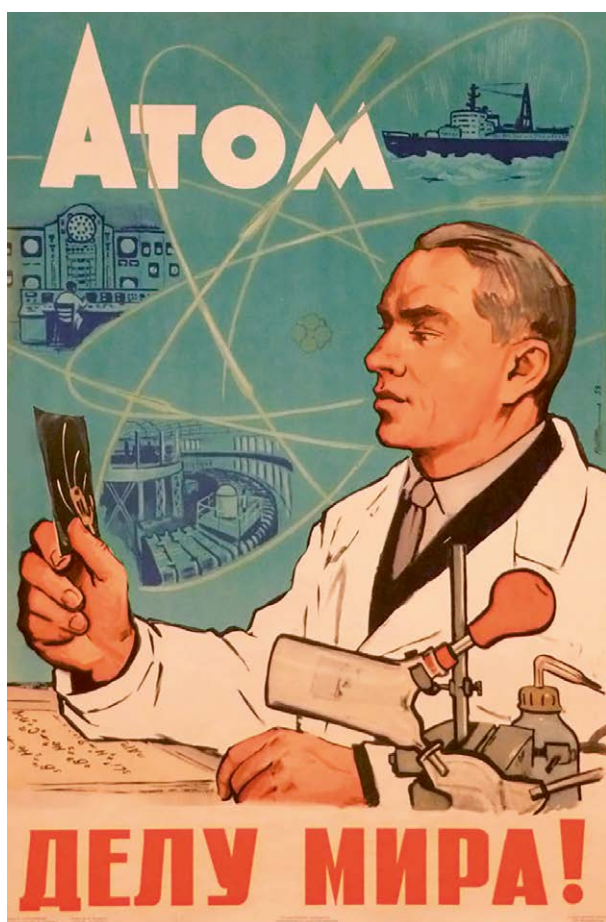

Фото 1. Плакат «Атом – делу мира!»,
авт. Р.В. Сурьянинов, 1959 г.

вейшей на тот момент не только в СССР, но и в мире атомной отрасли. Создаваемое ядерное оружие превращалось в ключевой компонент военной мощи государства и тяжеловесный внешнеполитический аргумент, закреплявший за Советским Союзом статус мировой сверхдержавы. Проект выступил драйвером развития науки, техники и наукоёмких производств в стране (фото 1). В реализации этой амбициозной «национальной программы» был задействован большой многоступенчатый и сложнocomпонентный состав исполнителей. От их количества, качества, «тщательного подбора и расстановки», организации работы зависел, в конечном итоге, исход дела.

Институализация кадровой политики атомного проекта прошла несколько этапов, согласно стадиям реализации самого проекта. С определённой долей услов-

ности (что характерно для многих периодизаций) можно выделить: 1942–1945 гг. (становление проекта), 1945–1953 гг. (активная стадия), 1953 – конец 1950-х гг. (переходная стадия от проекта к отрасли промышленности). За это время отношение власти к проекту менялось от осторожного (как к мероприятию с негарантированным результатом) до заслуживающего внимания и поддержки и, наконец, до приоритетного, что выразилось в обозначении его как «проблемы № 1». Соответственно этому менялась и степень обеспеченности проекта ресурсами, в том числе людскими.

«Атомный» рекрутинг

Вопреки бытующему в литературе мнению о том, что атомный проект без ограничений обеспечивался любыми кадрами [1, с. 624; 2, с. 48], следует подчеркнуть, что этот процесс был довольно напряжённым. Формировавшаяся атомная отрасль как принципиально новое дело в требуемые сжатые сроки могла быть укомплектована кадрами только за счёт их собирания из различных «внешних» источников. Ими служили не только родственные отрасли (горнорудная, машиностроительная, металлургическая и проч.), но и такие, неочевидные на первый взгляд, как пищевая промышленность, здравоохранение, образование, культура, торговля, представители которых массово набирались для закрытых атомных поселений, чтобы обеспечить условия жизни тем, кто был занят разработкой и производством ядерного оружия и средств его доставки.

Всё это могло быть реализовано только в ущерб существующим отраслям, за счёт уменьшения направления молодых специалистов и рабочих другим наркоматам/министерствам и ведомствам. Из некоторых региональных отраслей промышленности (как, например, уральское машиностроение) такой ощутимый отток продолжался вплоть до середины 1960-х гг. [3, с. 206]. Не удивительно, что «атомно-

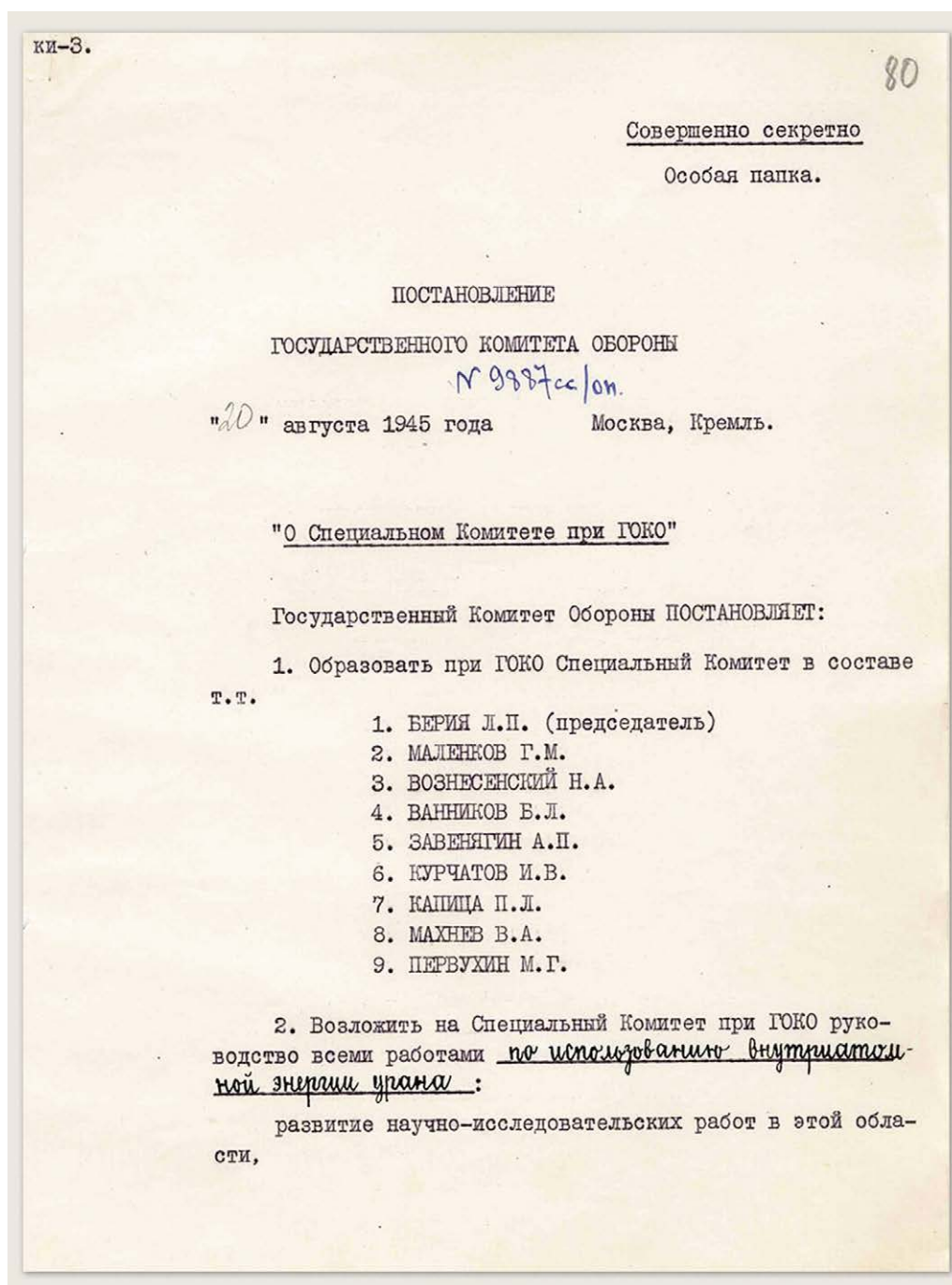

Фото 2. Первый лист постановления Государственного комитета обороны «О специальном комитете при ГОКО», 20 августа 1945 г.

му» рекрутированию сопутствовало сопротивление кадровых «доноров» (предприятий, обкомов, министерств). Руководители проекта были вынуждены считаться с имеющимися резервами экономики страны [4, с. 141–142]. Перевод кад-

ров сопровождали процедуры согласования, которые далеко не всегда заканчивались в пользу «атомщиков»¹.

«Атомное» рекрутирование эволюционировало от безуспешных попыток получить нужный персонал до массово-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10208. Оп. 2. Д. 202. Л. 8–10; Д. 882. Л. 49–50, 113, 167, 197.

го пополнения высококвалифицированными работниками. В условиях войны разворачивающийся проект пополнялся персоналом медленно и трудно; стойко сохранялась проблемная ситуация, когда специалистов «не отпустили» (из армии или с предприятия), «не направили», «не набрали», «недополучили»¹. Многие привлекались от случая к случаю, работали по совместительству, по временным трудовым соглашениям и авторским договорам. Качественные изменения произошли только с переходом проекта в активную стадию и формированием специальных (внеправительственных и надведомственных) органов управления — Специального комитета во главе с Л.П.Берией и Первого главного управления (ПГУ) под началом Б.Л.Ванникова (фото 2).

Отбор кадров проводился по нескольким линиям: этим занимались работники отделов кадров аппарата ПГУ, подведомственных ему предприятий, Управления кадров ЦК ВКП(б), позже — машиностроительного отдела ЦК, а также административного отдела ЦК. Практическим рычагом, с помощью которого искались, отбирались и переводились кадры в систему Первого главного управления, были республиканские и областные комитеты партии. Однако этой «прикладной» функцией долгое время и ограничивалось участие партии в атомном проекте. Партийные органы лишь обеспечивали выполнение «разнарядок» ПГУ на требуемый для того или иного «атомного» объекта персонал. Их информированность была крайне ограниченной. В отсутствие на местах представителей ПГУ областные парткомитеты даже не имели информации, куда направлять отобранных и обращались за разъяснениями в ЦК².

Знаковой чертой кадровой политики атомного проекта являлось кураторство «выходцев» из НКВД над кадровыми вопросами, начиная от аппарата отдела ка-

дров ПГУ, который до начала 1950-х гг. целиком был укомплектован работниками Министерств внутренних дел и государственной безопасности, до уполномоченных СНК/Совета Министров СССР. Последние, представляя собой «параллельную» линию власти, замкнутую лично на Л.П.Берии, следили за кадровым составом подведомственных объектов согласно нужным категориям и характеристикам [5, т. 2, кн. 1, с. 107; т. 2, кн. 2, с. 514; т. 2, кн. 3, с. 802]. Другая особенность заключалась в том, что учёные проекта сами активно участвовали в процессе: Технический (позже — Научно-Технический) совет подбирал состав научных работников для «специальных» лабораторий, учёные КБ-11 (ныне — РФЯЦ ВНИИЭФ, г. Саров) просматривали анкеты претендентов, чтобы определить подходящих работников, с той же целью немецким специалистам было дано право выбирать своих соотечественников из числа военнопленных.

В принятии кадровых решений важную роль играл коллективный орган — коллегия Первого главного управления. В её недрах готовились кадровые назначения, которые утверждались затем Спецкомитетом, а оформлялись как постановления СНК/Совета Министров СССР. Назначения, касающиеся ключевого административного и научного руководства атомным проектом, согласовывались лично с И.В.Сталиным; иные утверждались им списочно, на доверии к решениям Специального комитета и его главы Л.П.Берии.

Заметные изменения в расстановке решающих сил в кадровых вопросах атомного проекта произошли после ликвидации Спецкомитета и образования Министерства среднего машиностроения (26 июня 1953 г.). Они касались усиления партийного контроля над атомной отраслью, что отражало общие тенденции государственного развития того време-

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 67. Д. 5. Л. 22, 36–37, 41–42, 48, 62–63.

² Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 31. Д. 833. Л. 248.

Фото 3. И.В. Курчатов, Б.Л. Ванников, К.И. Щелкин на XXI съезде КПСС, февраль 1959 г.

ни. Первенство в обсуждении кадровых «атомных» назначений переместилось в Президиум ЦК КПСС. Ликвидировалась должность уполномоченного Совета Министров СССР, а политические отделы, существовавшие на «атомных» объектах с 1947 г., получили право подбора, расстановки кадров и утверждения некоторых номенклатурных должностей¹.

От «точечного» пополнения кадрами, характерного для стадии становления проекта, рекрутирование перешло к массовому набору, реализовывающемуся посредством мобилизации. Важнейшими её чертами следует назвать условия секретности и режимности, соблюдая которые необходимо было отобрать нужных специалистов, массовый отбор лучших в своих сферах работников и действие принципа целесообразности кадровых назначений. Выполнить требования режимности позволяли проверки «чистоты»

биографии органами госбезопасности СССР и подписки о соблюдении государственной тайны, которые давали исполнители проекта. Лучшие в своих сферах работники отбирались благодаря индивидуальному подходу, который расценивался как необходимость кадрового комплектования [5, т. 2, кн. 1, с. 244], а также действию механизма «экспертного мнения» — неформальной оценки способностей и возможностей человека. Она исходила от руководителей, коллег, преподавателей и предшествовала последующим формализованным и неформализованным процедурам отбора и оформления в проект (анкетирование и согласование кандидатур). Иначе говоря, в первую очередь выявлялся человеческий ресурс, т.е. знания, компетентность, мастерство, опыт, потенциал [6, с. 6]. Если личный капитал был востребован, маркеры неблагонадёжности (беспартийность

¹ ЦДОСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 97. Л. 117.

(особенно у учёных), «пятый пункт», дворянское происхождение, судимость или зарубежные родственники) не мешали человеку стать его участником. Острая необходимость в конкретном специалисте заставляла власть отказываться от жёсткого следования идеологическим фильтрам «атомного» рекрутирования. Это позволило собрать коллективы талантливых и продуктивных сотрудников, топ-руководители которых (и научные, и административные) были личностями, «создающими события» (по С. Хуку) и способными вести за собой (фото 3).

Таким образом, в атомном проекте при назначении кадров продолжал действовать утвердившийся в годы войны принцип целесообразности, в то время как в других отраслях промышленности, по оценкам исследователей [7, с. 28], восстановились номенклатурные приёмы выдвижения руководителей. Можно сказать, что подбор «атомных» кадров был номенклатурным по форме, но целесообразным по содержанию. В целом, специфика форм и методов решения кадровой проблемы задавалась общей стратегией реализации атомного проекта, которая была направлена на достижение чрезвычайных целей экстраординарными способами и могла использоваться лишь в приоритетном сегменте «командной экономики», для «точечных прорывов» в развитии науки, техники и производства, в отношении которых мобилизационные механизмы демонстрируют результативность [8].

Социально-демографические характеристики

В год испытания первого советского ядерного заряда (1949 г.) в структуре работающих в атомном проекте научные и инженерно-технические работники составляли 6,8%, рабочие — 81% (в том числе спецконтингенты Главпромстроя МВД СССР), служащие, административно-хозяйственный, младший обслуживающий и непромышленный персонал — 8,8%, военные, включая военную охрану, — 3,4%

[5, т. 2, кн. 4, с. 719–736]. Спецконтингенты Главпромстроя (заключённые, «указники», спецпоселенцы) наряду с военными строителями следует считать временными группами исполнителей атомного проекта, поскольку их состав часто менялся и обновлялся. Численность спецконтингентов на стройках ПГУ, превысив в 1948 г. 154 тыс. человек, в дальнейшем стала снижаться [5, т. 2, кн. 4, с. 538, 736]. Для сохранения секретности основных объектов Первого главного управления заключённые с продолжающимися сроками выводились в Воркутлаг, освобождённые (судимые за антисоветскую деятельность, бандитизм, разбой, воров-рецидивисты) — в Дальстрой. Их место занимали военно-строительные батальоны. К концу 1950-х гг. по Министерству среднего машиностроения их доля доходила до половины строителей, а доля заключённых не превышала 23% [2, с. 815]. Выявленные данные не позволяют согласиться со сведениями Ж. Медведева [9, с. 64] о том, что заключённые составляли больше половины от всех исполнителей атомного проекта: можно говорить примерно о трети и только в период пика их применения [5, т. 2, кн. 4, с. 538, 701, 719–741].

К особенностям социально-демографических характеристик основного состава исполнителей можно отнести следующие. Очевидно, что ставка была сделана на молодые возрастные категории (фото 4). Руководители были в возрасте около 42 лет, ведущие учёные — 40 лет. В структуре городского населения закрытых поселений уверенно доминировала возрастная группа от 18 до 39 лет. Выбор молодых объясняется тем, что они были легки на подъём, неприхотливы, адаптивны, не «задавлены» авторитетами, а потому креативны, стремились к новому, были более авантюристами, а значит, не боялись риска, более здоровыми, наконец. С учётом потенциальной опасности «атомного» производства и нагрузок перечень требований к состоянию здоровья рекрутируемых молодых специа-

Фото 4. Молодёжь математического сектора НИИ-1011, г. Касли-2 (Снежинск), 1957 г.

листов был таков, что по нему можно было «забраковать любого здорового человека»¹. Но люди, отобранные согласно этим требованиям, обеспечивали запас «жизненных сил» системы.

В отличие от общесоюзной ситуации, когда послевоенное советское общество являлось преимущественно женским [10, с. 25], атомный проект был по большей степени мужским. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. на объектах Первого главного управления женщины составляли 39,7%, тогда как в стране доля работающих женщин была 51,5% (в промышленности – до 45%) [11, с. 273–374; 12, с. 191; 13, с. 469]. При этом в некоторых сферах атомного проекта женщины сыграли заметную роль: они преобладали в минералогии урановых руд, в химии

и радиохимии (фото 5), в проведении математических вычислений, необходимых для расчётов процессов атомного и термоядерного взрывов [14].

По национальному составу явственно предпочтению славянских национальностей: в частности, по закрытым городам Урала к ним относились 83% резидентов. В преобладании «титульных» наций в региональных атомных объектах прослеживается своеобразная аналогия с Манхэттенским проектом, закрытые города которых состояли, главным образом, из белого населения [15, с. 43]. Например, в Ричланде в 1950 г. они составляли 99,8% [16, с. 275].

Довольно дифференцированно действовало требование партийности (членства в ВКП(б) и/или ВЛКСМ): наиболее строго оно предъявлялось к руководителям раз-

¹ Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАМ). Ф. 3466. Оп. 1. Д. 318. Л. 125.

Фото 5. Смена цеха химической переработки изотопов завода № 418 (Лесной), 1954 г.

личных уровней и к сотрудникам, управляемым на зарубежные «атомные» предприятия. В то же время вне членства в партии и ВЛКСМ находилось большинство из научной верхушки проекта и рядовых участников, составлявших население закрытых атомных городов в первые десятилетия их существования.

Уровень образованности и концентрации инженерного образования у руководителей атомного проекта были существенно выше, чем в среднем в советском управленческом корпусе, что объясняется потребностями такого наукоёмкого и технически сложного начинания, как создание атомного оружия. Руководители Спецкомитета и ПГУ, за исключением одного человека, имели высшее или неполное высшее образование, у руководителей ниже рангом этот по-

казатель составлял 93%. Для сравнения: в целом по стране среди руководящих работников высшее образование имели 17,2%¹. Различными инженерными специальностями владели 74% руководителей высшего эшелона и 60% руководителей «среднего звена» (у трети из числа последних имелись учёные степени). Довольно высок был уровень образования и у взрослого населения закрытых атомных городов. Например, в уральских городах к концу 1950-х гг. почти две трети трудоспособного населения обладали высшим и среднеспециальным (профессиональным) образованием. По отдельным «атомным» городам показатели наличия высшего (в том числе неоконченного), а также среднего специального образования превышали общесоюзные в два раза² [17, с. 3–4].

¹ ГАРФ. Ф. 10208. Оп. 2. Д. 868. Л. 1–179; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 533. Л. 125.

² Группа фондов научно-технической документации ФГУП «Комбинат «Электрохимприбор»». Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–4.

«Атомная» корпоративная общность

Возникшая в результате внешнего управления социальная группа представляла собой многослойную структуру с различными статусными позициями и отличалась довольно сильной внутренней социальной дифференциацией (от практически первых лиц государства до заключённых). «Атомная» система режимности и секретности оказалась эффективной не только для охраны государственных тайн, но и для «цементирования» сформированной социальной профессионально-территориальной общности корпоративного типа. Её характеризуют единая производственная направленность и система ценностных ориентаций (создание и совершенствование атомного оружия как защита страны и обеспечение мира); общий внешний враг (американский империализм как физическая угроза, исходившая от страны, которая имела атомное оружие); наличие харизматичных лидеров из числа учёных и «административных» руководителей проекта; пространственная локализация в закрытых «атомных» поселениях; «режимный» труд как промежуточный феномен между вольнонаёмным и принудительным трудом; собственная система мобилизации сил и подготовки их к работе через «свои» техникумы, училища, вузы, научные советы; демократичность как стиль отношений; наличие «близких» или прямых контактов между руководителями и подчинёнными; действие доверия как социального ресурса; привилегированное положение; «атомный» социолект.

Производственная сторона проекта выстраивалась согласно современным принципам успешного менеджмента, выделяемым одним из самых влиятельных теоретиков менеджмента П. Друкером. Он отмечал, что «самый эффективный способ что-либо выпускать — это объединить под одним руководством как можно

больше разных видов деятельности, которые необходимы для создания продукта» [18, с. 109]. Именно такая организация имела место в атомном проекте, объединившем различные виды деятельности: научное исследование, промышленное производство, транспортировку, испытание, передачу на вооружение готовых образцов нового оружия.

Для эффективности работы с персоналом было важно наличие общей цели, общих ценностей, корпоративная структура, возможность обучения и развития для сотрудников. Перед исполнителями ставились конкретные задачи, осуществлялась ресурсная (в широком смысле) поддержка их воплощения, в процессе выполнения работ практиковалось предоставление самостоятельности и делегирование ответственности, осуществлялся контроль в конце этапов работ или их завершения, применялся комплекс мер, побуждающих к труду, обеспечивалось понимание участниками проекта результативности и в целом важности их деятельности.

В наборе средств активизации «атомного» труда, наряду с распространёнными в советском государстве различными формами принуждения, заметно выделяется материальное стимулирование. Это повышенные оклады, надбавки, премии. В результате среднемесячный заработок руководителей периферийных «атомных» объектов в начале 1950-х гг. мог превышать их (уже повышенный) оклад в 3,5 раза, инженеров — в 2,6 (в денежном выражении разница со средней зарплатой промышленно-производственного персонала в стране доходила до 4 раз)¹ [19, с. 502]. Возможно, впервые власть так масштабно использовала «капиталистические» стимулы материальной заинтересованности, не ограничиваясь только идеологическими призывами.

Для «атомного» сообщества создавались комфортные жизненные условия, начиная

¹ ГАРФ. Ф. 10208. Оп. 2. Д. 1492. Л. 295, 308.

Фото 6. Ресторан «Урал», г. Свердловск-44 (Новоуральск), 1957 г.

от карточек на усиленное питание, выдававшихся на ранних стадиях реализации проекта, до наделения благоустроенным жильём, преимущественного снабжения промышленными и продовольственными товарами «повышенного качества и улучшенного ассортимента», обеспечения социальной инфраструктурой с разнообразными объектами просвещения, здравоохранения, торговли, культуры и спорта, показатели которых выгодно отличали их от «неатомного» соцкультбыта (фото 6). Однако привилегии «атомной» общности были не только материальными, но и духовными. «Физическая» несвобода компенсировалась свободой творческой, в «атомном» мире позволялись некоторые вольности и свободомыслие (как поддержка генетики, например). От членов «атомной» общности скорее требовалось соблюдать положения подписок о неразглашении гостайн и режимные условия, чем лояльность к власти.

Внешний вызов государству в виде военной угрозы, ставший пусковым элемен-

том проекта, обусловил его стойкую идеократичность. Как следствие сложилась ситуация (своеобразный «социальный контракт»), в которой власть и участники проекта действовали в интересах друг друга. Последние отдавали свой добросовестный труд, проявляли личную заинтересованность, готовность нести ответственность, принимали различные ограничительные и давящие проявления режимности и секретности, брали на себя производственные риски, демонстрировали преданность проекту и мотивацию, в которой для подавляющего большинства первичной была ориентация не на материальное поощрение и личное потребление, а на высокую цель. Власть ради скорейшего и успешного воплощения проекта поступилась некоторыми существующими в советском государстве гласными и негласными правилами и порядками, создав социальную группу, которая существовала несколько вне советской действительности, законности и официальной идеологии. Даже после окончания проекта и замены специаль-

ных органов его руководства советским министерством, кадры отрасли, «сценарированные» идеократичностью проекта, условиями режима и секретности, остались стойкими носителями «атомной» корпоративной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Игорь Васильевич Курчатов в воспоминаниях и документах / Науч. ред. Ю.Н. Смирнов. М.: ИздАТ, 2004.
2. Ядерная индустрия России / Гл. ред. А.М. Петросьянц. М.: Энергоатомиздат, 1999.
3. Шубарина Л.В. Управленческая элита оборонно-промышленного комплекса Урала (1945–1965 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 1. В 2 ч. Ч. II. С. 204–207.
4. Артёмов Е.Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М.: Политическая энциклопедия, 2017.
5. Атомный проект СССР. Документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. М., Саров, 1998–2010.
6. Social Stratification. Class, Race and Gender in Sociological Perspective // Ed. by David B. Grusky. Westview Press, 2008.
7. Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. 1945–2005: В 3-х т. Т. 1. М.: Новый хронограф, 2009.
8. Артёмов Е.Т. Кадровые мобилизации в «социалистической системе хозяйствования»: случай атомного проекта // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2019. № 1 (37). С. 38–44.
9. Медведев Ж. Сталин и атомная бомба // Вестник Российской академии наук. 2002. Т. 72. № 1. С. 57–66.
10. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999.
11. Полунин В.В. Органы управления атомной промышленностью СССР. 1945–1953 гг.: Дисс... канд. ист. наук. М., 2007.
12. Народное хозяйство СССР в 1956 г.: Статистический сборник. М.: Госстатиздат, 1956.
13. Народное хозяйство СССР за 60 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М.: Статистика, 1977.
14. Мельникова Н.В. Женская занятость в советском атомном проекте // Российская история. 2017. № 6. С. 155–165.
15. Brown K. Plutopia. Nuclear families, atomic cities and the great Soviet and American plutonium disasters. N.Y., 2013.
16. Findly J., Hevly B. Atomic frontier days: Hanford and the american west. Seattle: University of Washington Press, 2011.
17. Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР по республикам, краям и областям: по данным Всесоюзной переписи населения 1959 года. М.: Госстатиздат, 1960.
18. Друкер П., Макьярелло Д. Менеджмент. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2010.
19. Советская жизнь. 1945–1953 гг. / Сост. Е.Ю. Зубкова. М.: РОССПЭН, 2003.

ENGLISH

Staff Policy in the Soviet Nuclear Project

Natalya Viktorovna Melnikova – Candidate of Science (History), Senior Researcher, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Institute of History and Archaeology, supervisor of the project “Talent Pool of the Soviet Nuclear Project: Recruitment, Mobilization, In-House Practices” (17-01-00102a).
E-mail: melnatvik@mail.ru

The nuclear project greatly influenced the history of Russia. The nuclear industry, emerged as a result of the project implementation, has accumulated enormous expertise of successfully solving serious scientific and industrial challenges in the shortest possible time and with the most efficient concentration of financial, material and labour resources. However, the study materials of quite an extensive history of the project never addressed the human resources. Until recently, matters of staff were considered secondary to the most studied scientific, technical, military and strategic factors of the project. The disproportion explains why the author addresses the topic of staff and staff policy in nuclear industry.

Chronological work is devoted to the period between 1942, when the order of the State Defence Committee “On the Organization of Work with Uranium” was adopted, giving rise to the project, and the end of the 1950s, when the main results were achieved in key areas of state policy in the field of nuclear weapons development. The author studies the evolution of staff policy of the project, i.e. methods, principles, problems and achievements of “nuclear” recruitment. The article shows originality of social and demographic quantity and quality of the staff. The social group formed as a result of external management is suggested to be considered as a special social professional and territorial community of corporate type. The author describes the characteristics of the community, the specific features of its organization and existence.

Keywords: atomic project, Special committee, First Chief Directorate, Ministry of Medium Machine Building, mobilization, manpower, personnel policy

REFERENCES

1. Igor' Vasil'evich Kurchatov v vospominaniyakh i dokumentakh / Nauch. red. Yu.N. Smirnov. M.: Izdat, 2004 (in Russian).
2. Yadernaya industriya Rossii / Gl. red. A.M. Petros'yants. M.: Energoatomizdat, 1999 (in Russian).
3. Shubarina L.V. Upravlencheskaya elita oboronno-promyshlennogo kompleksa Urala (1945–1965 gg.) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2012. № 1. V 2 ch. Ch. II. S. 204–207 (in Russian).
4. Artemov E.T. Atomnyy proekt v koordinatakh stalinskoy ekonomiki. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2017 (in Russian).
5. Atomnyy proekt SSSR. Dokumenty i materialy: V 3 t. / Pod obshch. red. L.D. Ryabeva. M., Sarov, 1998–2010 (in Russian).
6. Social Stratification. Class, Race and Gender in Sociological Perspective // Ed. by David B. Grusky. Westview Press, 2008.

7. Pikhoya R.G. Moskva. Kreml'. Vlast'. 1945–2005: V 3-kh t. T. 1. M.: Novyy khronograf, 2009 (in Russian).
8. Artemov E.T. Kadrovye mobilizatsii v «sotsialisticheskoy sisteme khozyaystvovaniya»: sluchay atomnogo proekta // Izvestiya Komi nauchnogo tsentra URO RAN. 2019. № 1 (37). S. 38–44 (in Russian).
9. Medvedev Zh. Stalin i atomnaya bomba // Vestnik Rossiyskoy akademii nauk. 2002. T. 72. № 1. S. 57–66 (in Russian).
10. Zubkova E.Yu. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953. M.: ROSSPEN, 1999 (in Russian).
11. Polunin V.V. Organy upravleniya atomnoy promyshlennost'yu SSSR. 1945–1953 gg.: Diss... kand. ist. nauk. M., 2007 (in Russian).
12. Narodnoe khozyaystvo SSSR v 1956 g.: Statisticheskiy sbornik. M.: Gosstatizdat, 1956 (in Russian).
13. Narodnoe khozyaystvo SSSR za 60 let: Yubileynyy statisticheskiy ezhegodnik. M.: Statistika, 1977 (in Russian).
14. Mel'nikova N.V. Zhenskaya zanyatost' v sovetskom atomnom proekte // Rossiyskaya istoriya. 2017. № 6. S. 155–165 (in Russian).
15. Brown K. Plutopia. Nuclear families, atomic cities and the great Soviet and American plutonium disasters. N.Y., 2013.
16. Findly J., Hevly B. Atomic frontier days: Hanford and the american west. Seattle: University of Washington Press, 2011.
17. Uroven' obrazovaniya, natsional'nyy sostav, vozrastnaya struktura i razmeshchenie naseleniya SSSR po respublikam, krayam i oblastyam: po dannym Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1959 goda. M.: Gosstatizdat, 1960 (in Russian).
18. Druker P., Mak'yarello D. Menedzhment. M.: OOO «I.D. Vil'yams», 2010.
19. Sovetskaya zhizn'. 1945–1953 gg. / Sost. E.Yu. Zubkova. M.: ROSSPEN, 2003 (in Russian).

УДК 81'27

ГРНТИ 16.21.27, 16.31.61

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-099-02-52-66

**Н.В. ЛОГУНОВА,
Л.Л. МАЗИТОВА***

«Взгляд из окопа»: фронтовые письма как объект научного осмысления в лингвистической персонологии

В статье на региональном архивном материале — частных письмах девяти участников Великой Отечественной войны — раскрываются подходы к научному описанию внешних параметров эпистолярных текстов. Поскольку анализируемые письма написаны рядовыми бойцами или представителями младшего командного состава, то созданный ими нарратив представляет собой «взгляд из окопа». Внешние параметры эпистоляриев заключают в себе разнообразную информацию: передают колорит эпохи и некоторые детали фронтового быта, позволяют установить уровень общей и письменной речевой культуры, а в отдельных случаях отражают психотипические черты и психическое состояние адресанта. Описание внешних особенностей эпистолярия создаёт базу для анализа содержательной его стороны, являясь составной частью лингвоперсонологической методики портретирования языковой личности. Применение этого метода нацелено на решение проблем военно-исторической антропологии, поскольку позволяет выявить факторы, существенные для воссоздания многомерного образа адресанта, оказавшегося в суровых условиях фронтовой действительности.

Ключевые слова: лингвистическая персонология, военно-историческая антропология, эпистолярный текст, естественная письменная речь, историческая языковая личность, речевые компетенции языковой личности

Фронтовые письма как объект исследования в разных отраслях гуманитарного знания

Письма фронтовиков являются ценнейшим источником сведений для представителей разных отраслей гумани-

тарного знания. Именно поэтому письма участников Великой Отечественной войны — постоянный объект изучения историками, социологами, антропологами, филологами, лингвокультурологами и другими специалистами, реализу-

* **Логунова Наталия Васильевна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Пермского государственного национального исследовательского университета, руководитель проекта «Человек на войне: взгляд из окопа (лингвоперсонологический анализ частных эпистолярных архивов периода Великой Отечественной войны)» (18-012-00136).

E-mail: logunovaN@yandex.ru

Мазитова Лариса Львовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Пермского государственного национального исследовательского университета, исполнитель того же проекта.

E-mail: mazitova-larisa@rambler.ru

ющими (для решения задач своих научных направлений) различные исследовательские подходы.

Так, например, И.Г.Таджидинова, изучая переписку участников Великой Отечественной войны, констатирует её актуальность «для воссоздания фронтовой и тыловой повседневности» [1, с. 17]. А.С.Кузнецов, анализируя тематику фронтовых писем, рассматривает их в качестве ценного источника для изучения не только фронтового быта, но и «семейных взаимоотношений <...>, а также психологии общества, оказавшегося в экстремальных военных условиях, и непосредственных участников боевых действий» [2, с. 66]. Историк Р.Р.Хисамутдинова рассматривает фронтовые письма как «специфический феномен отечественной письменной культуры военного времени» и тот уникальный источник «для изучения внутреннего мира человека на войне, который долгие годы был недооценён исследователями» [3, с. 214, 220].

Социологи используют фронтовые письма для научного описания военной повседневности, применяя метод нарративного анализа, разработанный ранее для исследования биографий и текстов интервью. По утверждению К.А.Старостина, «учёные-лингвисты изучали эту разновидность эпистолярных текстов преимущественно в жанроведческом аспекте, а также в лингвоперсонологическом, лингвокультурологическом и др. аспектах» [4, с. 165].

Авторы данной статьи на материале фронтовых писем исследовали речевые жанры как средство характеристики языковой личности [5]. С позиций русской лингвокультуры фронтовой эпистолярной описан А.Г.Антиповым и Е.Е.Рыбниковой, которые отмечают, что фронтовые письма являются источником информации «о речевой культуре середины XX века» [6, с. 54]. Т.В.Кривошапова изучает фронтовые письма как «специфический феномен письменной культуры военного времени» в целях совершенствования методики их анализа [7, с. 104]. Многие учёные исследовали тематику фронтовой переписки. В частности,

Т.П.Сухотерина выделяет с точки зрения диктумного содержания следующие темы: «семья, любовь, фронтовая повседневность; информация о ценах на продукты питания в военное время; информация о материальном, нравственном и психологическом состоянии; патриотизм; Родина; ненависть к врагу и др.» [8, с. 221].

Исследовательский потенциал лингвистической персонологии в решении задач военно-исторической антропологии

При изучении подобных источников, на наш взгляд, именно лингвоперсонологический подход способен расширить и углубить представление о субъекте научного исследования – участнике боевых действий. Выделение лингвоперсонологии в отдельное научное направление связано с именем В.П.Нерознака. По его мнению, «[в] рамках общей персонологии может быть выделена <...> лингвистическая персонология, исследующая состояние языка (индивидуации) как частночеловеческой языковой личности (идиолектной личности), так и многочеловеческой (полилектной) языковой личности – народа. В антропоцентрической системе происходит последовательная смена индивидуации у каждой конкретной языковой личности» [9, с. 113].

Объектом рассмотрения лингвистической персонологии является языковая личность, а предметом – выявление общего и особенного в её языке и концептосфере. Решение этой задачи обеспечивается приватным характером речевой продукции, отражающей подлинные и непосредственные эмоции и оценки адресанта в условиях сниженного контроля за текстопорождением. Специальными методами исследования в лингвоперсонологии, по словам В.И.Карасика, «признаны методы речевого портретирования и структурного моделирования, позволяющие конструировать индивидуальную языковую личность, а также коллективную <...> личность как типичного либо яркого предста-

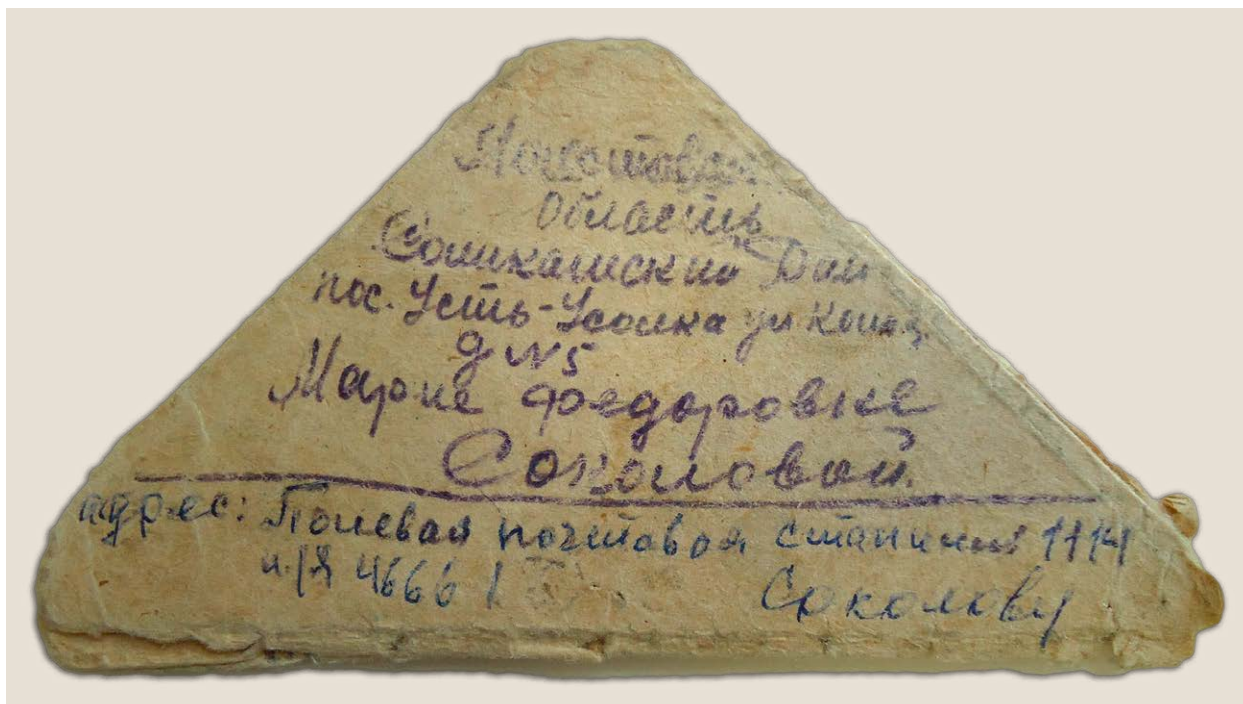

Фото 1. Солдатское письмо в виде фронтального треугольника

вителя определённой социальной группы (профессиональной, половозрастной, территориальной, культурной)» [10, с. 363].

Очевидно, что лингвоперсонологическое исследование фронтальной переписки даёт новые сведения для изучения поведения и психологии человека в экстремальных военных ситуациях, т.е. для решения задач такого интегрированного научного направления, как военно-историческая антропология. Данное направление до сих пор опиралось на подходы ряда отраслей знания (военная психология, военная социология, военная антропология), но при этом не использовало богатый исследовательский потенциал лингвистических наук (в том числе лингвоперсонологии, лингвистического источниковедения, лингвопрагматики), хотя в качестве источников неоднократно привлекало речевую продукцию участников боевых действий — частные письма, дневники, мемуары.

Е.С.Сенявская, основатель военно-исторической антропологии как нового научного направления, сформулировала специфику подхода данной науки следующим образом: «...военно-историческая антро-

пология призвана не только и не столько к специализации в исследовании войн, сколько к интеграции знания о них, получаемого различными гуманитарными и общественными науками» [11, с. 13]. Представляется важной её точка зрения о том, что «все основные, базисные элементы психологии человека, оказавшегося в роли комбатанта, формируются ещё в мирный период, а война лишь выявляет их с наибольшей определённой, акцентирует те или иные качества, связанные с условиями военного времени» [12, с. 11].

Лингвоперсонологический подход к изучению речевой продукции может касаться как формальной, так и содержательной стороны. При всей важности содержательного анализа переписки нельзя умалять значение внешних параметров эпистолярного текста, включая используемые для письма материалы, а также технику исполнения — особенности почерка и реализацию первичных речевых компетенций.

Об источниках исследования

В качестве источников исследования в рамках проекта «Человек на войне:

«взгляд из окопа» привлекаются рукописные эпистолярные тексты участников Великой Отечественной войны, в основном рядовых бойцов и нескольких представителей младшего командного состава, что позволяет квалифицировать их нарратив как отражение впечатлений непосредственных участников боевых действий — как «взгляд из окопа».

Материалом для описания стали письма фронтовиков, хранящиеся в региональных музеях и в большинстве своём ещё не введённые в научный оборот. При этом к анализу не привлекались единичные письма, поскольку они не позволяют решать задачи данного проекта. Таким образом, анализировались эпистолярные девяти фронтовиков: Т.В. Антипина, А.П. Попкова, В.П. Олюнина, М.И. Буторина, Г.П. Малышева, Н.А. Баранова, В.Н. Коробова, И.В. Иртегова, Ю.Ф. Сорокина. Их эпистолярные архивы различны по объё-

му (некоторые содержат по 2–3 письма), однако в совокупности они обеспечивают достаточную базу для характеристики языковых личностей разных социально-культурных и возрастных групп.

В нашем распоряжении оказалось около 300 писем с фронта или из госпиталя, написанных как на бумаге (свёрнутой в виде треугольника (фото 1)), так и на специальных бланках фронтового письма (фото 2) или почтовых карточках (фото 3, 4). Типографское оформление этих бланков и карточек несло дополнительную, агитационно-идеологическую функцию. Иногда из-за дефицита писчего материала для писем использовались случайно попавшие к солдатам бланки (фото 5). Известны случаи, когда бумагу вкладывали в свои письма родственники, с которыми солдат вёл переписку. Показательно, что некоторые адресанты всегда писали письма на почтовых карточках, на которых по-

Фото 2. Специальный бланк фронтового письма периода Великой Отечественной войны

мещались только очень короткие тексты. Можно предположить, что это отражает некоторые особенности личности пишущего, которому не свойственно построение развёрнутого нарратива. Очень часто письма писали карандашом, иногда — чернилами разных цветов. Из письма Тимофея Антипина известен факт изготовления самодельных чернил с описанием «технологии» их изготовления: *«Сегодня ещё решил пороскошествовать: из немецкой ракеты развёл вот эти чернила — видишь, как они поблескивают, вместо чернильницы опять же обрезанная гильза от ракеты. Я её установил, подкопав землю и прибил по бокам тоже землицей — так надёжней, не опрокинется»* (письмо от 14.12.1944) (фото 6).

О методологических основах лингвоперсонологического описания языковой личности

Отобранные в музейных архивах фронтовые письма мы проанализировали с точки зрения проявления в них черт языковой личности и её психического состояния. Описание языковой личности предполагает в числе прочего и анализ речевой культуры авторов писем.

Адресанты обнаруживают различный уровень владения письменной речью, но при этом все привлекаемые к исследованию эпистолярные материалы представляют собой тексты так называемой *естественной письменной речи*, которая, по мнению Н.Б.Лебедевой, включает в себя «весь корпус текстов, не подвергшихся редакторской, цензурной правке, не прошедших через сито полиграфической машины» [13, с. 13].

Введение Н.Б.Лебедевой понятия естественной письменной речи весьма перспективно для лингвоперсонологии, однако некоторые признаки этого явления потребовали уточнения и детализации, что было ранее осуществлено авторами данной статьи [14]. В частности, представляется, что нельзя не учитывать такого фактора, как самокорректировка ав-

тора. Очевидно, что чем выше уровень языковой компетенции автора текста, тем более осознанно он будет выбирать языковую форму для реализации коммуникативного намерения, ориентируясь на свои представления о норме — языковой и этической, а также на квалификацию коммуникативной ситуации в целом. Только человек, не владеющий навыками письменной речи, строит её по образцу устной, порождая тексты, которые можно отнести к числу «низовых культурных объектов» или назвать «наивными», «профанскими», «примитивными».

Жанровый канон эпистолярного текста, с одной стороны, характеризуется традиционными «рамочными клише», а с другой — реализуется в многообразных текстовых вариантах, определяемых параметрами языковой личности.

Известно определение Ю.Н.Караулова, трактующего языковую личность как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определённой целевой направленностью» [15, с. 3]. В зависимости от целей исследования лингвисты изучали разные типы языковой личности в различных аспектах.

Опыт предыдущих исследований письменной речевой продукции XIX–XX вв. свидетельствует о необходимости оперировать понятием *историческая языковая личность*, под которой подразумевается любой носитель языка — житель минувших эпох, чей «портрет» возможно реконструировать по сохранившейся его речевой продукции. Использование этого термина обусловлено специфичностью ситуации, в которой находится исследователь: он располагает ограниченным объёмом и не всегда достаточной репрезентативностью языкового материала; нередко сталкивается с нехваткой затекстовой информации об индивиде; в алго-

Фото 3, 4. Фронтовые почтовые карточки

ритм его исследования — в качестве отдельной процедуры — включается реконструкция исторической эпохи, к которой относится носитель языка. Всё это потребовало выработки специальных приёмов и методики анализа при реконструкции

речевых портретов исторических языковых личностей: наряду с лингвистическим подходом к материалу (исследуется письменная речевая продукция индивида) реализуется и историко-культурологический (интерпретация полученных

13								14		15		16	
Gewicht — abgerundet zastragłona (abgerundete*) (zobowiązane*)								Nachnahmen Zaliczenia					Stück drob
								Rollgeld des bahnamt- lichen Rollfuhr- unter- nehmers		des Ab- senders und Vor- frachten			
								Opłata kolejowego przedsię- biorstwa przewo- wego		nadawcy i należytości uprzednie			
t t t t t t t t								Zł	Gr	Zł	Gr	Zł	
<p>15044 19.06.44 Войсковой Почты Центральной Кавказской Армии</p> <p>МОСКОВСКАЯ обл. 2. СОСНКАМЕК пос. КАМШЕУ ул. Сталина длин 40 кв 5 Телефонной Марки Аккумуляторы Почтовый номер 49941,84 Аккумуляторы Т.В.</p>													

Фото 5. Текст письма на трофейном хозяйственном бланке

результатов невозможна без затекстовой информации о языковой личности и учёта специфики исторической эпохи).

Лингвистический анализ состоит в изучении реализации речевых компетенций адресанта; стиля письма, манеры общения с адресатом; круга затрагиваемых тем; набора элементарных речевых жанров и особенностей их воплощения. Из всех перечисленных аспектов только реализация первичных речевых компетенций

относится к числу внешних параметров письма, остальные так или иначе связаны с содержательной стороной эпистолярия. *Первичными речевыми компетенциями* следует считать лишь три группы навыков — графико-орфографические, пунктуационные и морфологические — на том основании, что они базируются на репродуктивной деятельности языковой личности (лишь на знании соответствующих норм) в противовес умениям текстопо-

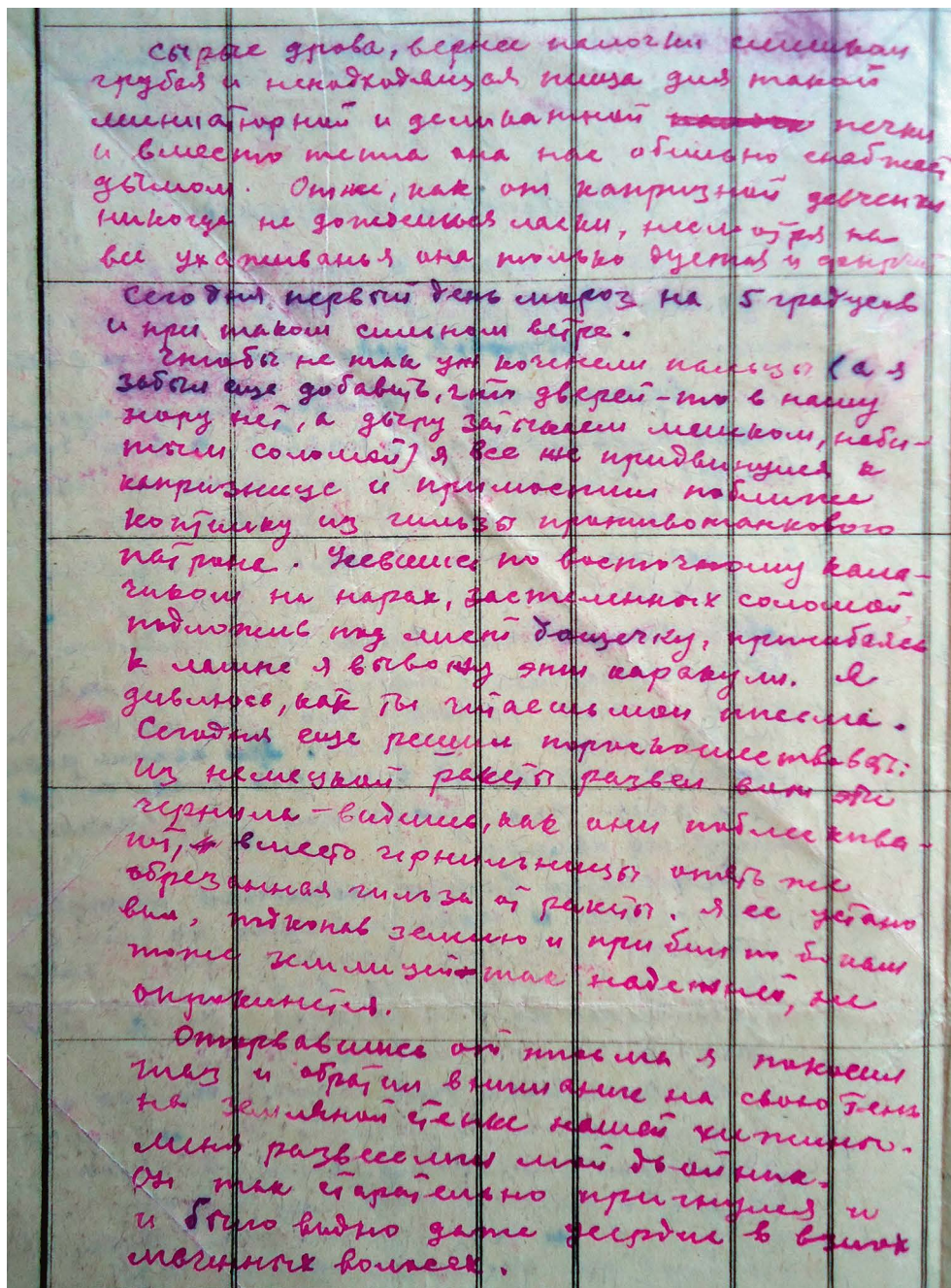

Фото 6. Письмо красноармейца Т.В. Антипина, написанное самодельными чернилами

рождения, невозможным без креативных мыслительных операций.

Некоторые наблюдения о речевой культуре и уровне грамотности авторов фронтовых писем

Изучение эпистолярия участников Великой Отечественной войны позволяет сделать ряд наблюдений о реализации пер-

вичных речевых компетенций адресантов. При этом можно провести градацию авторов писем по уровню грамотности¹.

Среди всех адресантов крайне низким уровнем грамотности выделяется Егор (Георгий) Прокопьевич Мальшев. На основе трёх доступных для анализа его писем можно наблюдать многочисленные нарушения норм письменной речи на всех

¹ При цитировании фрагментов писем сохранены авторские орфография и пунктуация.

уровнях. В орфографо-морфологическом отношении тексты чаще всего отражают фонетику устной, подчас просторечно-диалектной, речи: *пропишы, невижат* (= не визжат), *счясия, полто* (= пальто), *хотиш, непишош, хорошого, стесливая* (= счастливая), *хрешник* (= крестник) и под. Примечательно, что в письмах Г.П.Малышева нет ни единого пунктуационного знака, даже точек. По всем признакам его эпистолярия он является представителем низовой письменной культуры (фото 7). Вероятно, Г.П.Малышев, родившись в дореволюционной деревне, не имел возможности получить основательное образование.

В наибольшей степени навыки грамотной письменной речи сформированы у Василия Николаевича Коробова, Алексея Павловича Попкова и в особенности у Тимофея Васильевича Антипина: в подавляющем большинстве случаев они соблюдают правила правописания. В их письмах отступления от норм орфографии наблюдаются преимущественно в слитном, дефисном или раздельном написании слов разных частей речи (чаще всего с частицами). Встречаются у них и другие, но единичные факты нарушения правописания (*прийдемся, лучьше, учавствовать, девченки* и под.), а также отдельные диалектно-просторечные грамматические формы (*не хочут, ихнюю, мятель* и некоторые подобные).

Характеризуя постановку знаков препинания в письмах этих адресантов, можно констатировать, что пунктуационные компетенции у них сформированы на достаточно высоком уровне: в синтаксических конструкциях разных типов знаки препинания они употребляют верно. Разумеется, в их эпистоляриях есть случаи пропуска знаков препинания, но объясняются они, по-видимому, условиями порождения текста и спонтанностью их письменной речи. При этом стоит отметить, что характер построения нарратива у названных адресантов неодинаков и потому характеризуется различной репрезентативностью при оценке пунк-

туационной грамотности. Так, простота коротких синтаксических построений в письмах А.П.Попкова позволяет увидеть владение адресантом лишь базовыми пунктуационными правилами: *Сначала боялся, а теперь отношусь спокойно, привык. Приходилось бывать в разных переделках и покуда выходил из них цел и невредим. Не знаю, как дальше. Летом воевать легче – тепло хоть. А когда наступала зима, – было боязно морозов. Теперь всё это позади. Да и моральный дух другой* (письмо от 23.03.1942).

Многоплановые и усложнённые синтаксические структуры у Т.В.Антипина дают более основательную базу для анализа его пунктуационных навыков: *А там, за сизой дымкой вдоль маленькой речушки проходит линия фронта на сегодня. Из наспех выкопанных окопчиков торчат верхушки металлических касок, да стволы винтовок, автоматов, морды пулемётов. Тысячи пар воспалённых глаз уставились на тот берег, где в таких же окопах сидят существа, проклятые стариками, детьми, девушками, называющие себя арийцами – людьми высшей расы, освободителями (кого и от чего?). Смотрят и выжидают. А потом начинают рваться над головами снаряды, мины, бомбы, с рёвом и грохотом выскакивают танки, самоходные орудия и люди в серых шинелях с этой стороны речушки и в зелёных шинелях по ту сторону, втягивают головы в плечи, стараясь сжать себя в крохотный комочек, чтобы спрятать, укрыть себя от этого ада. Сквозь грохот ада не слышны предсмертные крики людей, но в перекошенных смертной мукой лицах можно прочесть проклятие Гитлеру, затеявшему эту бойню* (письмо от 01.08.43).

Степень сформированности первичных письменных речевых компетенций характеризует языковую личность с точки зрения уровня её образованности и вместе с тем создаёт базу для порождения развёрнутого текста. Качественный narra-

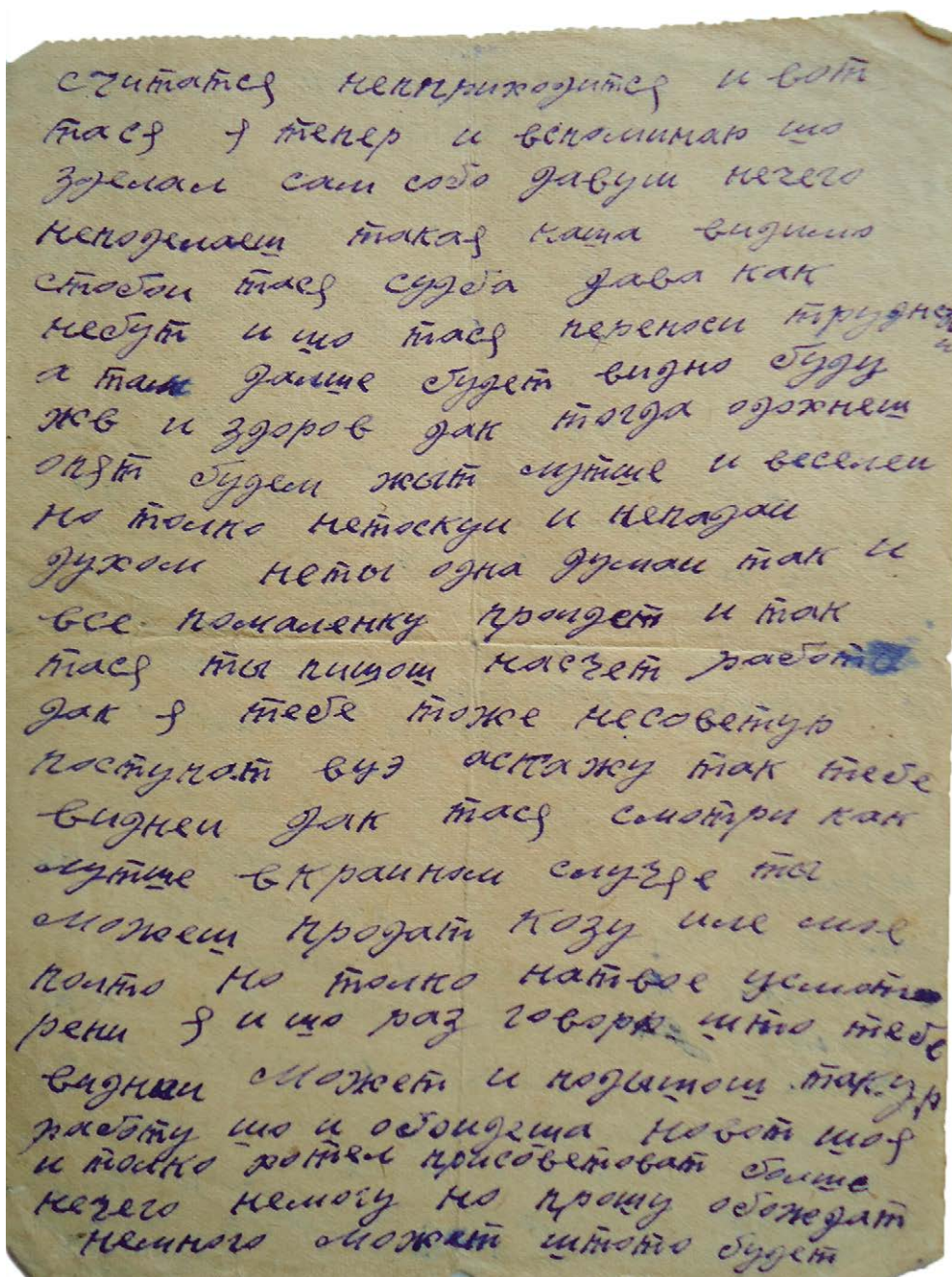

Фото 7. Фронтовое письмо носителя низкой письменной культуры Г.П. Малышева

тив требует орфографо-пунктуационных и грамматических навыков достаточно высокого уровня.

Паралингвистические характеристики фронтовых писем

Помимо реализации первичных речевых компетенций, к внешним параметрам писем относятся также *паралингвистические* характеристики эпистолярного текста, а именно:

- ◆ расположение текста на листе (особенности размещения «рамочных» компонентов письма, наличие/отсутствие и размеры полей, плотность текста, наличие разрывов или соединительных элементов между буквами в словах и т.п.);
- ◆ особенности почерка (размер графем и особенности их формы, соотношение между величиной прописных и строчных букв, степень наклона букв и его направление, наличие/отсутствие специ-

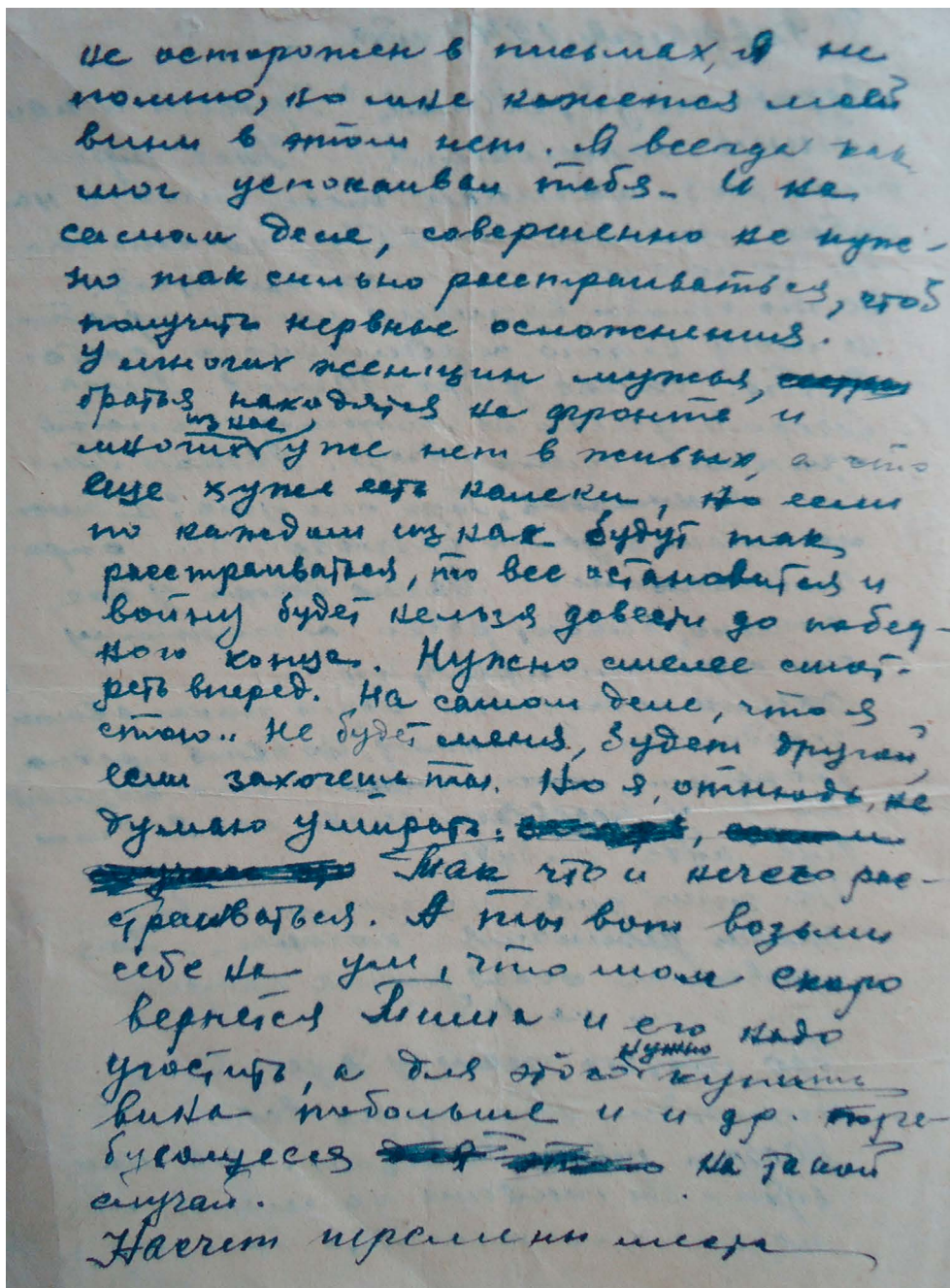

Фото 8. Письмо с фронта красноармейца Т.В. Антипина жене Марии (февраль 1943 г.)

фических элементов в начертании отдельных графем и т.п.);

- ◆ наличие или отсутствие разнообразных признаков саморедактирования (зачёркивание элементов текста, исправления, вписывание текста над строкой или приписки на полях, наличие/отсутствие постскриптума).

Несмотря на сходство условий, в которых создавались письма фронтовиков, за-

метны некоторые различия в их оформлении, указывающие на привычки адресанта, на степень сформированности у него навыков построения эпистолярного текста, а также языковой рефлексии в момент порождения дискурса. Наличие саморедактирования может свидетельствовать и о том, что языковой личности свойственна рефлексия в процессе речевой деятельности, и о том, что адресант ори-

ентируется на известные ему законы построения письменного текста.

Во всех случаях паралингвистические характеристики текста выявляют уровень письменной речевой культуры адресанта. А у адресантов с высоким уровнем письменной культуры вся совокупность внешних признаков письма в значительной степени высвечивает и некоторые индивидуальные особенности личности. Так, письма В.Н.Коробова с их безупречным воспроизведением рамочной структуры, аккуратным, отчётливым, стабильным почерком, с отсутствием зачёркиваний и исправлений характеризуют адресанта как личность организованную, стремящуюся к соблюдению всех норм и правил, не подверженную эмоциональным перепадам. В отличие от В.Н.Коробова, письма Т.В.Антипина нередко содержат исправления, зачёркивания, приписки на полях, а также демонстрируют вариативность оформления: абзацный отступ и поля присутствуют не всегда; почерк то аккуратный и разборчивый, то довольно небрежный. В этом проявляются особенности данной личности – более свободной, с эмоционально подвижной психикой (фото 8).

Заключение

Таким образом, учёт рассмотренных выше внешних параметров эпистолярных

текстов позволяет составить представление об исторической эпохе, высветить отдельные детали фронтового быта, выявить уровень общей и письменной речевой культуры адресантов. При сочетании двух факторов – значительного объёма эпистолярия одного адресанта и его достаточно высокой письменной культуры – внешние параметры писем несут некоторую информацию о психотипических чертах и психическом состоянии комбатанта.

Описание внешних параметров писем фронтовиков мы рассматриваем как отправную точку и базу для содержательной части лингвоперсоналогического анализа, который включает изучение:

- ◆ *стиля и манеры* письма, которые дают сведения о типе личности; при этом их смена указывает на изменения в психоэмоциональном состоянии;
- ◆ *тематики* писем, выявляющей глубину внутреннего содержания, склонность личности к рефлексии;
- ◆ *текстопорождающих речевых компетенций* языковой личности, служащих основой для глубокого анализа её речевой культуры;
- ◆ *аксиологических приоритетов*, которые сказываются и на тематических предпочтениях адресантов, и на характере оценок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Таджидинова И.Г. Коллекция фронтовых писем «Память» в Российском государственном архиве социально-политической истории – крупнейшее собрание переписки красноармейцев 1941–1945 гг. // Вестник архивиста. 2015. № 1. М.: Изд-во Общероссийская общественная организация «Российское общество историков-архивистов». С. 8–19. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23453541> (дата обращения: 5.05.2019).
2. Кузнецов А.С. Фронтовые письма как источник для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 63–68. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-63-68.
3. Хисамутдинова Р.Р. Фронтовые письма периода Великой Отечественной войны как уникальный источник для изучения внутреннего мира человека на войне // Россия в условиях кризисов XIX–XX веков: Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию Русской революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы: В 2 т. / Науч. ред. Р.Р. Хисамутдинова. Оренбург: Изд-во Оренбургского госпедуниверситета, 2017. С. 214–221.

4. Старостин К.А. Письма фронтовиков как объект лингвистического исследования // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 2. С. 165–177.
5. Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Речевые жанры как средство характеристики языковой личности и психического состояния индивида (на материале фронтовых писем Т.В. Антипина) // Вестник Пермского университета. Русская и зарубежная филология. 2019. Т. 11. Вып. 1. С. 37–47. DOI 10.17072/2037-6681-2019-1-37-47.
6. Антипов А.Г., Рыбникова Е.Е. Фронтовой эпистолярный жанр как источник русской лингвокультуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. института культуры. 2017. № 41–2. С. 49–55.
7. Кривошапова Т.В. Дискурс личного чувства на страницах фронтовых эпистолий и методика его анализа // XII Сургучевские чтения. Литература и журналистика в пламени войны: от Первой мировой и до Великой Победы: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Ставрополь, 27–28 февраля 2015 г.) / Северо-Кавказский федеральный университет, Ставропольская государственная краевая универсальная научная библиотека им. М.Ю. Лермонтова. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2015. С. 104–109.
8. Сухотерина Т.П. Фронтовое письмо в коммуникативной ситуации Великой Отечественной войны // Историческая память молодёжи о Великой Отечественной войне: социально-гуманитарные и психолого-педагогические аспекты исследования и формирования: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 2015. С. 216–222. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24270460_13500192.pdf (дата обращения: 10.05.2019).
9. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: Сборник научных трудов. М.: Московский государственный лингвистический университет, 1996. С. 112–116.
10. Карасик В.И. Языковая личность: аспекты изучения // II Международная научная конференция «Язык и культура» (Москва, 17–21 сентября 2003 г.): Тезисы докладов. М., 2003. С. 362–363.
11. Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002: Предмет, задачи, перспективы развития / Отв. ред. и сост. Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2002. С. 5–22.
12. Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Издательский центр ИРИ РАН, 1997.
13. Лебедева Н.Б. Естественная письменная речь: основные понятия и аспекты изучения // Письменная культура народов России: Материалы Всероссийской научной конференции 19–21 ноября 2008 г. Омск: Омск. гос. ун-т, 2008. С. 12–18.
14. Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. О понятии «естественная письменная речь» и перспективах её изучения // Проблемы динамической лингвистики: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 80-летию профессора Л.Н. Мурзина. Пермь, 2010. С. 395–401.
15. Караулов Ю.Н., Красильникова Е.В. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. М., 1989. С. 3–10. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21414085> (дата обращения: 10.05.2019).

ENGLISH

“Trench Viewpoint”: Wartime Letters as the Object of Scientific Conceptualization in Linguistic Personology

Natalya Vasilyevna Logunova – Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Social Sciences & Humanities Department, Perm State National Research University, supervisor of the project “Man at War: Trench Viewpoint (Linguistic and Personological Analysis of Private Epistolary Archives of World War II Period)” (18-012-00136).

E-mail: logunovaN@yandex.ru

Larisa Lvovna Mazitova – Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Social Sciences & Humanities Department, Perm State National Research University, researcher in mentioned project.

E-mail: mazitova-larisa@rambler.ru

Based on the regional archival materials (private letters of nine veterans of World War II), the article discovers approaches to scientific description of external parameters of epistolary texts. Since analysed letters are written by privates and junior officers, the narrative represents the “trench viewpoint”. External parameters of epistolary texts include various information: they capture the spirit of the period, describe some details of front life, reveal the level of culture of general and written speech, and in some cases reflect the psychological traits and mental state of the sender. The description of external features of epistolary texts lays a foundation for further analysis of their content, being an integral part of the linguistic and personological method of portraying a linguistic personality. The method is aimed at solving the issues of military and historical anthropology, as it allows to identify the factors that are important for recreating the multidimensional image of the sender in the severe environment of wartime reality.

Keywords: linguistic personology, military-historical anthropology, epistolary text, natural written speech, historical language personality, speech competences of language personality

REFERENCES

1. Tadzhidinova I.G. Kolleksiya frontovykh pisem «Pamyat'» v Rossiyskom gosudarstvennom arkhive sotsial'no-politicheskoy istorii – krupneyshee sobranie perepiski krasnoarmeytsev 1941–1945 gg. // Vestnik arkhivista. 2015. № 1. M.: Izd-vo Obshcherossiyskaya obshchestvennaya organizatsiya «Rossiyskoe obshchestvo istorikov-arkhivistov». S. 8–19. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23453541> (data obrashcheniya: 5.05.2019) (in Russian).
2. Kuznetsov A.S. Frontovye pis'ma kak istochnik dlya izucheniya antropologicheskogo soderzhaniya Velikoy Otechestvennoy voyny // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 4. S. 63–68. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-63-68 (in Russian).
3. Khisamutdinova R.R. Frontovye pis'ma perioda Velikoy Otechestvennoy voyny kak unikal'nyy istochnik dlya izucheniya vnutrennego mira cheloveka na voyne // Rossiya v usloviyakh krizisov XIX–XX vekov: Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchyonnoy 100-letiyu Russkoy revolyutsii 1917 g. i 75-letiyu nachala Stalingradskoy bitvy: V 2 t. / Nauch. red. R.R. Khisamutdinova. Orenburg: Izd-vo Orenburgskogo gospeduniversiteta, 2017. S. 214–221 (in Russian).
4. Starostin K.A. Pis'ma frontovikov kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2016. № 2. S. 165–177 (in Russian).

5. Logunova N.V., Mazitova L.L. Rechevye zhanry kak sredstvo kharakteristiki yazykovoy lichnosti i psikhicheskogo sostoyaniya individa (na materiale frontovykh pisem T.V. Antipina) // Vestnik Permskogo universiteta. Russkaya i zarubezhnaya filologiya. 2019. T. 11. Vyp. 1. S. 37–47. DOI 10.17072/2037-6681-2019-1-37-47 (in Russian).
6. Antipov A.G., Rybnikova E.E. Frontovoy epistolyariy kak istochnik russkoy lingvokul'tury // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. Kemerovo: Izd-vo Kemerovskogo gos. instituta kul'tury. 2017. № 41–2. S. 49–55 (in Russian).
7. Krivoshchapova T.V. Diskurs lichnogo chuvstva na stranitsakh frontovykh epistoliy i metodika ego analiza // XII Surguchevskie chteniya. Literatura i zhurnalistika v plameni voyny: ot Pervoy mirovoy i do Velikoy Pobedy: Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Stavropol', 27–28 fevralya 2015 g.) / Severo-Kavkazskiy federal'nyy universitet, Stavropol'skaya gosudarstvennaya kraevaya universal'naya nauchnaya biblioteka im. M.Yu. Lermontova. Stavropol': Dizayn-studiya B, 2015. S. 104–109 (in Russian).
8. Sukhoterina T.P. Frontovoe pis'mo v kommunikativnoy situatsii Velikoy Otechestvennoy voyny // Istoricheskaya pamyat' molodyozhi o Velikoy Otechestvennoy voyne: sotsial'no-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie aspekty issledovaniya i formirovaniya: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. 2015. S. 216–222. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24270460_13500192.pdf (data obrashcheniya: 10.05.2019) (in Russian).
9. Neroznak V.P. Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny // Yazyk. Poetika. Perevod: Sbornik nauchnykh trudov. M.: Moskovskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet, 1996. S. 112–116 (in Russian).
10. Karasik V.I. Yazykovaya lichnost': aspekty izucheniya // II Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Yazyk i kul'tura» (Moskva, 17–21 sentyabrya 2003 g.): Tezisy dokladov. M., 2003. S. 362–363 (in Russian).
11. Senyavskaya E.S. Voenno-istoricheskaya antropologiya kak novaya otrasl' istoricheskoy nauki // Voenno-istoricheskaya antropologiya. Ezhegodnik, 2002: Predmet, zadachi, perspektivy razvitiya / Otv. red. i sost. E.S. Senyavskaya. M.: ROSSPEN, 2002. S. 5–22 (in Russian).
12. Senyavskaya E.S. Chelovek na voyne. Istoriko-psikhologicheskie ocherki. M.: Izdatel'skiy tsentr IRI RAN, 1997 (in Russian).
13. Lebedeva N.B. Estestvennaya pis'mennaya rech': osnovnye ponyatiya i aspekty izucheniya // Pis'mennaya kul'tura narodov Rossii: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii 19–21 noyabrya 2008 g. Omsk: Omsk. gos. un-t, 2008. S. 12–18.
14. Logunova N.V., Mazitova L.L. O ponyatii «estestvennaya pis'mennaya rech'» i perspektivakh eyo izucheniya // Problemy dinamicheskoy lingvistiki: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchyonnoy 80-letiyu professora L.N. Murzina. Perm', 2010. S. 395–401 (in Russian).
15. Karaulov Yu.N., Krasil'nikova E.V. Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi eyo izucheniya // Yazyk i lichnost'. M., 1989. S. 3–10. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21414085> (data obrashcheniya: 10.05.2019) (in Russian).

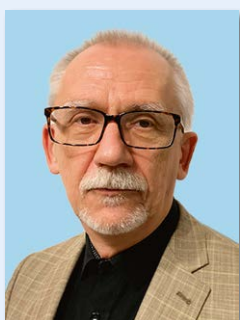
НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

УДК 1(091)

ГРНТИ 02.91.09

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-099-02-67-84

К.Д. СКРИПНИК*

Дебаты в отечественной и зарубежной философии по основаниям, истории и идентичности аналитической философии

Столкнувшись в процессе своего развития с проблемой самосознания себя как подлинной философии, аналитическая философия обращается к обсуждению собственных оснований и истории. Целью настоящей статьи является обзор предлагаемых точек зрения и дискуссионных моментов. При этом автор не проводит разделения между отечественными и зарубежными философами, ставя во главу угла их рядоположенность — даже в условиях определённой однонаправленности обсуждения. В обзоре рассматриваются трудности определения аналитической философии и её основателей. Для этого внимание привлекается к изданным в разные годы антологиям аналитической философии, что позволяет увидеть изменения репрезентации состояния аналитической философии.

Другой темой является проблема выделения некоторого множества характеристических черт аналитической философии, а также критика имеющихся предложений. Рассматривается проблема кризиса аналитической философии и иллюзорности её существования. Обсуждение направлено на рассмотрение кризиса не как тупика, а скорее как феномена, открывающего новые перспективы как в развитии самой аналитической философии, так и в исследованиях её истории и методологии.

Ключевые слова: аналитическая философия, история, кризис и идентичность аналитической философии

* **Скрипник Константин Дмитриевич** — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Южного федерального университета, руководитель проекта «Дебаты в отечественной и зарубежной философии по основаниям, истории и идентичности аналитической философии» (19-111-50094).
E-mail: skd53@mail.ru

Введение

На стыке первого и второго столетий своей истории аналитическая философия (далее – АФ) столкнулась с проблемами собственного обоснования, осознания своих исторических корней и поиска собственной идентичности. Причинами возникновения данных проблем является, среди прочего, осознание себя как подлинной философии, стоящей на своих собственных ногах, пришедшей к самознанию и ищущей пути саморефлексии. Очерчиванию собственно АФ в немаловажной мере способствовало становление её истории как «подраздела» истории современной западной философии. История АФ неразрывно связана и с интересом к её основаниям, оба фактора, в свою очередь, спаяны с интересом к её идентичности. Внимание к истории АФ появилось примерно в восьмидесятые годы прошлого века, и буквально в течение полутора десятков лет стало возможным говорить о ней как об уже оформившейся дисциплине и ветви исследований. Так, например, если в 1975 г. Х. Слуга фиксирует, что аналитическая философия никогда особо не занималась своей историей и не видела смысла рассматривать себя как исторический феномен [1], то в конце века он же говорит о том, что аналитическая философия, которая прошла значительный период исторической эволюции и роста, и к собственному удивлению пришла к признанию того, что обладает своей историей [2]. В течение последних 10–15 лет прошлого века и лет, прошедших с начала века нового, обвально увеличилось число публикаций, посвящённых этим проблемам и написанных как сторонниками аналитической традиции, так и противниками или теми, кто пытается встать «над» дихотомией принадлежности/непринадлежности к аналитической философии.

На момент подготовки данного обзора база данных «Academia.edu» на запрос «history of analytic philosophy» выдаёт 133 451 полнотекстовый резуль-

тат, «e-library» по запросу «история АФ» указывает 60 879 источников, по запросу «АФ» – 85 383 источника, а в Google получаем примерно 22 млн результатов. В предлагаемой вниманию читателей статье можно охватить весьма малую толику материалов, но затронем авторские монографии и сборники статей, объёмные статьи и сжатые комментарии, авторов «изнутри» и «вне» аналитической традиции, зарубежных и отечественных, просто обсуждения и прямые столкновения точек зрения. Большое место будут занимать англоязычная литература и зарубежные исследования – но это соответствует имеющемуся состоянию дел: зарубежных исследовательских, комментирующих и критических материалов гораздо больше, чем отечественных, последние к тому же более доступны. Что касается обзоров, то имеется объёмный обзор Д. Флойда [3], указание на ряд материалов по истории и основаниям АФ содержится в [4–6].

Аналитическая философия: варианты определения

Возможно составить некоторое множество вариантов характеристик и определений АФ, имея в виду и наличие таких её определений, которые лишь вводят в заблуждение [7]. М. Бини [8] так и не решился дать определение аналитической философии, ограничившись выделением двух её значений в зависимости от того, идёт ли речь о деятельности некоего сорта – «аналитическом философствовании» или о традиции – «аналитической традиции». Для него вывод однозначен: «единственным путём ответа на вопрос “что такое АФ?” является обеспечение её истории» [8]. Более точно Бини выразился позже: «...является ошибкой пытаться определить аналитическую философию в терминах какого-либо множества доктрин, которые разделяются всеми аналитическими философами и только ими» [9].

Если в 1993 г. А. Грязнов не пытается дать какое-либо однозначное определе-

ние АФ, называя её то философией, то традицией, то движением; то через пять лет он высказывается более определённо, характеризуя АФ в широком смысле слова как «определённый стиль философского мышления», связывая его со строгостью, точностью, осторожным отношением «к широким философским обобщениям, всевозможным абстракциям и спекулятивным рассуждениям» [10], когда предпочтение отдаётся аргументированной убедительности, логичности выводов.

Подобную же позицию занимает Л. Макеева, утверждая, что АФ следует описывать «как движение, обладающее отличительным стилем философствования» [11]. Е. Ледников, в свою очередь, полагает, что «под АФ принято понимать ту область философских исследований, в которой первостепенное внимание уделяется анализу языка как средству выражения философских мыслей» [12]. Для А. Мартинича определение АФ «не может представлять собой множество доктрин и не может ограничиваться какой-либо одной темой, предметом исследования. АФ больше напоминает метод, способ обращения с проблемой, но на деле не один метод, а много методов, каждый из которых обладает фамильным сходством друг с другом» [13].

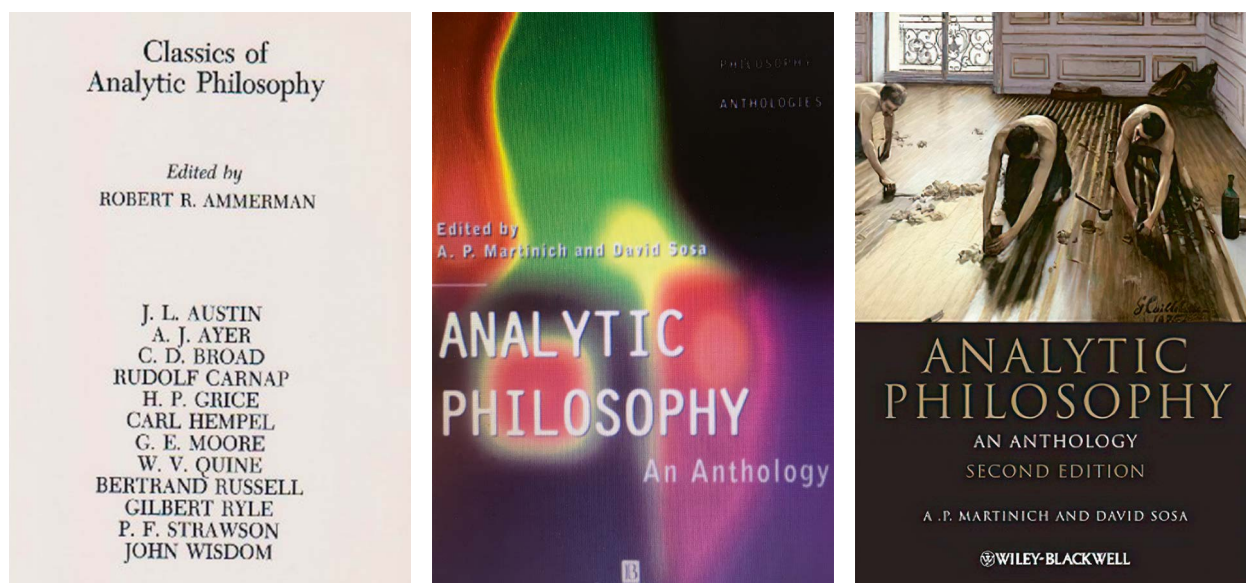
Некий обязательный «в той или иной степени» набор признаков АФ перечисляет Я. Шрамко, оговариваясь, что перечень отмечен «значительной долей условности» и подчёркивая, что определение есть не нечто окончательное, а лишь «повод для дальнейших размышлений, помогающих прояснить исторические корни аналитической традиции, её методологические особенности, а также её взаимоотношение с другими направлениями современной философии и философскими учениями прошлого» [14]. Это не значит, что отсутствует необходимость в подобных определениях: если не сделать попытки определить, что такое АФ, в приемлемых условиях или характеристиках, то естественными будут такие попытки,

в которых АФ просто «размывается», когда за ней не признаётся статус ни школы, ни направления, ни традиции, а сама она характеризуется как «формат интеркультурной философской практики» [15].

В [16] издатели не пытаются определить достаточные и необходимые условия АФ, они скорее отрицают возможность такого определения на том основании, что оно попало бы «или в полную пустоту (бессодержательность) либо в неточную пристрастность». Предлагаемое же положительное решение заключается в соединении трёх перечней, первый из которых включает мнения аналитических философов о природе АФ, второй – десять основополагающих положений её идеологии, а третий – десять характеристик аналитического стиля в философии. Взятые вместе, эти перечни выражают различное само-понимание АФ и рассматриваются как её определение.

Анализируя данные предложения, С. Бронзо [17] отмечает, что понятие АФ является понятием идентификации в политическом смысле этого слова: речь идёт об интеллектуальной идентификации и само-идентификации, когда некто считает себя аналитическим философом, потому что он понимает АФ именно так, как это делает он. Но вопрос в том, что некто другой также считает себя аналитическим философом в силу своего понимания природы АФ – не исключено тогда, что эти двое понимают АФ по-разному; однако это не мешает им объединиться вместе как аналитическим философам. И всё-таки, несмотря на отмеченное «идеологическое» видение АФ, возможно думать, что читатель может оказаться вне воздействия какой-либо идеологической точки зрения и быть свободен в создании своей собственной репрезентации АФ.

С. Кострей [18], говоря о ранней АФ, чётко выделяет соответствующий ей период времени – с 1879 по начало 30-х гг. прошлого века, и тогда работы Г. Фреге должны быть отнесены к АФ; позднее он уточняет мысль: «...центральные фигуры,

Ил. 1. Антологии АФ Р. Аммермана, А. Мартинича и Д. Соса

которые инициировали аналитическую традицию: Г.Фреге, Б.Рассел, Л.Витгенштейн, Р.Карнап» [18]. Таково же мнение В.Суровцева [19]: идеи, связанные с именами Рассела, Мура, Витгенштейна или Куайна, и есть то, что «более или менее» соответствует АФ, правда, в первой трети прошлого века АФ представляли лишь первые два имени, к которым присоединилось и имя Рамсея, а начиная со второй трети к этим именам присоединяются имена Витгенштейна и А.Айера. Что касается работ Фреге (а также Больцано и Brentano), то Суровцев называет их «провозвестниками» АФ.

Антологии АФ как репрезентации её исторических оснований и современного состояния

Антологии аналитической философии представлены изданиями на английском и русском языках: антология под редакцией Р.Аммермана [20], впервые изданная в 1965 г. и повторенная в 1990; два издания антологии (2001 и 2011 гг.) под редакцией А.Мартинича и Д.Соса [13] (ил. 1), том первый [16] из двухтомной антологии, изданной в 2017 г. под редакцией Дж.Конанта и Д.Эллиота, а также антологии [10] и [21], составителем которых был А.Грязнов (ил. 2). К данному пе-

речню могут быть причислены и различные «Readings...», которые здесь находят-ся вне фокуса внимания.

Хотя название «Аналитическая философия» получает распространение к 1950-м гг., в издании [18] речь уже идёт о «классиках» АФ, в число которых составитель включает Остина, Айера, Брода, Карнапа, Гемпеля, Грайса, Мура, Куайна, Рассела, Райла, Стросона и Уиздома. Предлагаемые читателю тексты структурируются на три раздела: ранние аналитики, логический позитивизм и лингвистический анализ. В книге [13] структурирование совсем иное, отражающее и произошедшие изменения в содержании, проблемах и подходах аналитической философии, и изменения в осознании ею самой себя; материал антологии разбит на семь разделов: философия языка, метафизика, эпистемология, философия сознания (mind), этика, методология. Обращает на себя внимание не только перечень, но и последовательность разделов, отражающая изменение интереса, статус и проблемность тематики.

Антология [16] предлагает наиболее актуальную структуру, отображающую более современное видение, результирующее и отказ от некоторых устоявшихся точек зрения и сложившихся мифов,

и современное состояние работы по исследованию истории АФ. Разделов всего семь: предпосылки XIX и начала XX в., ранняя АФ, прагматизм, логический позитивизм, пик АФ философии, ренессанс моральной философии, диверсификация АФ. Отечественные антологии не структурируют авторов по каким-либо разделам; содержат полнотекстовые статьи 10 и 24 философов соответственно; за исключением одной статьи, размещённые работы не повторяются.

Изменение общей картины истории, основателей и современного состояния АФ получает своё интересное отражение в случае переиздания имеющейся антологии. Ситуация с антологией [13] весьма показательна: второе издание претерпело заслуживающие внимания изменения. Возросло количество статей и фрагментов статей – во втором издании их стало 49 вместо 46. Число авторов увеличилось на четыре, их стало 33. Появились новые имена: П.Оппенгейм, Д.Макдауэл, Т.Бердж, Д.Фодор, Г.Франкфурт, Д.Смарт, Д.Парфит, а исчезли такие авторы, как Д.Армстронг и Ч.Лэнгфорд. Произошли изменения и в материалах, принадлежащих одному и тому же автору: составители, вероятно, посчитали, что новые материалы более репрезентативны. Так, например, вместо статьи «Четыре формы скептицизма» Мура появляется его «Доказательство внешнего мира», вместо статьи Гемпеля «Законы и их роль в научном объяснении» включена совместная статья Гемпеля и Оппенгейма «Исследования по логике объяснения».

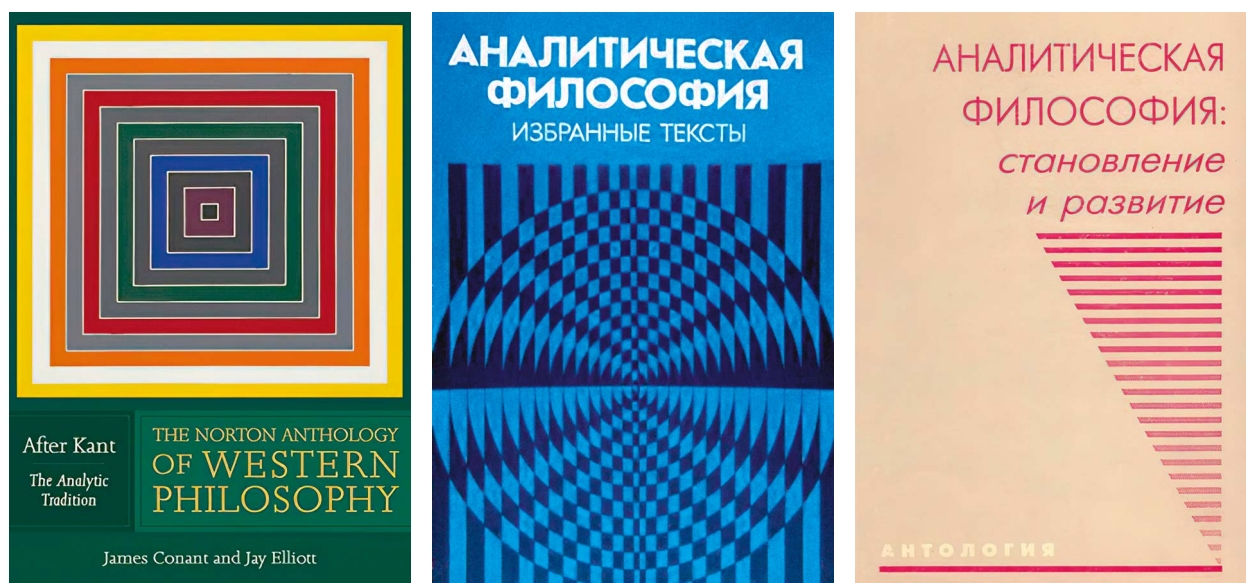
Наибольшее представительство авторов имеется в антологии [16], где их число достигает 65 и включает в качестве «предшественников» аналитической философии Канта, Мейнонга, Brentano, Милля; в качестве «соратников» – Пирса, Джемса, Дьюи, а в качестве «диверсификаторов» – практически не знакомые отечественным философам имена: А.Сен, Л.Корсгаард, Д.Хорнсби или К.А.Аппиа. Данная, последняя по времени издания,

антология заслуживает особого внимания: двухтомное издание с частично общим названием «The Norton Anthology of Western Philosophy. After Kant» уходит от дихотомии «аналитическая—континентальная», и если название первого тома продолжается словосочетанием «The Analytic Tradition», то название второго тома продолжается словами «The Interpretive Tradition», что изменяет репрезентацию современной философии и её истории.

Кризис АФ и обсуждение её идентичности: case studies

По замечанию А.Грязнова, если давать самое широкое определение «аналитического стиля философствования», то это позволяет включать в характерные признаки АФ самые разнообразные феномены, поскольку АФ «не представляет собой единой школы, ориентирующейся на жёстко сформулированный набор принципов» [10]. Аналогичное мнение высказывает С.Сомс: аналитическая философия не может являться неким объединённым и единым множеством доктрин, но может быть определена как историческая традиция, заложенная ранними работами Мура, Рассела и Витгенштейна, «установившими повестку дня» для более поздних философов (к этому перечню могли бы быть добавлены работы Г.Фреге, имеющие более специализированный и технический характер) [22].

Очевидным способом характеристики АФ является обращение к понятию анализа – однако анализ использовали многие философы. Для прояснения ситуации М.Бини [23] предлагает «анализ анализа» – в первую очередь разделение трёх его видов: «интерпретативного» (или «трансформационного»), «декомпозиционного» (или «резолютивного») и «регрессивного». Бини [9] отмечает, что именно интерпретативный анализ характерен для работы Рассела и Фреге, его же исследовал и Мур; особенностью же применения анализа в АФ является использование квантифика-

Ил. 2. Антологии АФ А. Грязнова, Дж. Конанта и Д. Эллиота

ционной теории и новых «техник» анализа, возникших в её «кильватере», а также более глубокое понимание семантических исследований [24, 25].

Попытку подробного выделения и анализа характерных черт АФ предпринимает Г.-Й. Глок [26], выделяя в качестве них геолингвистические определения, потерю исторического осознания, определённый набор «доктрин и тем», выделенные характеристики «метода и стиля», исключение из рассмотрения этической и политической проблематики. Демонстрируя несостоятельность каждого из рассматриваемых признаков по отдельности как специфических для АФ, Глок предлагает иное определение, согласно которому АФ есть интеллектуальное движение двадцатого века (корни которого находятся в девятнадцатом веке, а ответвления — в двадцать первом), объединённое семейными сходствами, с одной стороны, и связями исторического влияния — с другой» [27]. Нечто похожее десятью годами ранее высказали Х.Слуга [2], А.Стролл [28], П.Хакер [29] и П.Хилтон [30]. Несколько иной набор индикаторов семейного сходства называет В.Суровцев [19]: согласно ему, семейное сходство этой «совокупности многообразных течений», которую можно именовать АФ как философским на-

правлением, определяется топически, генетически, тематически и методически.

Идеи Глока вызвали неоднозначную реакцию. Для Л.Хаапаранта [31] очевидно, что характеристические черты, выделяемые Глоком, не состоятельны; вероятно, правильнее говорить, что некоторые черты (идеи ясности и точности, использование анализа, отношение к истории) встречаются в АФ «более часто». Согласно Пинкоку [32], АФ не может рассматриваться просто как историческая традиция и набор характерных черт; Глок предлагает слишком схематичный подход, для оправдания которого необходимо ответить на вопросы о первичных «конституентах» АФ, о понимании исторических влияний, о которых идёт речь, о проведении демаркации между аналитической и не-аналитической философией.

На вопросы об исторических влияниях обращает внимание Г.Вригт [33], замечая, что с течением времени подобный подход становится всё запутаннее. П.Раатикайнен более подробно говорит о влиянии Гуссерля на Фреге, о теории дескрипций Рассела как попытке разрешения проблемы «интенционального несуществования» Brentano, которая, в свою очередь, была развита как прямая реакция на идеи Мейнонга [34]. Brentano по-

влият на Мура через посредство Г. Стаута, который был его и Рассела учителем. Примечательным свидетельством влияния является то, что Рассел при заключении его в тюрьму в 1918 г. взял с собой «Логические исследования» Гуссерля.

Э. Стениус [35] в 1960 г. указывает, что «Трактат» был написан Витгенштейном под влиянием Шопенгауэра (и косвенно — Канта). Г. Райл в молодости серьезно изучал Brentano, Гуссерля, Хайдеггера; в начале прошлого века в Кембридже читал лекции «Больцано, Brentano, Мейнонг и Гуссерль: четыре реалиста».

Неверно полагать, что исторические влияния проявляются исключительно в среде аналитических философов: с одной стороны, Раатикайнен справедливо напоминает, что Мерло-Понти не увидел, по его собственным словам, каких-либо различий между его мышлением и мышлением Райла; с другой — известно, что оксфордские философы считали своим противником Карнапа, но не Хайдеггера; Карнапа не терпел также и Витгенштейн [36]. Рорти, начинавший — в полном соответствии с полученным образованием — как аналитический философ, в поздние годы находился под сильным влиянием Гадамера, Деррида, Хайдеггера.

Всё это говорит о неутешительности предложений Глока по комбинированию исторического подхода и подхода на основании семейных сходств. Ещё более радикальную критику попытки выделения некоторых характеристических свойств АФ предпринимает Г. Стивенс [37], утверждающий (как и Васильев [38]), что АФ реально является «продолжением и эволюцией философии simpliciter» и фундаментально не отличается от длинной линии традиционной философии, берущей своё начало от Древней Греции. Аналитические философы не объединены какими-то специфическими доктринами, а попытки установления исторических влияний требуют в первую очередь определения линии влияния; разрыв с исторической традицией характерен, скорее, для конти-

нентальной философии, отрицающей аргументирование как центральный метод философствования.

Отвечая критикам, Глок уточняет: совершение лингвистического поворота вовсе не эквивалентно собственной аналитической философии; АФ не является традицией такого сорта, она может быть отделена от всех и всяких других традиций, по меньшей мере потому, что в её рамках имеются разные лагеря. Если его точка зрения правильна, то «академические и институциональные подразделения между аналитической и континентальной философией являются результатом не только философских и культурных факторов, но частично и результатом политических событий типа возникновения нацизма или второй мировой войны» [39]. Говорит ли это, что помимо истории влияний и семейных сходств необходимо учитывать ещё и ряд политических событий. Но как изменится тогда история аналитической философии, остаётся пока в рамках перспективных исследований.

Глок, в частности, характеризует аналитическую философию как «беспрецедентное сочетание триумфа и кризиса» — именно кризис АФ подчёркивает И. Джохадзе [40]. Основываясь на высказываниях многих зарубежных философов, Джохадзе полагает, что важнейшим уроком, который можно извлечь из истории АФ, является понимание необходимости учёта контекста занятий философией и воспроизведения того, что Рорти называл исторической реконструкцией. По мнению Джохадзе, АФ не вполне корректно считает себя философией «универсальной» и «мировой» — для этого у неё не больше оснований, чем у «любого другого направления мысли». На деле же положение дел таково, что АФ, если ещё и «жива», то всё равно находится в глубочайшем кризисе. С точкой зрения Джохадзе не соглашается автор этой статьи [41]: ситуация, сложившаяся в АФ, может быть понята совершенно иначе — как свидетельство присущему АФ

критическому отношению к самой себе, а «кризис идентичности» есть просто этап в осмыслении себя как отдельного феномена. Развитие новых направлений АФ, не входивших в её «стандарт» в середине прошлого века, говорит о её потенциале и вовлечении в сферу своих интересов новых и новых проблем. АФ не «размывается» в иных направлениях — напротив, можно видеть развитие «аналитического марксизма» или «аналитической феноменологии», но нет пока разговора о «марксистской АФ» или «феноменологической АФ». В ответ на критику Джохадзе [42] высказывает мысль о том, что задача истории философии «сродни этологии: наблюдать и описывать», и поэтому многие критические замечания в его адрес не попадают в цель.

А. Престон [43] — за год до выхода книги Глока — делает более сильное утверждение, согласно которому АФ вообще не существует, что это лишь иллюзия. АФ основывается на иллюзии, точнее — наборе иллюзий. Традиционная репрезентация АФ, связанная с её основанием Расселом и Муром под влиянием Фреге, с лингвистическим анализом как методом, представляется Престону неверной. Первая выделенная иллюзия — иллюзия АФ как школы, иллюзия единства. Вторая иллюзия — иллюзия обещания, основанная на допущении «сциентизма», согласно которому научное мышление есть парадигма для философии. Существование АФ — это иллюзия, потому что она не является школой и собственно философией, а лишь пытается подражать (эмпирической) науке. Престон пытается строго отделить «школу» от «традиции» или «движения», но делает это весьма смутным образом, а во второй половине книги вообще говорит об АФ как «аналитической традиции».

Обсуждение выходов из описанной ситуации требует пересмотра (ревизии) попыток приложения к АФ традиционных понятий. Престон указывает на две формы подобного «ревизионизма»: «ревизионизм рода» и «ревизионизм видового

отличия». Согласно первому, АФ может быть и не «школой», что отвергается Престоном на том основании, что нет ничего такого, что адекватно отделяло бы АФ от философии *simpliciter*. Что касается «видового отличия», которое должно изменить характеристику школы, а не просто отрицать её существование, и которое связано с языком, то комментаторы [44–46] отмечают то положение Престона, согласно которому аналитические философы занимались языком не как конечной целью, а как средством, стремились выйти за его пределы. Представляется, что общий взгляд Престона на АФ, выраженный в данной книге, может быть прояснён только в контексте его предшествующих статей [47–49] и последующих публикаций, в частности сборника [50].

Так и поступает, например, В. Шохин. Анализируя позиции Престона, Шохин опирается большей частью на [49], упомянув, конечно, и книгу [43]. Адекватно диагностируя позицию Престона о том, что аналитическая философия не является школой, Шохин, как и Престон, не пытается дать ясные характеристики «школы» и её отличий от «традиции», «направления», «движения» или собственно «философии». А между тем достаточно приемлемо понимание школы как группы философов, объединённых в первую очередь личным знакомством и общением, признаваемыми отношениями «учитель—ученик» и положительным или отрицательным влиянием и наследованием. Шохин однозначно заявляет о своей солидарности с «ревизионистскими» взглядами, «расширяющими признаки АФ на прошедшие века, — при нескольких уточнениях» [51]. Они связаны с тем, что аналитический метод занимает гораздо большее и значимое место в европейской философской традиции, чем отмечали «ревизионисты». Мало того, он имеет место и в не-европейской традиции, в качестве примера которой Шохин приводит древнеиндийские философские идеи и выражает уверенность, что такой

способ как «исследование-через-инверсию» восходит и к начальным стадиям китайской философии.

Позиция Шохина вызвала резкое отторжение у В.Целищева [52]: его критика и попытка Шохина [53] ответить на неё представляют интерес как подлинные дебаты, которых в таком виде давно не встречали на страницах отечественных журналов. Целищев полагает, что Престон не вполне точен в своих характеристиках (точнее, он считает данную книгу крайне неудачной), а позиция Шохина просто не выдерживает критики ни в части предложенной историографии, ни в части определения связей АФ и философии древнеиндийской.

Ответом на данную дискуссию стали статьи Васильева [38] и — в определённой степени — Л.Макеевой [11]. В дискуссии Целищева и Шохина Васильев частью соглашается с авторами, частью их позиции не поддерживает; аргументы же Престона Васильев полагает тенденциозными, общую его позицию — предвзятой. Для Васильева важно, что современная АФ является наследницей классической философии, и именно в этом её качестве она требует особого внимания при изучении и преподавании.

Если книга Престона направлена на то, чтобы продемонстрировать несуществование АФ как реального феномена, но существование её как иллюзии, то в более поздней работе [50] ведущей идеей является понятие интерпретации, формирующей традицию: ведущую роль в происхождении, развитии и «живучести» ФА играют интерпретации текстов, философов и больших фрагментов данной традиции. Иными словами, позиция «смягчается»: всё-таки АФ существует, но это существование в сильной степени зависит от интерпретаций. Престон не изменяет себе, утверждая, что тот или иной способ интерпретации и создаёт то, что является иллюзией — иллюзией формирования или существования единства АФ. На спорность и противоречивость это-

го тезиса обращают внимание критики и комментаторы А.Корхонен [55], Р.Дэвис [56], А.Т.Туболи [57]: если АФ — иллюзия, неверная интерпретация, то для рассмотрения её существа следует включиться в эту иллюзорную группу.

Статья Престона задаёт тон остальным публикациям сборника [50], в котором предлагаются интерпретации текстов отдельных философов (Райла и Остина), взглядов таких философов, как Рассел, Мур, Нагель, Витгенштейн, Рамсей, Стронсон, Дэвидсон и Даммит, а также более широких вопросов: о логическом позитивизме в Америке, об изменении во времени некоторых пунктов внимания АФ к языку, о взаимоотношении АФ и феноменологии, об историографии АФ. Кремер [58], например, предлагает по-новому посмотреть на «Понятие сознания» Райла с точки зрения реконструкции утраченной рукописи первого варианта этой книги, проводя эту реконструкцию на базе работ Айера, и утверждает, что Райл зафиксировал многие проблемы, постигая их из книг тех, кто критиковал Айера, который, в свою очередь, находился под серьёзным влиянием той самой утраченной версии книги. Д.Чейз и Д.Рейнольдс [59] предлагают такую интерпретацию отношений между феноменологией и АФ, которая весьма сильно отличается от уже привычного взгляда М.Даммита, согласно которому обе традиции имеют один и тот же источник; авторы обосновывают то, что формирующаяся аналитическая традиция в лице Рассела и Мура весьма мало связана с ранней феноменологией. Н.Блохина [60], обращая внимание на введение, написанное Престоном, и статью С.Лапойнт [61], считает, что доводы Престона не являются бесспорными и всё-таки возможно вычленил некоторые фундаментальные соглашения, имеющиеся в АФ. Поддерживаемый Лапойнт тезис о пропасти между прошлым и будущим АФ также представляется Блохиной весьма спорным. Мало того, данный тезис является

результатом методологической подмены, имеющейся в рассуждениях Лапойнт и не замеченною ею: обоснование тезиса есть обоснование *ad hoc*. С этим согласен и Корхонен, полагая, что помимо указанной Лапойнт перспективы анализа истории АФ возможна и перспектива рассмотрения ранней АФ как «старых идей в новых одеждах» [55]; наличие подобных перспектив является важным фактом, свидетельствующим о многоликости аналитической традиции.

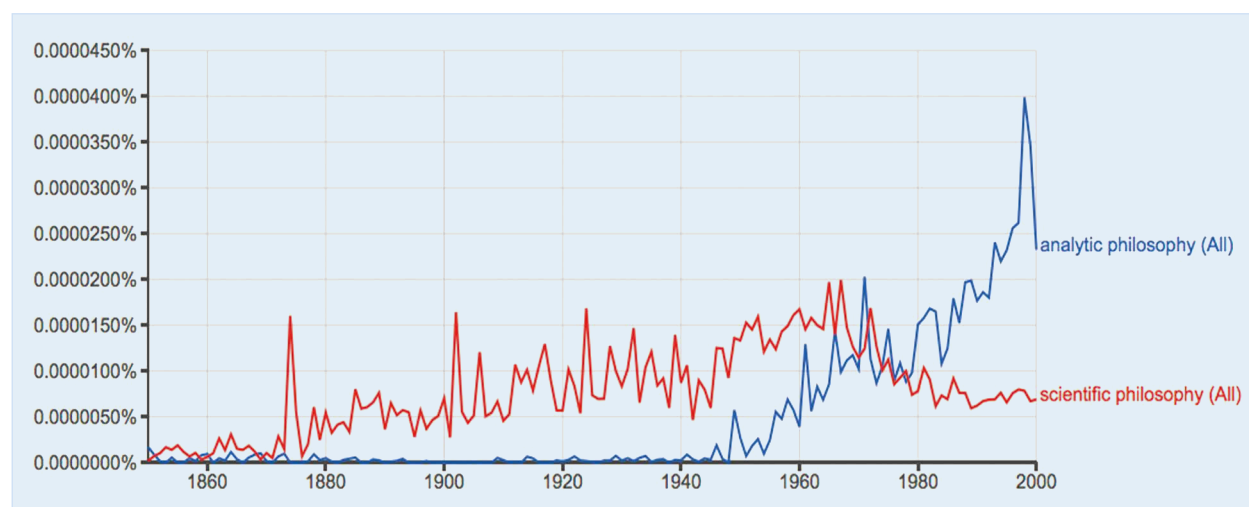
Заключение

Исследование истории АФ за последние годы потребовало использования новых приёмов и подходов, направленных на раскрытие забытых страниц её истории, связанных с теми философами, которые сыграли немаловажную роль в становлении АФ — роль, которая со временем — специально или случайно — поблекла; реконструкция их взглядов придаёт новый импульс такому исследованию. Иной подход связан с использованием тех возможностей, которые предоставляются информационными технологиями различного сорта.

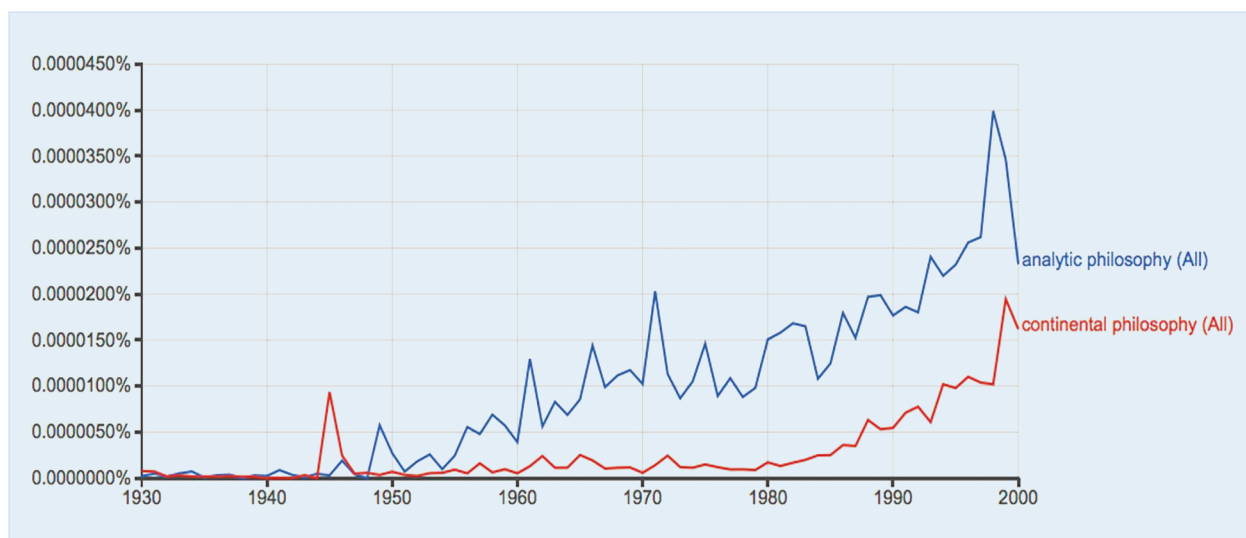
Примером первого направления могут служить работы, посвящённые женщинам-философам [9, 16], из числа которых в первую очередь здесь долж-

на быть упомянута С.Стеббинг — первая женщина, ставшая профессором философии в Британии в 1933 г. Стеббинг и другим женщинам был посвящён отдельный номер «Journal for the History of Analytic Philosophy» [62]. За последние годы сильно возрос интерес к концептуальному наследию Львовско-Варшавской школы АФ: так, Я.Воленьски [63], анализируя «континентальные» корни АФ в лице Больцано, Brentano и Фреге, говорит о незаслуженной «забытости» Львовско-Варшавской школы; этому же посвящены сборники последних лет [64, 65].

Несомненным новшеством в исследованиях по истории АФ является использование информационных технологий. Так, Фрост-Арнольд [5] для ответа на вопрос не о том, что такое АФ, а, скорее, о том, когда появилось название «АФ» и когда оно стало широко использоваться и распространяться, использует Google Ngram Viewer, демонстрируя повторяемость определённых словосочетаний в печатных источниках базы Google Books. Ниже приводятся две иллюстрации полученных графиков после введения фраз «аналитическая философия» и «научная философия» (ил. 3); данная дихотомия позже была заменена дихотомией «аналитическая философия» — «континентальная философия» (ил. 4).

Ил. 3. Сравнение относительной повторяемости фраз «аналитическая философия» и «научная философия» в период с конца XIX в. до начала XX в.

Ил. 4. Сравнение относительной повторяемости фраз «аналитическая философия» и «континентальная философия» в период с 1930 по 2000 г.

Сходным путём идёт Д. Катзав [66] вместе с другими исследователями [67], проведя количественный анализ содержания журнала «The Philosophical Review» в 1930-е – 1950-е гг. Согласно авторам, АФ в Америке возникает до начала 1950-х гг. в атмосфере достаточно большого разнообразия подходов к философии и становится доминирующей благодаря – по меньшей мере, частично – её эффективному продвижению редакторами указанного журнала. Доминирование АФ должно объясняться не только её «концептуальным превосходством», но и влиянием институциональных факторов, а также политического климата того времени, для которого характерно весьма нетерпимое отношение к не-аналитическим подходам.

Возможности количественного подхода к реконструкции истории АФ активно исследуют Е. Петрович и его коллеги [68–70]. Данный подход особенно продуктивно осваивается в связи с исследованием возможной периодизации истории АФ, в частности, с проблемой правомерности ведения понятия «поздней АФ» [71], для которой характерна большая однородность и с методологической, и с социологической точек зрения. Подобная однородность может быть интерпретирована более адекватно, если вспомнить точку зрения Уильямсона, высказанную в книге «Философия философии»: «Это не конец философии. Это даже не начало конца. Но это, возможно, конец начала» [72].

ЛИТЕРАТУРА

1. Sluga H. Frege and the Rise of Analytic Philosophy // Inquiry, 1975. Vol. 18. Issue 4. Pp. 471–498. P. 472.
2. Sluga H. What has History to Do with Me? Wittgenstein and Analytic Philosophy // Inquiry. 1998. Vol. 41. Issue 1. Pp. 99–121. P. 99.
3. Floyd J. Recent Themes in the History of Early Analytic Philosophy // Journal of the History of Philosophy. 2009. Vol. 49. No. 2. Pp. 157–200.
4. Иванов Д.В. Рецепция аналитической философии в России // Философия науки и техники. 2015. Т. 20. № 2. С. 106–117.

5. Frost-Arnold G. The Rise of 'analytic philosophy': When and how did people begin calling themselves 'analytic philosophers'? // Lapointe S. & Pincock Ch. (eds.) *Innovations in the History of Analytical Philosophy*. London: Palgrave Macmillan, 2017. Pp. 27–67.
6. Скрипник К.Д. Аналитическая философия: к вопросу её истории, историографии и современных исследований // *История философии: методология, понимание, преподавание*. Ростов: Изд-во ЮФУ. 2018. С. 53–74.
7. Колесников А.С. Аналитическая философия: история и основания // *Вестник СПбГУ*. Сер. 6. 2014. Вып. 4. С. 35–42.
8. Beaney M. *The Oxford Handbook of the History of Analytic Philosophy*. Oxford. Oxford Un. Pr., 2013. 1161 p.
9. Beaney M. *Analytic Philosophy. Very short Introduction*. Oxford. Oxford Un.Pr., 2017. 152 p.
10. Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. С. 5.
11. Макеева Л.Б. Аналитическая философия как историко-философский феномен // *Философский журнал*. 2019. Т. 12. № 1. С. 130–143.
12. Ледников Е.Е. О достоинствах и недостатках аналитической философии / *Вестник МИТХТ. Серия социальные науки и экология*. 2014. № 1. С. 31–38.
13. Martinich A.P., and D. Sosa (ed.) *Analytic Philosophy: An Anthology*. Oxford. Blackwell Publ. 2001 (1st edition). 526 p.; 2011 (2nd edition). 581 p.
14. Шрамко Я.В. Что такое аналитическая философия? // *Эпистемология и философия науки*. 2007. Т. XI. № 1. С. 87–110.
15. Шохин В.К. Аналитическая философия: некоторые непроторенные пути // *Философский журнал*. 2015. Т. 8. № 2. С. 16–27.
16. Conant J. and Elliott J. *The Norton Anthology of Western Philosophy. After Kant. The Analytic Tradition*: N.Y. W.W. Norton & Company, 2017. 2041 + A163 pp.
17. Bronzo S. On the Idea and Ideology of Analytic Philosophy // доступ по: www.academia.edu.
18. Costreie S. Introduction // Costreie, S. (ed.) *Early Analytic Philosophy – New Perspectives on the Tradition*. Heidelberg, L., N.Y. Springer. 2016. 455 p. Pp. XIII–XVII.
19. Суровцев В.А. Аналитическая философия: всеобщее и нюанс // *Вопросы философии*. 2010. № 8. С. 23–29.
20. Ammerman R. (ed.). *Classics of Analytic Philosophy: Indianapolis*, McGraw-Hill, 1965 (1-st edition); 1990 (2-nd edition). 413 p.
21. Аналитическая философия: Избранные тексты / Сост., вступ. ст. и ком-мент. А.Ф. Грязнова. М.: Изд-во МГУ, 1993. 181 с.
22. Soames S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol. I: The Dawn of Analysis*. Princeton. Princeton Un. Pr. 2003. 411 p. P. XIII.
23. Beaney M. Conceptions of analysis in the early analytic and phenomenological traditions. Some comparisons and relationships // Beaney M. (ed.) *Analytic Turn. Analysis in Early Analytic Philosophy and Phenomenology*. N.Y. Routledge. 2007. 290 p. Pp. 196–216.
24. Коффа А. Семантическая традиция от Канта до Карнапа: к Венскому вокзалу. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2019. – 528 с.
25. Макеева Л.Б. Аналитическая философия, её история и Кант // *Кантовский сборник*. 2013. № 2 (44). С. 56–68.
26. Glock H.-J. *What is Analytic Philosophy?* Cambridge. Cambridge Un.Pr. 2008. 292 p.
27. Glock H.-J. Introduction. What is Analytic Philosophy? / J. for the history of Analytical Philosophy. 2013. Vol. 2. № 2. P. 1.
28. Stroll A. *Twentieth-Century Analytic Philosophy*. New York: Columbia Un. Pr. 2000. 302 p.
29. Hacker Peter M.S. *Analytic Philosophy: What, Whence and Whither* // Biletzki, A. and Matar, A. (eds.) *The Story of Analytic Philosophy: Plot and Heroes*. L. Routledge. 1998. Pp. 3–36.

30. Hylton J. Analysis an Analytic Philosophy // Biletzki, A. and Matar, A. (eds.) The Story of Analytic Philosophy: Plot and Heroes. L. Routledge. 1998. P. 37–55.
31. Naaparanta L. Philosophy and its Recent History: Remarks on What is Analytic Philosophy?, by Hans-Johann Glock // Journal for the History of Analytical Philosophy. 2013. Vol. 2, Number 2. P. 2–5.
32. Pinkock Ch. On Hans-Johann Glock, What is Analytic Philosophy? / Journal for the History of Analytical Philosophy. 2013. Vol. 2. № 2. Pp. 6–10.
33. Вригт Г.Х. фон. Аналитическая философия: историко-критический обзор // Кантовский сборник. 2013. № 1 (43). С. 78–89; № 2 (44). С. 69–82.
34. Raatikainen P. What was Analytic Philosophy? // Journal for the History of Analytical Philosophy. 2013. Vol. 2. № 2. Pp. 11–27.
35. Stenius E. Wittgenstein's Tractatus: A Critical expositions of its main lines of thought. Oxford: Blackwell, 1960. — 241 p.
36. Эдмондс Д., Айдиноу Дж. Кочерга Витгенштейна: история десятиминутного спора между двумя великими философами. М., 2004.
37. Stevens Graham. Analytic Philosophy as Philosophy // Journal for the History of Analytical Philosophy. 2013. Vol. 2. № 2. Pp. 28–34.
38. Васильев В.В. Метафилософия: история и перспективы // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 2. С. 6–18.
39. Glock H.-J. Replies to my Commentators. // Journal for the History of Analytical Philosophy. 2013. Vol. 2. № 2. Pp. 35–41.
40. Джохадзе И.Д. Аналитическая философия сегодня: кризис идентичности // Логос. 2016. Т. 26. № 5. С. 1–15.
41. Скрипник К.Д. Аналитическая философия: вчера кризис идентичности, сегодня — её поиск // Логос. 2018. Т. 28. № 6. С. 224–233.
42. Джохадзе И.Д. История философии как этология. Ответ Константину Скрипнику // Логос. 2018. Т. 28. № 6. С. 234–243.
43. Preston, A. Analytic Philosophy: The History of an Illusion. N.Y.: Continuum, 2007. — 190 p.
44. Hutto D. Review: A.Preston. Analytic Philosophy: The History of an Illusion. L. Continuum, 2007 // Philosophical Investigations. 2010. Vol. 33. Iss. 2. Pp. 187–191.
45. Piercey R. Review: A.Preston. Analytic Philosophy: The History of an Illusion. L. Continuum, 2007 // Philosophy in Review. 2008. Vol. 28. No. 2. Pp. 141–143.
46. Meynell H. Review: Analytic Philosophy: The History of an Illusion, by A. Preston // The Heythrop Journal. 2015. Vol. 56. Issue 6. Pp. 1040–1042.
47. Preston A. Prolegomena to Any Future History of Analytic Philosophy // Metaphilosophy. 2004. Vol. 35. Issue 4. Pp. 445–465.
48. Preston A. Conformism in Analytic Philosophy: On Shaping Philosophical Boundaries and Prejudices // The Monist. 2005. Vol. 88. Issue. 2. Pp. 292–319.
49. Preston A. The Implications of Recent Work on the History of Analytic Philosophy // Bertrand Russell Society Quarterly. 2005. No. 127. Pp. 11–30.
50. Preston A. (ed.). Analytic Philosophy: An Interpretative History. L.: Routledge, 2017. 289 p.
51. Шохин В.К. Что же всё-таки такое аналитическая философия? В защиту и укрепление «ревизионизма» // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 137–148.
52. Целищев В.В. Аналитическая философия и ревизионизм без берегов // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 2. С. 138–155.
53. Шохин В.К. Новый феномен: страсти по аналитической философии // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 4. С. 106–114.
54. Васильев В.В. Что такое аналитическая философия и почему важен этот вопрос? // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 1. С. 144–158.

55. Korhonen A. Review: A. Preston, ed. *Analytic Philosophy: An Interpretive History*. New York: Routledge, 2017. Pp. 289 // HOPOS. The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science. 2018. Vol. 8. No. 1. Pp. 222–226.
56. Davies R. Review: A. Preston, ed. *Analytic Philosophy: An Interpretive History*. N. Y.: Routledge, 2017 // Philosophical Inquiries, 2018. Vol. VI. No. 1. Pp. R181–R185.
57. Tuboly A.T. Review: A. Preston, ed. *Analytic Philosophy: An Interpretive History*. N. Y. Routledge, 2017 // Philosophy in Review. 2018. Vol. 38. No. 1. Pp. 36–38.
58. Kremer M. One of my feet was still pretty firmly encased in this boot: Behaviorism and The Concept of Mind // A. Preston, ed. *Analytic Philosophy: An Interpretive History*. N.Y. Routledge, 2017. Pp. 175–192.
59. Chase J., Reynolds, J. Russell, Ryle, and Phenomenology: an Alternative Parsing of the Ways // Preston A. (ed.) *Analytic Philosophy: an Interpretive History*. N.Y. Routledge. 2017. Pp. 52–69.
60. Блохина Н.А. Аналитическая философия в поисках самоопределения // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 1. С. 159–170.
61. Lapoint S. On the Traditionalist Conjecture // Preston A. (ed.) *Analytic Philosophy: an Interpretive History*. N.Y., L. Routledge. 2017. Pp. 269–287.
62. Journal for the History of Analytic Philosophy. Special Issue «Women in Early Analytic Philosophy». 2017. Vol. 5. No. 2.
63. Woleński J. How to speak about History of Analytic Philosophy // Brożek A. et al. (eds.) *The Significance of the Lvov-Warsaw School in the European Culture*. Vienna Circle Institute Yearbook 21. Springer International Publishing AG. 2017. Pp. 15–27.
64. Brożek A., Stadler F., Woleński J. (eds.) *The Significance of the Lvov-Warsaw School in the European Culture*. Vienna. Springer. 2017. — 353 p.
65. Garrido A., Wybraniec-Skardowska U. (eds.) *The Lvov-Warsaw School. Past and Present*. Cham. Birkhauser. 2018. — 815 p.
66. Katzav J. Analytic philosophy, 1925–1969: emergence, management and nature // British Journal for the History of Philosophy. 2018. Vol. 26. Issue 6. Pp. 1197–1221.
67. Katzav J. & Vaesen K. On the emergence of American analytic philosophy // British Journal for the History of Philosophy, 2017. Vol. 25. Issue 4. Pp. 772–798.
68. Petrovich E., Buonomo V. Reconstructing late analytic philosophy. A quantitative approach // Philosophical Inquiries. 2018. Vol. 6. No. 1. Pp. 149–180.
69. Petrovich E. Forms, Patterns, Structures. Citation Analysis and the History of Analytic Philosophy // Journal of Interdisciplinary History of Ideas. 2018. Vol. 7. No. 13. Pp. 11:1–11:21.
70. Petrovich E. Specialization and Citation Culture in Late Analytic Philosophy. Some Methodological Remarks // доступ по: https://www.academia.edu/34982319/Specialization_and_Citation_Culture_in_Late_Analytic_Philosophy_Some_Methodological_Remarks_-_TILBURG_24_10_2017.
71. Bonino G. and Tripodi P. Introduction // Philosophical Inquiries. 2018. Vol. VI. No.1. Pp. 7–14.
72. Williamson T. *The Philosophy of Philosophy*. Oxford. Blackwell Publ. 2007. — 332 p.

ENGLISH

**Debates in National and Foreign Philosophy on the Foundations,
History and Identity of Analytical Philosophy**

Konstantin Dmitrievich Skripnik – Doctor of Science (Philosophy), Professor, History of Philosophy Department, Southern Federal University, supervisor of the project “Debates in National and Foreign Philosophy on the Foundations, History and Identity of Analytical Philosophy” (19-111-50094).
E-mail: skd53@mail.ru

Facing the problem of self-identification as a true philosophy in the course of its development, analytical philosophy turns to the discussion of its own foundations and history. The objective of the article is to provide a summary of viewpoints and controversies. The author does not distinguish national and foreign philosophers, since their coordinates are more crucial for this matter, even with certain unidirectionality of their judgements. The summary discusses issues of giving a definition to analytical philosophy and its founders. The author focuses on the collection on analytical philosophy published throughout the years, which allows to see how the presentation of the state of analytical philosophy changed with time.

Another topic of the article is the problem of identifying a number of characteristic features of analytical philosophy. The work also criticizes the present suggestions. The author studies the problem of the crisis of analytical philosophy and the illusiveness of its existence. The argument suggests to see the crisis not as a dead end, but as a phenomenon opening new prospects in the development of both the analytical philosophy and the research of its history and methods.

Keywords: analytic philosophy, history, crisis and identity of analytic philosophy

REFERENCES

1. Sluga H. Frege and the Rise of Analytic Philosophy // *Inquiry*, 1975. Vol. 18. Issue 4. Pp. 471–498. P. 472.
2. Sluga H. What has History to Do with Me? Wittgenstein and Analytic Philosophy // *Inquiry*. 1998. Vol. 41. Issue 1. Pp. 99–121. P. 99.
3. Floyd J. Recent Themes in the History of Early Analytic Philosophy // *Journal of the History of Philosophy*. 2009. Vol. 49. No. 2. Pp. 157–200.
4. Ivanov D.V. Retseptsiya analiticheskoy filosofii v Rossii // *Filosofiya nauki i tekhniki*. 2015. T. 20. № 2. S. 106–117 (in Russian).
5. Frost-Arnold G. The Rise of ‘analytic philosophy’: When and how did people begin calling themselves ‘analytic philosophers’? // Lapointe S. & Pincock Ch. (eds.) *Innovations in the History of Analytical Philosophy*. London: Palgrave Macmillan, 2017. Pp. 27–67.
6. Skripnik K.D. Analiticheskaya filosofiya: k voprosu eyo istorii, istoriografii i sovremennykh issledovaniy // *Istoriya filosofii: metodologiya, ponimanie, prepodavanie*. Rostov: Izd-vo YUFU. 2018. S. 53–74 (in Russian).
7. Kolesnikov A.S. Analiticheskaya filosofiya: istoriya i osnovaniya // *Vestnik SPbGU*. Ser. 6. 2014. Vyp. 4. S. 35–42 (in Russian).
8. Beaney M. *The Oxford Handbook of the History of Analytic Philosophy*. Oxford. Oxford Un. Pr., 2013. 1161 p.

9. Beaney M. *Analytic Philosophy. Very short Introduction.* Oxford. Oxford Un. Pr., 2017. 152 p.
10. *Analiticheskaya filosofiya: Stanovlenie i razvitie (antologiya).* M.: Dom intellektual'noy knigi, 1998. S. 5 (in Russian).
11. Makeeva L.B. *Analiticheskaya filosofiya kak istoriko-filosofskiy fenomen // Filosofskiy zhurnal.* 2019. T. 12. № 1. S. 130–143 (in Russian).
12. Lednikov E.E. *O dostoinstvakh i nedostatkakh analiticheskoy filosofii / Vestnik MITKHT. Seriya sotsial'nye nauki i ekologiya.* 2014. № 1. S. 31–38 (in Russian).
13. Martinich A.P., and D. Sosa (ed.) *Analytic Philosophy: An Anthology.* Oxford. Blackwell Publ. 2001 (1st edition). 526 p.; 2011 (2nd edition). 581 p.
14. Shramko Ya.V. *Chto takoe analiticheskaya filosofiya? // Epistemologiya i filosofiya nauki.* 2007. T. XI. № 1. S. 87–110 (in Russian).
15. Shokhin V.K. *Analiticheskaya filosofiya: nekotorye neprotorenyye puti // Filosofskiy zhurnal.* 2015. T. 8. № 2. S. 16–27 (in Russian).
16. Conant J. and Elliott J. *The Norton Anthology of Western Philosophy. After Kant. The Analytic Tradition: N.Y. W.W. Norton & Company, 2017. 2041 + A163 pp.*
17. Bronzo S. *On the Idea and Ideology of Analytic Philosophy // dostup po: www.academia.edu.*
18. Costreie S. *Introduction // Costreie, S. (ed.) Early Analytic Philosophy – New Perspectives on the Tradition. Heidelberg, L., N.Y. Springer. 2016. 455 p. Pp. XIII–XVII.*
19. Surovtsev V.A. *Analiticheskaya filosofiya: vseobshchee i nyuans // Voprosy filosofii.* 2010. № 8. S. 23–29 (in Russian).
20. Ammerman R. (ed.). *Classics of Analytic Philosophy: Indianapolis, McGraw-Hill, 1965 (1st edition); 1990 (2nd edition). 413 p.*
21. *Analiticheskaya filosofiya: Izbrannye teksty / Sost., vstup. st. i komment. A.F. Gryaznova. M.: Izd-vo MGU, 1993. 181 s. (in Russian).*
22. Soames S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol. I: The Dawn of Analysis. Princeton. Princeton Un. Pr. 2003. 411 p. P. XIII.*
23. Beaney M. *Conceptions of analysis in the early analytic and phenomenological traditions. Some comparisons and relationships // Beaney M. (ed.) Analytic Turn. Analysis in Early Analytic Philosophy and Phenomenology. N.Y. Routledge. 2007. 290 p. Pp. 196–216.*
24. Koffa A. *Semanticheskaya traditsiya ot Kanta do Karnapa: k Venskomu vokzalu. M.: Kanon+ROOI «Reabilitatsiya», 2019. – 528 s. (in Russian).*
25. Makeeva L.B. *Analiticheskaya filosofiya, eyo istoriya i Kant // Kantovskiy sbornik.* 2013. № 2 (44). S. 56–68 (in Russian).
26. Glock H.-J. *What is Analytic Philosophy? Cambridge. Cambridge Un.Pr. 2008. 292 p.*
27. Glock H.-J. *Introduction. What is Analytic Philosophy? / J. for the history of Analytical Philosophy. 2013. Vol. 2. № 2. P. 1.*
28. Stroll A. *Twentieth-Century Analytic Philosophy. New York: Columbia Un. Pr. 2000. 302 p.*
29. Hacker Peter M.S. *Analytic Philosophy: What, Whence and Whither // Biletzki, A. and Matar, A. (eds.) The Story of Analytic Philosophy: Plot and Heroes. L. Routledge. 1998. Pp. 3–36.*
30. Hylton J. *Analysis an Analytic Philosophy // Biletzki, A. and Matar, A. (eds.) The Story of Analytic Philosophy: Plot and Heroes. L. Routledge. 1998. P. 37–55.*
31. Haaparanta L. *Philosophy and its Recent History: Remarks on What is Analytic Philosophy?, by Hans-Johann Glock // Journal for the History of Analytical Philosophy. 2013. Vol. 2, Number 2. P. 2–5.*
32. Pinkock Ch. *On Hans-Johann Glock, What is Analytic Philosophy? / Journal for the History of Analytical Philosophy. 2013. Vol. 2. № 2. Pp. 6–10.*
33. Vrigt G.Kh. fon. *Analiticheskaya filosofiya: istoriko-kriticheskiy obzor // Kantovskiy sbornik.* 2013. № 1 (43). S. 78–89; № 2 (44). S. 69–82 (in Russian).

34. Raatikainen P. What was Analytic Philosophy? // Journal for the History of Analytical Philosophy. 2013. Vol. 2. № 2. Pp. 11–27.
35. Stenius E. Wittgenstein's Tractatus: A Critical expositions of its main lines of thought. Oxford: Blackwell, 1960. — 241 p.
36. Edmonds D., Aydinou Dzh. Kocherga Vitgenshteyna: istoriya desyatiminutnogo spora mezhdu dvumya velikimi filosofami. M., 2004 (in Russian).
37. Stevens Graham. Analytic Philosophy as Philosophy // Journal for the History of Analytical Philosophy. 2013. Vol. 2. № 2. Pp. 28–34.
38. Vasil'ev V.V. Metafilosofiya: istoriya i perspektivy // Epistemologiya i filosofiya nauki. 2019. T. 56. № 2. S. 6–18 (in Russian).
39. Glock H.-J. Replies to my Commentators. // Journal for the History of Analytical Philosophy. 2013. Vol. 2. № 2. Pp. 35–41.
40. Dzhokhadze I.D. Analiticheskaya filosofiya segodnya: krizis identichnosti // Logos. 2016. T. 26. № 5. S. 1–15 (in Russian).
41. Skripnik K.D. Analiticheskaya filosofiya: vchera krizis identichnosti, segodnya – eyo poisk // Logos. 2018. T. 28. № 6. S. 224–233 (in Russian).
42. Dzhokhadze I.D. Istoriya filosofii kak etologiya. Otvet Konstantinu Skripniku // Logos. 2018. T. 28. № 6. S. 234–243 (in Russian).
43. Preston, A. Analytic Philosophy: The History of an Illusion. N.Y.: Continuum, 2007. — 190 p.
44. Hutto D. Review: A.Preston. Analytic Philosophy: The History of an Illusion. L. Continuum, 2007 // Philosophical Investigations. 2010. Vol. 33. Iss. 2. Pp. 187–191.
45. Piercey R. Review: A. Preston. Analytic Philosophy: The History of an Illusion. L. Continuum, 2007 // Philosophy in Review. 2008. Vol. 28. No. 2. Pp. 141–143.
46. Meynell H. Review: Analytic Philosophy: The History of an Illusion, by A. Preston // The Heythrop Journal. 2015. Vol. 56. Issue 6. Pp. 1040–1042.
47. Preston A. Prolegomena to Any Future History of Analytic Philosophy // Metaphilosophy. 2004. Vol. 35. Issue 4. Pp. 445–465.
48. Preston A. Conformism in Analytic Philosophy: On Shaping Philosophical Boundaries and Prejudices // The Monist. 2005. Vol. 88. Issue. 2. Pp. 292–319.
49. Preston A. The Implications of Recent Work on the History of Analytic Philosophy // Bertrand Russell Society Quarterly. 2005. No. 127. Pp. 11–30.
50. Preston A. (ed.). Analytic Philosophy: An Interpretative History. L.: Routledge, 2017. 289 p.
51. Shokhin V.K. Chto zhe vsyo-taki takoe analiticheskaya filosofiya? V zashchitu i ukreplenie «revizionizma» // Voprosy filosofii. 2013. № 11. S. 137–148 (in Russian).
52. Tselishchev V.V. Analiticheskaya filosofiya i revizionizm bez beregov // Filosofskiy zhurnal. 2018. T. 11. № 2. S. 138–155 (in Russian).
53. Shokhin V.K. Novyy fenomen: strasti po analiticheskoy filosofii // Filosofskiy zhurnal. 2018. T. 11. № 4. S. 106–114 (in Russian).
54. Vasil'ev V.V. Chto takoe analiticheskaya filosofiya i pochemu vazhen etot vopros? // Filosofskiy zhurnal. 2019. T. 12. № 1. S. 144–158 (in Russian).
55. Korhonen A. Review: A. Preston, ed. Analytic Philosophy: An Interpretive History. New York: Routledge, 2017. Pp. 289 // HOPOS. The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science. 2018. Vol. 8. No. 1. Pp. 222–226.
56. Davies R. Review: A. Preston, ed. Analytic Philosophy: An Interpretive History. N.Y.: Routledge, 2017 // Philosophical Inquiries, 2018. Vol. VI. No. 1. Pp. R181–R185.
57. Tuboly A.T. Review: A. Preston, ed. Analytic Philosophy: An Interpretive History. N.Y. Routledge, 2017 // Philosophy in Review. 2018. Vol. 38. No. 1. Pp. 36–38.
58. Kremer M. One of my feet was still pretty firmly encased in this boot: Behaviorism and The Concept of Mind // A. Preston, ed. Analytic Philosophy: An Interpretive History. N.Y. Routledge, 2017. Pp. 175–192.

59. Chase J., Reynolds, J. Russell, Ryle, and Phenomenology: an Alternative Parsing of the Ways // Preston A. (ed.) Analytic Philosophy: an Interpretive History. N.Y. Routledge. 2017. Pp. 52–69.
60. Blokhina N.A. Analiticheskaya filosofiya v poiskakh samoopredeleniya // Filosofskiy zhurnal. 2019. T. 12. № 1. S. 159–170 (in Russian).
61. Lapoint S. On the Traditionalist Conjecture // Preston A. (ed.) Analytic Philosophy: an Interpretive History. N.Y., L. Routledge. 2017. Pp. 269–287.
62. Journal for the History of Analytic Philosophy. Special Issue «Women in Early Analytic Philosophy». 2017. Vol. 5. No. 2.
63. Woleński J. How to speak about History of Analytic Philosophy // Brożek A. et al. (eds.) The Significance of the Lvov-Warsaw School in the European Culture. Vienna Circle Institute Yearbook 21. Springer International Publishing AG. 2017. Pp. 15–27.
64. Brożek A., Stadler F., Woleński J. (eds.) The Significance of the Lvov-Warsaw School in the European Culture. Vienna. Springer. 2017. — 353 p.
65. Garrido A., Wybraniec-Skardowska U. (eds.) The Lvov-Warsaw School. Past and Present. Cham. Birkhauser. 2018. — 815 p.
66. Katzav J. Analytic philosophy, 1925–1969: emergence, management and nature // British Journal for the History of Philosophy. 2018. Vol. 26. Issue 6. Pp. 1197–1221.
67. Katzav J. & Vaesen K. On the emergence of American analytic philosophy // British Journal for the History of Philosophy, 2017. Vol. 25. Issue 4. Pp. 772–798.
68. Petrovich E., Buonomo V. Reconstructing late analytic philosophy. A quantitative approach // Philosophical Inquiries. 2018. Vol. 6. No. 1. Pp. 149–180.
69. Petrovich E. Forms, Patterns, Structures. Citation Analysis and the History of Analytic Philosophy // Journal of Interdisciplinary History of Ideas. 2018. Vol. 7. No. 13. Pp. 11:1–11:21.
70. Petrovich E. Specialization and Citation Culture in Late Analytic Philosophy. Some Methodological Remarks // dostup po: https://www.academia.edu/34982319/Specialization_and_Citation_Culture_in_Late_Analytic_Philosophy_Some_Methodological_Remarks_-_TILBURG_24_10_2017.
71. Bonino G. and Tripodi P. Introduction // Philosophical Inquiries. 2018. Vol. VI. No.1. Pp. 7–14.
72. Williamson T. The Philosophy of Philosophy. Oxford. Blackwell Publ. 2007. — 332 p.

УДК 34.025, 341.22

ГРНТИ 10.09.01

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-099-02-85-96

**А.А. ДОРСКАЯ,
А.Ю. ДОРСКИЙ***

Историческая память как объект международно-правового и национального регулирования

В статье на основании теорий коллективной памяти и социальной травмы, разработанных социологами, рассматриваются правовые аспекты современного отношения к истории вообще и к исторической памяти в частности. Выделяются современные универсальные, региональные и национальные социальные травмы, которые могут предотвращаться или преодолеваться с помощью правовых инструментов. Раскрываются значения таких понятий, как «официальная политика памяти» и «мемориальные законы». Показано, что, в отличие от национального законодательства, содержащего оценочные суждения в отношении событий прошлого, международное право во многом играет роль сдерживающего начала в отношении пересмотра решений Нюрнбергского трибунала, установления определённых пределов в интерпретации исторических фактов, нарастания конфликтов на почве различных оценок исторического наследия. Кроме того, с помощью международно-правовых институтов закрепляются позиции государств, касающиеся вопросов истории.

Ключевые слова: теория коллективной памяти, теория социальной травмы, нормы международного права, национальное законодательство, официальная политика памяти, мемориальное законодательство

Влияние достижений социологии на процесс современного осмысления исторических событий

Обострившиеся в конце XX в. межгосударственные противоречия привели к тому, что начался пересмотр многих сложившихся положений, оценок в от-

ношении исторических событий. Произошла всемирная актуализация истории, оказавшая серьёзное влияние на историческую науку и обыденное понимание исторического процесса.

Не последнюю роль в развитии данного явления сыграли достижения со-

* **Дорская Александра Андреевна** — доктор юридических наук, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, руководитель проекта «Правовой фактор в динамике социальной травмы: российский опыт» (18-011-01233а).

E-mail: adorskaya@yandex.ru

Дорский Андрей Юрьевич — доктор философских наук, профессор кафедры рекламы, и.о. заведующего кафедрой менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, исполнитель того же проекта.

E-mail: dorski@yandex.ru

циологической науки, в частности разработанные теории коллективной памяти и социальной травмы.

Одним из основоположников первой теории был Морис Хальбвакс (1877–1945) – французский социолог, ученик Э. Дюркгейма. В своих работах он отстаивал идею, что общество должно заниматься не фиксацией определённых воспоминаний о событиях прошлого, а формировать коллективную память через конструирование социокультурного пространства [1].

В связи с этим встаёт вопрос о соотношении истории и памяти. Исследователи полагают, что можно выделить три этапа:

- ◆ до XIX в., когда исторические события описывались с высокой степенью мифологизации и героизации, а историописание определялось как «припоминание»;
- ◆ XIX в. – до 70-х гг. XX в.: память и история были чётко разделены, история стала научной дисциплиной с позитивистским уклоном, историческое описание приняло объективистский характер;
- ◆ с 70-х гг. XX в. – историческая наука и память как бы воссоединились, огромное значение приобрела мемуарная литература, в которой каждый автор описывал «свою» историю, что привело к глубокому кризису национальных историй и возникновению так называемой множественной памяти [2, с. 123].

Теория коллективной памяти дала толчок для развития теории социальной травмы, наиболее выдающимися представителями которой являются американский социолог Джеффри Александер (род. 1947) и польский социолог Петр Штомпка (род. 1944). Они определили такие характеристики социальных травм, как приписывание обществом какому-то историческому событию – причём как реальному, так и вымышленному – статуса «страшного», «парализа настоящего», не позволяющего доверять миру и двигаться вперёд, конфликта культурных ценностей и смыслов

социальной реальности, необходимости временной отдалённости от осмысляемых обществом событий (наличие латентного периода при возникновении социальной травмы) и т.д. [3, с. 18; 4, с. 8].

Юридическое понимание социальных травм и их классификация

Применение данной теории к правовому материалу позволяет предложить юридическое определение социальной травмы, под которой понимается отражённое в правовых документах историческое событие, последствия которого должны быть преодолены и повторение которого должно быть заблокировано с помощью правовых средств.

Современные социальные травмы могут быть разделены на три группы: общемировые, региональные и национальные.

Если говорить об общемировых социальных травмах, то следует выделить следующие.

Во-первых, процессы глобализации и глокализации. Первый процесс задал новый универсальный вектор развития, что существенным образом отразилось на взаимоотношениях государств [5, с. 120]. К глобализации оказались не готовы многие страны и народы. Второй процесс нашёл своё отражение в создании международных интеграционных организаций, развитие которых стало разрушать сложившиеся представления об идентичности, самоидентификации, что, в свою очередь, привело к росту нетерпимости, национализма, сектантства и других подобных явлений.

Глобализация и глокализация породили массовую миграцию населения, размеры которой оказались неожиданными для многих стран и народов. По оценкам ООН, число международных мигрантов в 2017 г. достигло почти 258 млн человек против 173 млн – в 2000 г. и 153 млн – в 1990 г. [6].

Как отмечает О.Г. Богородская, в настоящее время чётко выделяются пять основных потоков международной мигра-

ции [7]. Первый — из развивающихся государств в более развитые страны (например, из Мексики в США). Второй — между государствами с примерно одинаковым уровнем развития или имеющими значительный период совместного проживания народов в рамках одного государства (бывшие республики Советского Союза). Третий — между странами, обладающими статусом «развивающихся» (в основном, миграционные потоки между странами Африканского континента). Четвёртый — из постсоциалистических стран в страны Западной Европы и США (к примеру, страны СНГ). Пятый — обратная миграция из развитых стран в развивающиеся, что наиболее характерно для научных работников, исследователей и т.д. (из Европы в Африку или Южную Азию).

В результате возникло множество проблем с экономической и культурной точек зрения, а иногда и с политической, а постоянный приток людей, являющихся носителями другой культуры, оказывает серьёзное травмирующее воздействие на общества многих стран мира.

Во-вторых, международный терроризм, который отнимает у каждого человека, народов и мирового сообщества в целом чувство защищённости [8, с. 57].

В-третьих, существующее мироустройство, которое сложилось после Второй мировой войны и не устраивает на современном этапе многие страны и народы, которые считают, что мир существенно изменился.

Любые проекты реформирования ООН вызывают неприятие в тех или иных государствах, которые пытаются отстаивать своё место на международной арене. В частности, предлагаемые варианты реформы Совета Безопасности ООН практически сразу наталкиваются на резкое отрицание их со стороны стран, занимающих противоположную точку зрения.

Региональные социальные травмы очень различны.

Для европейских народов до сих пор травматичными являются события Вто-

рой мировой войны. Однако стадии переживания исторических событий данного периода разные. Например, для граждан Российской Федерации и многих других республик бывшего Советского Союза эта война, как и раньше, является Великой Отечественной, ассоциирующейся с подвигом предков, защитивших свою страну и народы Европы от нацизма. Но, к примеру, для определённой части польского населения Вторая мировая война воспринимается как сговор тоталитарных лидеров, заключивших секретные проколы к пакту о ненападении от 23 августа 1939 г., как период потери своей государственности, как события, которые привели к насаждённому социалистическому этапу в истории страны и т.д.

Ещё одной социальной травмой, переживаемой прежде всего европейскими народами, являются процессы, связанные с распадом социалистической системы. В частности, распались три национальные федерации. Причём в дальнейшем между вновь созданными государствами и проживающими в них народами установились разные отношения. «Развод» Чехии и Словакии прошёл мирно, и народы сохранили добрососедские отношения, а сейчас входят в Европейский Союз. Между государствами и народами бывшего СССР либо сохранилось понимание некоей экономической и культурной общности, о чём свидетельствует развитие Евразийского экономического союза, либо произошёл разрыв сложившихся веками политических, экономических, культурных и даже личных связей. На территории бывшей Югославии вообще развернулись боевые действия. Последствия таких разрушительных процессов не преодолены до сих пор. Именно поэтому формирование национальной идентичности народов, имеющих молодую государственность, проходит достаточно болезненно.

Для народов Африки и Австралии к социальным травмам относится переживание колониального периода своей истории.

Колониальная система распалась ещё в 50–70-е гг. XX в., однако до сих пор во многих странах колониальное прошлое является травмирующим. Так, в Австралии для начала развернулась борьба с памятниками Джеймсу Куку. Общественные деятели, происходящие от аборигенов, стали оспаривать его роль как открывателя материка [9]. Затем был облит краской памятник Роберту Берку и Уильяму Уиллсу, которые первыми с юга на север пересекли континент.

Показательными с точки зрения переживания колониального прошлого как социальной травмы являются попытки выхода ЮАР и Бурунди из-под юрисдикции Международного уголовного суда (МУС). Это означает, что государства готовы пожертвовать своим участием в международных организациях и международных судах ради поддержания принципа африканского единства, ставшего основой для преодоления последствий колониального периода и колониального мышления африканских народов. Поводом послужил приезд на саммит в ЮАР действующего на тот момент Президента Судана Омара аль-Башира, против которого Международный уголовный суд ещё в 2008 г. возбудил дело из-за событий в Дарфуре. ЮАР отказалась исполнить решение МУС об аресте главы другого африканского государства и заявила о выходе из-под юрисдикции Международного уголовного суда. Данный процесс впоследствии был приостановлен, но чётко показал существующие установки и приоритеты.

На национальном уровне переживают собственные социальные травмы. Они могут быть вызваны тремя основными причинами.

Первая причина – наличие в национальной истории фактов, вызывающих чувство вины.

Германский народ не только признал совершённые в нацистский период преступления, принял за них ответственность, но и оценил свою историю 1933–1945 гг. как трагедию немцев и других

народов. Лейтмотивом проводимой мемориальной политики стало создание условий, чтобы подобное больше никогда не могло повториться. В 1945–1946 гг. состоялся Международный Военный Трибунал в Нюрнберге, осудивший главных нацистских военных преступников; были запрещены и ликвидированы нацистские организации, признанные преступными, такие, например, как СС. Около 400 000 нацистских преступников было ликвидировано в советской зоне оккупации, в западной зоне – около 3 600 000 [10, с. 172–173]. Германия должна выплатить репарации в размере 20 млрд долларов.

Процесс преодоления нацистского периода истории продолжился в Германии в конце XX – начале XXI в.

8 мая 1985 г. во время празднования 40-летия капитуляции фашистской Германии Президент ФРГ Р. фон-Вайцзекер (1929–2015) назвал этот день «днём освобождения». Несмотря на то, что на президентство данного политика пришлось объединение Германии, именно это событие считается одной из его главных заслуг [11].

В сентябре 1994 г. в Уголовном кодексе появился § 86а, запрещающий использовать нацистскую символику, лозунги, гимны и атрибутику [12]. От 3 до 6 лет лишения свободы было установлено за клевету в отношении еврейского и других народов, пострадавших в годы Второй мировой войны. Предписывалось подробно освещать нацистский период в исторических книгах, чтобы показывать совершённые злодеяния и пытаться предотвратить развитие неонацистских движений.

Новый этап ознаменовался принятием в ФРГ в 2000 г. закона о создании фонда «Память, ответственность и будущее». Его задачей стал сбор средств для выплат гражданам других стран, насильственно угнанным в Германию в годы Второй мировой войны. Было собрано 4,54 млрд евро, из них 443,7 млн евро были выплачены российским гражданам [13, с. 7].

О значении социальной травмы немецкого народа, связанной с нацистским периодом истории, свидетельствует работа, направленная на предотвращение и пресечение новых международных преступлений. 11 декабря 2000 г. ФРГ ратифицировала Римский статут Международного уголовного суда, в котором содержатся современное понимание и классификация международных преступлений. В связи с тем, что для вступления Статута в силу требовалось набрать 60 ратификаций государств, было важно, насколько быстро страны будут это делать. Германия стала 25-м государством, продемонстрировав свою готовность предотвращать и пресекать международные преступления. Однако ещё во время подписания Римского статута 9 декабря 1998 г. Правительство ФРГ сделало заявление о важности процесса адаптации немецкого уголовного права к нормам международного уголовного права и международного гуманитарного права. В результате 30 июня 2002 г. в Германии вступил в силу Кодекс преступлений против международного права. Таким образом, деятельность Правительства Германии направлена не только на переживание исторического прошлого, но и на создание условий и механизмов, при которых преступления нацистского периода не могли бы повториться.

Однако чувство вины за некоторые факты времён Второй мировой войны стало основой для возникновения социальной травмы и у других народов, например французского.

После ухода в отставку 28 апреля 1968 г. Президента Французской Республики, а 9 ноября 1970 г. — смерти Шарля Андре Жозеф Мари де Голля, который символизировал Францию, объединившуюся в движении Сопrotивления немецким захватчикам, началось переосмысление данного этапа французской истории.

В 1969 г. М.Офюльс снял фильм «Печаль и жалость», показавший среднего француза времён оккупации более склонным

к вынужденному сосуществованию, чем к сопротивлению. Однако увидеть этот фильм большинство французов не смогли, так как Президент Ж.Помпиду запретил его показ по телевидению, а оба существовавших в то время телеканала были государственными.

В 1973 г. под названием «Франция Виши» был издан перевод книги американского историка Роберта Пакстона «Франция Виши: старая гвардия и новый порядок». Таким образом, французы открывали свою альтернативную историю — историю коллаборационизма и преступлений. Массовый интерес к ней оказался настолько велик, что перевод книги Р.Пакстона был переиздан уже в следующем году и продавался по цене вдвое меньшей, чем в 1973. На этом фоне президент Франции В.-Ж. д'Эстен предпринял попытку успокоить нацию: в своём новогоднем телеобращении в 1977 г. он назвал память о войне «ревматическими болями истории», т.е. предложил придать социальную травму забвению. Однако эта идея потерпела крах.

В 1978 г. был основан Институт истории настоящего времени, в 1979 г. принят закон, открывающий доступ к архивам через 30 лет.

В то же время была совершена ещё одна попытка преодоления травмы, которая получила широкую известность: профессор Робер Фориссон выступил с утверждением, что геноцид евреев при нацизме — не более чем сионистский миф. Полемика вокруг работ Фориссона и стала причиной принятия Закона № 90-615 от 13 июля 1990 г. «О пресечении любых расистских, антисемитских или ксенофобных действий», получившего неофициальное название «Закона Гейссо» (по имени своего инициатора — коммуниста Жана-Клода Гейссо).

Вторая причина переживания национальной травмы — попытка построения новой государственности. В этом случае возможно два подхода: либо государственная идеология строится на позитив-

ном ощущении, что для народа начался новый этап его истории; либо основой становится отрицание прошлого или придание ему крайне негативной характеристики.

Примером первого подхода является «бархатный развод» Чехии и Словакии в 1992–1993 гг., когда оба вновь созданных государства стали правопреемниками Чехословацкой Федеративной Республики в отношении международных договоров, заключили Соглашение о добрососедстве, дружественных отношениях и кооперации [14, с. 184].

Второй подход демонстрируют многие республики бывшего Советского Союза. Так, Г.В. Касьянов, представляющий Институт истории Украины Национальной академии наук Украины, проанализировал серию законов этой страны, посвящённых историческим событиям советского периода, начиная с закона «Об увековечении Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» 2000 г., действовавшего в течение 15 лет и сменившегося в 2015 г. новым законом, в котором формулировка «Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» была заменена на «Победу над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 гг.», и заканчивая законом 2006 г. «О Голодоморе 1932–1933 годов в Украине» и четырьмя мемориальными законами 2015 г.: «О правовом статусе и чествовании памяти борцов за независимость Украины в XX столетии», «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрещении пропаганды их символики» и т.д. Исследователь сделал вывод, что эти украинские законы можно истолковывать как результат желания правящего класса следовать европейским практикам, однако в условиях отсутствия традиции плюрализма это ведёт к диктату бюрократии и победе единственно «правильного» представления о прошлом, что не вполне соответствует ценностям современного общества [15, с. 48].

В Грузии, Эстонии, Латвии и Литве в актах о восстановлении независимости в отношении недавнего прошлого был закреплён термин «советская оккупация», а в указе Президента Азербайджанской Республики Г. Алиева от 26 марта 1998 г. — «геноцид азербайджанцев» [16, с. 74].

Третья причина — культивирование социальной травмы как основа государственной идеологии. Из современных примеров можно привести официальную позицию польского правительства в отношении событий 1939–1945 гг.

Так, 23 сентября 2009 г. Сейм Польши принял резолюцию, в которой Советский Союз был охарактеризован как один из виновников развязывания Второй мировой войны, наряду с гитлеровской Германией. Таким образом, начался пересмотр оценки исторических событий, которые были даны на Нюрнбергском трибунале. Эта линия последовательно проводится даже несмотря на то, что сама Польша накануне Второй мировой войны участвовала в разделе Чехословакии, так как 2 октября 1938 г. польские войска вступили на территорию Чехословакии и заняли Тешенскую область.

28 сентября 2015 г., выступая на юбилейной 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Президент Польши А. Дуда фактически поставил знак равенства между нападением фашистской Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. и вводом советских войск на территорию Польши по линии Керзона 17 сентября 1939 г., назвав его «атакой СССР на Польшу». Это свидетельствует о том, что для Польши Вторая мировая война является травмирующим событием, которое до сих пор определяет внутреннюю и внешнюю политику страны, т.е. напрямую влияет на современность.

При этом власти Польши очень болезненно относятся к событиям, которые с 2014 г. происходят на Украине. Ещё в 1998 г. в Польше был создан Институт национальной памяти, занимающийся в основном архивной и научно-исследо-

вательской деятельностью. Его главной функцией стало расследование преступлений по отношению к польским гражданам, а также осуществление люстрационных процедур с 1944 до 1990 гг. Однако на современном этапе последовали изменения: 26 января 2018 г. Сейм Польши принял пакет поправок в закон об Институте национальной памяти, которые предусматривают уголовную ответственность (штраф или лишение свободы сроком до трёх лет) за публичные обвинения Польши в преступлениях, совершённых во время Холокоста, название концлагерей в Освенциме или Майданеке «польскими», пропаганду бандеровской идеологии.

Описанные процессы возникновения социальных травм являются очень сложными. Так, современные исследователи отмечают, что параллельно наблюдается обратный процесс. «У современного человека, — пишет А.М. Олешкова, — изменился порог ужаса» [17, с. 35]. Это связано с гигантскими потоками информации, которую пронизывают жизнь каждого человека и общества в целом, с виртуализацией отношений и другими причинами.

Таким образом, многие вопросы жизни современного общества являются травмирующими. Есть процессы, затрагивающие все регионы и людей всех культур, однако большинство касаются региональных или внутригосударственных проблем.

Такая актуализация привела к развитию в юриспруденции таких понятий, как официальная политика памяти и мемориальное законодательство.

Официальная политика памяти и её отражение в мемориальном законодательстве

Официальная политика памяти известна с древних времён и сначала была тесно связана с каноническим подтекстом. Например, канонизация невинно убитых князей, царей, построение религиозных зданий в честь военных побед, учрежде-

ние орденов, медалей использовались властью на разных этапах исторического развития.

Данное явление актуализировалось во второй половине XX в. Считается, что огромную роль в этом процессе сыграл бывший канцлер Германии Гельмут Коль, когда начал проводить политику формирования немецкого патриотизма в позитивном плане.

На современном этапе можно выделить три уровня официальной политики памяти.

Первый — международный. Так, на основе Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 60/7 от 1 ноября 2005 г. была разработана Программа просветительской деятельности «Холокост и ООН», поощряющая разработку государствами-членами образовательных проектов [18]. 27 января было провозглашено Днём памяти жертв Холокоста. В 2007 г. принята Резолюция, осуждающая отрицание Холокоста, за которую проголосовало 102 государства из 192.

Второй — наднациональный, который можно рассмотреть на примере официальной политики памяти Европейского Союза. Перед данной международной интеграционной организацией встала нелёгкая задача написания общеевропейской истории, тогда как большую часть времени многие государства постоянно воевали между собой, имеют спорные территории, в XX в. были разделены принадлежностью к капиталистическому или социалистическому лагерю и т.д. Эта политика проводится уже около четверти века, и пока принимаемые меры идут по нарастающей. Так, в 1996 г. Директива ЕС обязала страны-участницы ввести уголовную ответственность за публичное оправдание преступлений, осуждённых Нюрнбергским трибуналом. В 2008 г. Совет Евросоюза принял Рамочное решение «О борьбе с отдельными формами и проявлениями расизма и ксенофобии посредством уголовного права» В 2019 г. появилась Резолюция Европарламента «О важности сохранения исторической

памяти для будущего Европы», в которой содержится призыв осудить преступления сталинизма, поскольку за преступления нацизма наказание уже было осуществлено. Таким образом, попытки создания общеевропейской истории во многом строятся на объединении против общего врага.

Третий – внутригосударственный. В правовой жизни многих государств, прежде всего европейских, с 1990-х гг. появился такой тип законов, как мемориальные законы. Их классификацию можно представить с помощью рисунка.

Возникновение мемориального законодательства обычно связывают с принятием уже упоминавшегося «Закона Гейссо» во Франции. Затем подобные законы стали приниматься в других странах, число которых в настоящее время превышает два десятка. Неоднозначность данного процесса привела к тому,

что в зависимости от отношения к мемориальному законодательству выделяются три группы стран: считающие неприемлемым законодательное закрепление отношения к прошлому (США); принявшие мемориальные законы, которые не стали действующими, так как были признаны не соответствующими Конституции (Испания); принявшие мемориальные законы и выступающие за их дальнейшее развитие (Австрия, Бельгия, Венгрия, Германия, Израиль, Канада, Литва, Лихтенштейн, Люксембург, Польша, Португалия, Словакия, Словения, Чехия, Швейцария и др.).

Международно-правовой уровень регулирования отношения к историческим событиям во многом имеет преимущества по сравнению с наднациональным и внутригосударственным.

Во-первых, международное право является определённым сдерживающим

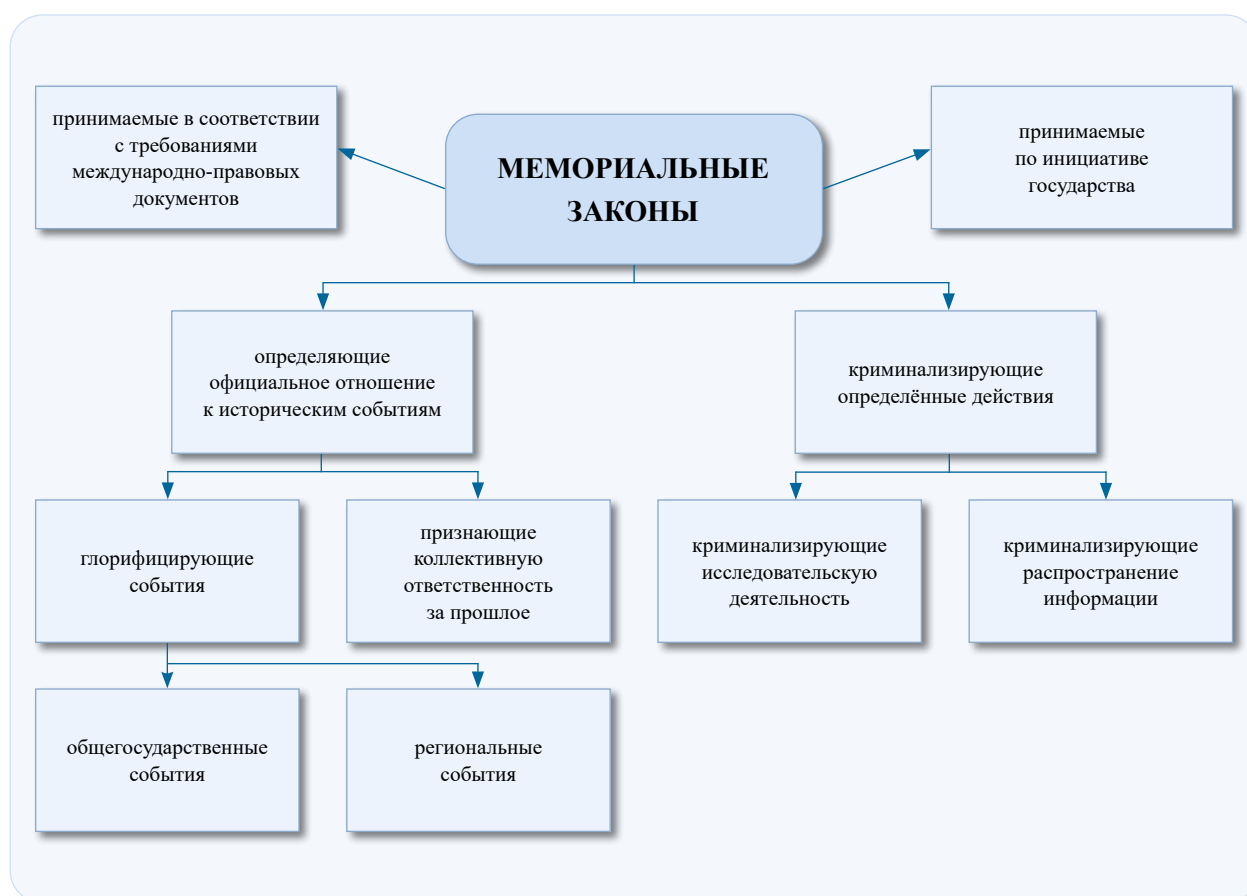

Рис. Виды мемориальных законов

началом для развития мемориального законодательства, критерием его соответствия универсальной системе прав человека. Нормативно-правовые оценки событий прошлого не могут быть эффективными по отношению ко всему историческому материалу, так как способны породить новое противостояние.

Во-вторых, на современном этапе существует необходимый международно-правовой механизм, позволяющий разрешать возникающие или разрастающиеся конфликты относительно событий прошлого и их оценки. Например, об этом свидетельствует обращение Р.Форриссо-на в Европейский Суд по правам человека и Комитет по правам человека ООН. Международно-правовые нормы позволяют как подавать жалобы в международные органы, так и получать на них ответ, основывающийся на консенсусе различных стран.

В-третьих, принятие новых документов, затрагивающих исторический материал, основано на согласованной воле всех сторон или большинства из них. Так, 16 ноября 2017 г. Третий комитет Генеральной Ассамблеи ООН принял российский вариант резолюции о борьбе с героизацией нацизма, неонацизма и другими видами дискриминационных практик. Из 193 государств «за» проголосовало 125.

В-четвёртых, система ООН позволяет принимать от государств документы различной природы, отражающие принци-

пиальную позицию той или иной страны по вопросу оценки конкретного исторического события. Например, в 2015 г. Генеральному секретарю ООН была передана Всеармянская декларация, содержащая призыв помнить о невинных жертвах массового уничтожения армян в Османской империи в годы Первой мировой войны и призывающая Турцию осудить геноцид армян. Тем самым Республика Армения пытается перевести проблему на международно-правовой уровень.

Таким образом, историческая память на современном этапе стала объектом правового регулирования на международном, наднациональном и внутригосударственном уровнях в силу актуализации исторического материала и даже наблюдающихся «войн памяти». Протекающие в разных странах процессы имеют разную природу: обоснование посредством истории возникновения новой государственности и трудностей в её построении, переживание чувства вины за события прошлого, необходимость нахождения «общего знаменателя» в рамках международной интеграционной организации и т.д. Именно поэтому международное право играет в данном процессе особую роль, оценивая наднациональные и внутригосударственные правовые нормы с точки зрения сложившихся международно-правовых стандартов защиты прав человека, недопущения возникновения новых социальных травм и поддержания всеобщего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.
2. Николаенко Г.А., Евсикова Е.В. Новая концепция памяти: от М. Хальбвакса до А. Ассман // Культурная память и культурная идентичность: Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых учёных (XI Колосницынские чтения). Екатеринбург: УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. С. 122–126.
3. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 18.
4. Штомпка П. Социальные изменения как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 8.

5. Пашенцев Д.А. Права человека в условиях глобализации // Право и политика: теоретические и практические проблемы / Отв. ред. Н.Н. Кулешова. Рязань: Концепция, 2017. С. 120–122.
6. Щербакова Е. ДемоскопWeekly, 2017. 753–754 URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0753/barom01.php> (дата обращения: 13.02.2020).
7. Богородская О.Г. Оценка процесса международной миграции населения URL: https://srtv.gks.ru/storage/mediabank/%D0%91%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%9C%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf (дата обращения: 13.02.2020).
8. Матчанова З.Ш. Террористический акт как социальная травма: криминологический анализ // Вестник Московского городского педагогического университета, серия: Юридические науки. 2018. 3 (31). С. 56.
9. Вести.Ru (<https://www.vesti.ru/doc.html?id=2924936>).
10. Нань Х. Разница в подходах к истории Второй мировой войны в Германии и Японии // Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне. М.: Ин-тут Дальнего Востока РАН, 2015. С. 171–177.
11. Российская газета. 2015. 31 января (<https://rg.ru/2015/01/31/prezident-site.html>).
12. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии (в ред. от 13 ноября 1998 г. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subID=100102942,100102944,100103613,100103645,100103663#text> (дата обращения: 13.02.2020).
13. Филитов А.М. Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. 11 (44). С. 7.
14. Маккова Д. Некоторые правовые аспекты распада бывшей Чехословакии // Социальные и гуманитарные науки, отечественная и зарубежная литература. Серия 4. 2009. 1. С. 182.
15. Касьянов Г.В. «Историческая политика и “мемориальные” законы в Украине: начало XXI в.» // Историческая экспертиза. 2016. 2. С. 28.
16. Орлова И.Б. Историческое знание как предмет социологического анализа (феноменологический аспект) // Социологические исследования. 2017. 9 (400). С. 66.
17. Олешкова А.М. Травма социальных изменений как неосознанное удовольствие // Система ценностей современного общества. 2014. 35. С. 32.
18. Официальный сайт Организации Объединённых Наций URL: <https://www.un.org/ru/holocaustremembrance/bg.shtml> (дата обращения: 13.02.2019).

ENGLISH

Historical Memory as the Object of International Law and National Regulations

Aleksandra Andreevna Dorskaya – Doctor of Law, Head of the International Law Department, Herzen State Pedagogical University of Russia, supervisor of the project “Legal Factor in the Dynamics of Social Trauma: Experience of Russia” (18-011-01233a).

E-mail: adorskaya@yandex.ru

Andrei Yurievich Dorskiy – Doctor of Science (Philosophy), Professor at the Publicity Department, acting Head of the Department of Public Communication Management, St. Petersburg State University, researcher in mentioned project.

E-mail: dorski@yandex.ru

Based on the theories of collective memory and social trauma developed by sociologists, the article studies legal aspects of the modern attitude towards history in general and historical memory in particular. The science distinguishes modern general, regional and national social

traumas that can be prevented or overcome through legal tools. The authors explain such notions as “official memory policy” and “memorial laws”. It is demonstrated that unlike national legislation that contains judgments regarding events of the past, international law largely acts as a deterrent in respect to revision of the Nuremberg Trial, setting certain limits to the interpretation of historical facts and escalation of conflicts based on various assessments of historical heritage. Moreover, the standpoints of countries regarding the history issues are consolidated by the international legal institutions.

Keywords: collective memory theory, social trauma theory, norms of international law, national legislation, official policy of memory, memorial legislation

REFERENCES

1. Khal'bvaks M. Sotsial'nye ramki pamyati. M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. (in Russian).
2. Nikolaenko G.A., Evsikova E.V. Novaya kontsepsiya pamyati: ot M. Khal'bvaksa do A. Assman // Kul'turnaya pamyat' i kul'turnaya identichnost': Materialy Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii molodykh uchyonykh (XI Kolosnitsynskie chteniya). Ekaterinburg: UrFU im. pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina, 2016. S. 122–126 (in Russian).
3. Aleksander Dzh. Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' // Sotsiologicheskiy zhurnal. 2012. № 3. S. 18 (in Russian).
4. Shtompka P. Sotsial'nye izmeneniya kak travma // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2001. № 1. S. 8 (in Russian).
5. Pashentsev D.A. Prava cheloveka v usloviyakh globalizatsii // Pravo i politika: teoreticheskie i prakticheskie problemy / Otv. red. N.N. Kuleshchova. Ryazan': Kontsepsiya, 2017. S. 120–122 (in Russian).
6. Shcherbakova E. DemoskopWeekly, 2017. 753–754 URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0753/barom01.php> (data obrashcheniya: 13.02.2020).
7. Bogorodskaya O.G. Otsenka protsessa mezhdunarodnoy migratsii naseleniya URL: https://srtv.gks.ru/storage/mediabank/%D0%91%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%9C%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf (data obrashcheniya: 13.02.2020).
8. Matchanova Z.Sh. Terroristicheskiy akt kak sotsial'naya travma: kriminologicheskiy analiz // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta, seriya: Yuridicheskie nauki. 2018. 3 (31). S. 56 (in Russian).
9. Vesti.Ru (<https://www.vesti.ru/doc.html?id=2924936>) (in Russian).
10. Nan' Kh. Raznitsa v podkhodakh k istorii Vtoroy mirovoy voyny v Germanii i Yaponii // Rol' SSSR i Kitaya v dostizhenii pobedy nad fashizmom i yaponskim militarizmom vo Vtoroy mirovoy voyne. M.: In-tut Dal'nego Vostoka RAN, 2015. S. 171–177 (in Russian).
11. Rossiyskaya gazeta. 2015. 31 yanvarya (<https://rg.ru/2015/01/31/prezident-site.html>) (in Russian).
12. Ugolovnyy kodeks Federativnoy Respubliki Germanii (v red. ot 13 noyabrya 1998 g. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subID=100102942,100102944,100103613,100103645,100103663#text>) (data obrashcheniya: 13.02.2020) (in Russian).
13. Filitov A.M. Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya». 2015. 11 (44). S. 7 (in Russian).

14. Makkova D. Nekotorye pravovye aspekty raspada byvshey Chekhoslovakii // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki, otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4. 2009. 1. S. 182 (in Russian).
15. Kas'yanov G.V. «Istoricheskaya politika i “memorial'nye” zakony v Ukraine: nachalo XXI v.» // Istoricheskaya ekspertiza. 2016. 2. S. 28 (in Russian).
16. Orlova I.B. Istoricheskoe znanie kak predmet sotsiologicheskogo analiza (fenomenologicheskii aspekt) //Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. 9 (400). S. 66 (in Russian).
17. Oleshkova A.M. Travma sotsial'nykh izmeneniy kak neosoznannoe udovol'stvie // Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva. 2014. 35. С. 32 (in Russian).
18. Ofitsial'nyy sayt Organizatsii Ob"edinyonnykh Natsiy URL: <https://www.un.org/ru/holocaust-remembrance/bg.shtml> (data obrashcheniya: 13.02.2019) (in Russian).

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

ГРНТИ 17.09.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-099-02-97-109

Н.Н. ВИХРОВА*

Переписка И.С. Аксакова с женой как источник для изучения консервативных идей второй половины XIX века

В статье характеризуется состояние архива переписки И.С. Аксакова с женой, а также даётся анализ основных аспектов её содержания, имеющих ценностный характер. А.Ф. Аксакова, старшая дочь Ф.И. Тютчева, личность образованная и одарённая, была не только возлюбленной и женой Аксакова, но и единомышленником и заинтересованным собеседником. Среди упоминаемых в переписке Аксакова с женой лиц целый ряд представителей русской интеллектуальной элиты второй половины XIX в.: писатели, поэты, военные, философы, историки и религиозные деятели, представители императорского дома и министры, дипломаты, члены семей родственников и близких знакомых. Отражённые в переписке Аксакова с женой религиозные, исторические, политические, эстетические и другие вопросы являются не только важным источником для изучения общественной, литературной и бытовой обстановки пореформенного времени и конкретно творчества И.С. Аксакова, но и в целом могут прояснить консервативные взгляды определённого круга русской интеллигенции второй половины XIX в.

Ключевые слова: И.С. Аксаков, А.Ф. Аксакова (Тютчева), переписка, славянофильство, консерватизм, охранительство, христианские ценности, идеализм

Краткая характеристика архива писем И.С. Аксакова к А.Ф. Аксаковой (Тютчевой)

Представитель так называемых «младших» славянофилов Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886) (фото 1) — заметное

лицо в истории литературы и общественной мысли XIX в. Благодаря активной журналистской и публицистической деятельности в пореформенное время он стал широко известен в обществе как проводник либерально-консервативных

* **Вихрова Нина Николаевна** — кандидат филологических наук, доцент Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, руководитель проекта «Письма А.Ф. Тютчевой (Аксаковой) И.С. Аксакову (1865–1886): подготовка комментированного издания переписки» (18-012-00419а).
E-mail: vihnn@mail.ru

Фото 1. Иван Сергеевич Аксаков.
Литография П.Ф. Бореля. 1869. ГИМ

взглядов, базирующихся на традиционных ценностях русского народа. Богатое эпистолярное наследие И.Аксакова является ценным источником для характеристики его воззрений на самый широкий круг вопросов. Это, разумеется, распространяется и на переписку И.Аксакова с женой, фрейлиной Высочайшего двора Анной Фёдоровной Тютчевой. По этой причине давно назрела необходимость в издании, аккумулирующем все имеющиеся тексты их переписки, печатные и архивные, снабжённые необходимым научным комментарием.

Ещё во время первой публикации писем И.С.Аксакова к невесте за период с 14 июня по 26 июля 1865 г., которую готовила сама А.Ф.Аксакова, указывалось, что «насчитывается сто десять писем Ива-

на Сергеевича Анне Фёдоровне (по-видимому, это всё-таки ещё не все письма, и некоторые должно считать уничтоженными). Из этих писем очень многие весьма пространны, так что одной этой коллекции хватит на целый том, подобный подлежащему. По содержанию — это настоящий философский роман в письмах, изобилующий интересными рассуждениями о браке, любви, о страсти, о супружеском долге, о значении семьи с точек зрения религиозной, нравственной, общественной...» [1, с. 342]. Добавим, что письма, адресованные жене, Аксаков почти всегда писал по-русски, иноязычный текст (французский, немецкий, английский, итальянский, латинский) присутствует, как правило, в виде цитат или устойчивых выражений (фото 2).

Однако осуществить публикацию этих писем А.Ф.Аксакова не успела, так как скончалась, а распорядители аксаковского архива (О.Г.Аксакова, Д.Ф.Тютчева, В.С.Россоловский, А.Ф.Бычков) в силу разных причин объективного и субъективного плана тоже оставили идею публикации до лучших времён. Только в 1992 г. в журнале «Москва», № 7–8, Г. Чагин и Л.Гладкова осуществили публикацию нескольких писем Аксакова из этой «коллекции», которые были перепечатаны в издании 2006 г. [2]. Однако данная публикация носила репрезентативный характер, большая часть писем так и не вышла за пределы архива¹, как и переписка И.С.Аксакова с женой 1866–1886 гг.²

Для современного публикатора сложность заключается в том, что большая часть подлинников писем Аксакова невесте 1865–1866 гг. утрачена, имеются лишь копии, которые, возможно, подвергались каким-либо конъектурным и стилистическим манипуляциям. К сожалению, видимо, утеряна переписка Аксакова с Тютче-

¹ Письма И.С. Аксакова к А.Ф. Тютчевой // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 236.

² Письма И.С. Аксакова к А.Ф. Аксаковой (Тютчевой) // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 235. Письма А.Ф. Аксаковой к И.С. Аксакову // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. № 173.

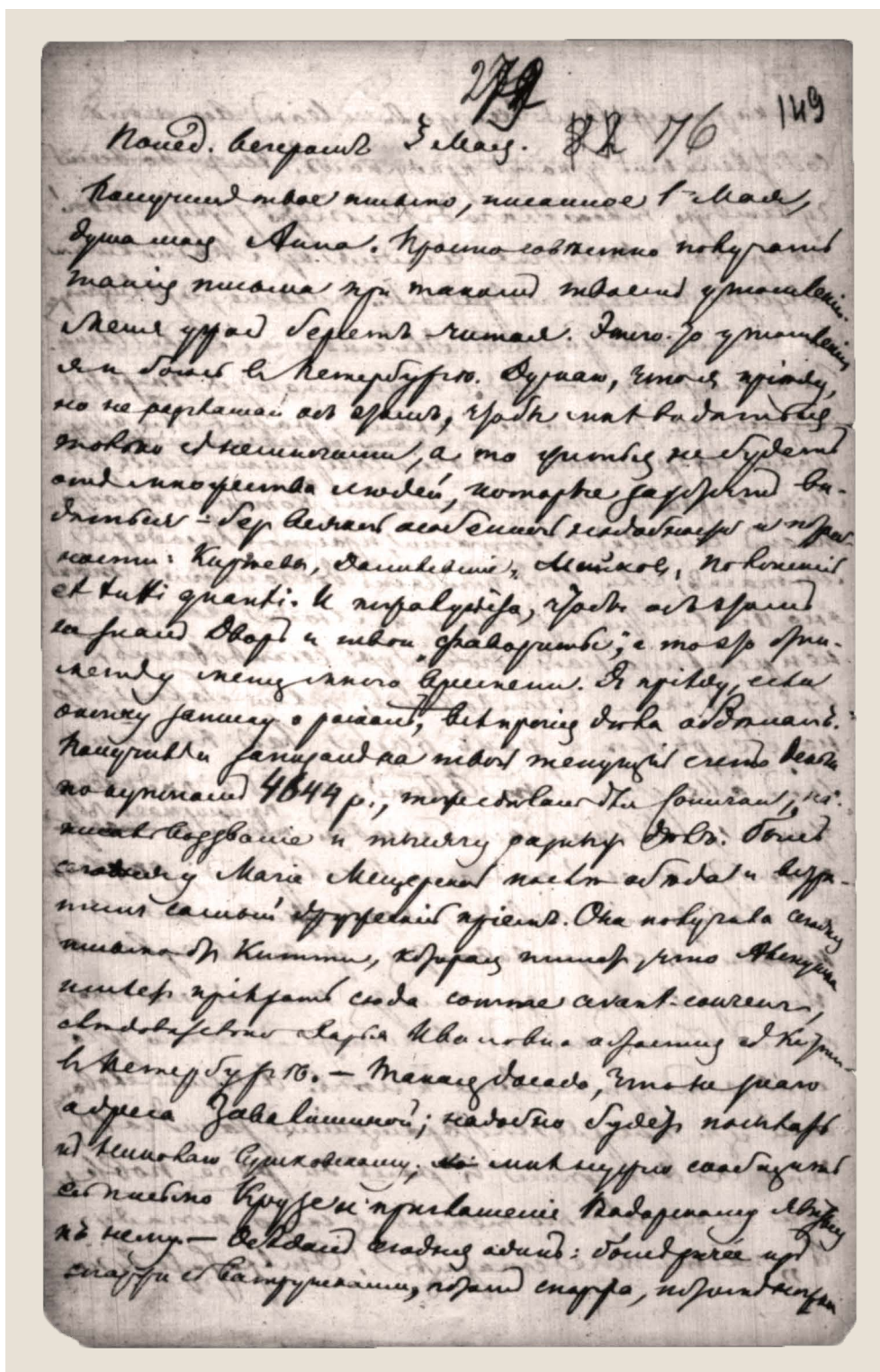

Фото 2. Начало письма И.С. Аксакова к А.Ф. Аксаковой от 3 мая 1876 г.

вой за период с 1858 по 1865 г. Свидетельства о том, что эта переписка была весьма активной, содержатся в письмах Аксакова А.Д. Блудовой, Н.С. Соханской, Е.С. Шеншиной и др. и, кроме этого, в многочис-

ленных упоминаниях самой Анны Фёдоровны в дневниках и письмах, например, к сестре, Е.Ф. Тютчевой. В основном архив писем Аксакова жене находится в РГАЛИ (Москва), но есть отдельные ма-

териалы в Рукописном отделе Пушкинского дома: машинописные копии, которые были подготовлены для первой публикации¹ и подлинники четырёх писем от 17, 20, 26 и 27 июля 1865 г.² На первый взгляд казалось, что машинописные материалы ИРЛИ и РГАЛИ дублируют друг друга, но характер встречающихся в тексте ошибок и описок, говорит о том, что набор осуществлялся разными людьми и скорее всего с подлинников. В 2015 г. публикацию текстов писем 1865 г., находящихся в ИРЛИ, осуществил А.А.Тесля в книге «Последний из отцов» [3]. Подготовка этих материалов была выполнена крайне небрежно: тексты изобилуют ошибками, публикатор, как правило, оставлял купюры в местах с иностранными вставками, хотя их легко восстановить по варианту, хранящемуся в РГАЛИ. Иногда публикатор даже заменял иностранное слово русским, которое, как ему казалось, подходило по смыслу (например, слово «*avertissement*» (*фр.* предупреждение) заменено словом «гнев» в предложении: «Завтрашний № «Дня» едва ли не навлечет на него <*avertissement*>») и пр. [Там же, с. 241].

К счастью, сохранились оригиналы писем И.С.Аксакова к жене за 1866–1886 гг., ранее никогда не публиковавшиеся и представляющие собой уникальный источник для изучения общественно-политической и бытовой жизни второй половины XIX в.

Краткая характеристика архива писем А.Ф. Аксаковой (Тютчевой) к мужу

А.Ф.Тютчева (1829–1889) (фото 3), старшая дочь поэта, была личностью образованной и одаренной, отличающейся критическим умом и горячим православным чувством, что отразилось в её эпистолярном и мемуарном наследии, к которому неизменен интерес исследователей

разных областей гуманитарного знания: литературоведов, историков, культурологов, философов и др. О развитии отношений И.С.Аксакова и А.Ф.Тютчевой с момента их знакомства свидетельствуют различные источники: воспоминания и дневники самой Анны Фёдоровны, упоминания о ней в письмах И.С.Аксакова другим адресатам: Н.С.Соханской, А.Д.Блудовой, Е.С.Шеншиной и др.

О первой встрече и разговоре с И.С.Аксаковым мы узнаём из дневника А.Ф.Тютчевой от 28 февраля 1858 г., упоминание об этом же событии зафиксировано в письме М.Г.Карташевской к В.С.Аксаковой: «Ваничка был вчера у фрейлины Тютчевой, и у них был очень интересный разговор».³ А.Ф.Тютчева же так передавала впечатления от этого разговора: «Вчера у меня был Иван Сергеевич Аксаков; это один из наших так называемых московских славянофилов. — Я до сих пор никогда не могла уяснить себе значение, которое придают слову “славянофилы” — его применяют к людям самых разнообразных мнений и направлений. Достаточно того, чтобы человек имел сколько-нибудь определённую индивидуальность, сколько-нибудь оригинальную мысль, чтобы он имел смелость быть самим собой, а не бледным сколком с иностранного образца, и он будет причислен к славянофилам. <...> Мы много беседовали, во-первых, о новом сочинении его отца “Детские годы Багрова-внука”; <...> Мы беседовали далее о многих крупных событиях, заполнивших последние три года, о лицах, игравших в них роль, сами того не желая, иногда не подозревая, из чего Аксаков вывел заключение, “что премудрость Божия в глупости совершается» [4, с. 391–393]. Её воспоминания, впервые опубликованные под названием «При дворе двух императоров» М. и С.Сабашниковыми в двух выпусках (1828–

¹ Письма И.С. Аксакова к А.Ф. Тютчевой // РО ИРЛИ. Р I. Оп. 1. № 115, № 116.

² Письма И.С. Аксакова к А.Ф. Тютчевой // РО ИРЛИ. Р I. Оп. 1. № 129.

³ Письма М.Г. Карташевской к В.С. Аксаковой // РО ИРЛИ. № 10652. Л. 19 об., сообщено А.П. Дмитриевым.

1829 г.) в переводе Е.В.Герье, выдержали множество изданий. Последнее, вышедшее в 2016 г. в издательстве «Захаров», было, благодаря труду Л.В.Гладковой, значительно расширено. В него вошло около 200 страниц впервые переведенного текста. Во вступительной статье Л.В.Гладкова отмечала, что «задумав писать воспоминания о прожитой жизни, богатой событиями и встречами, Анна Фёдоровна просмотрела всю свою обширную переписку» [Там же, с. 5], порой насчитывающую по несколько сотен писем к одному адресату. Не учитывая этот богатый исторический источник научное сообщество не могло, поэтому время от времени появлялись публикации эпистолярного наследия А.Ф.Тютчевой. Разумеется, в первую очередь письма Тютчевой, адресованные к отцу или к другим членам семьи, но содержащие характеристику поэта. Самая известная подобного рода публикация осуществлена в двух крупных академических томах «Литературного наследства» [5], в изданиях Летописи жизни и творчества Ф.И.Тютчева [6, 7]. В этих трудах были задействованы в отрывках материалы переписки А.Ф.Тютчевой и И.С.Аксакова, в том числе из ценного Собрания Пигарева, в котором содержались и их письма до 1865 г., к настоящему времени оказавшиеся недоступными. Однако полноценно письма А.Ф.Тютчевой к мужу, известному славянофилу И.С.Аксакову, до сих пор не были введены в научный оборот.

Имеющийся корпус писем А.Ф.Аксаковой мужу, большей частью написанных по-французски (фото 4), хранящихся

Фото 3. Анна Фёдоровна Тютчева. Фотография Г.И. Денъера. Петербург, <1865>. Музей-усадьба Мураново им. Ф.И. Тютчева

в РГАЛИ¹, охватывает период 1866–1886 гг. Более ранних писем, за небольшим исключением, в настоящее время выявить не удалось. Когда же Г.И. Чулков в начале 1920-х гг. хотел издавать продолжение переписки И.Аксакова и Тютчевой, он насчитал ещё 76 писем А.Ф.Тютчевой за 1862–1864 гг.² Как указывалось выше, некоторое количество писем хранилось в Собрании Пигарева, однако наследники, которые владеют этим семейным архивом, утверждают, что, к сожалению, писем А.Ф.Тютчевой там обнаружить не удалось.

¹ Письма А.Ф. Аксаковой к И.С. Аксакову // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 173.

² Рукописи Г.И. Чулкова // РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед.хр. 135. Л. 62.

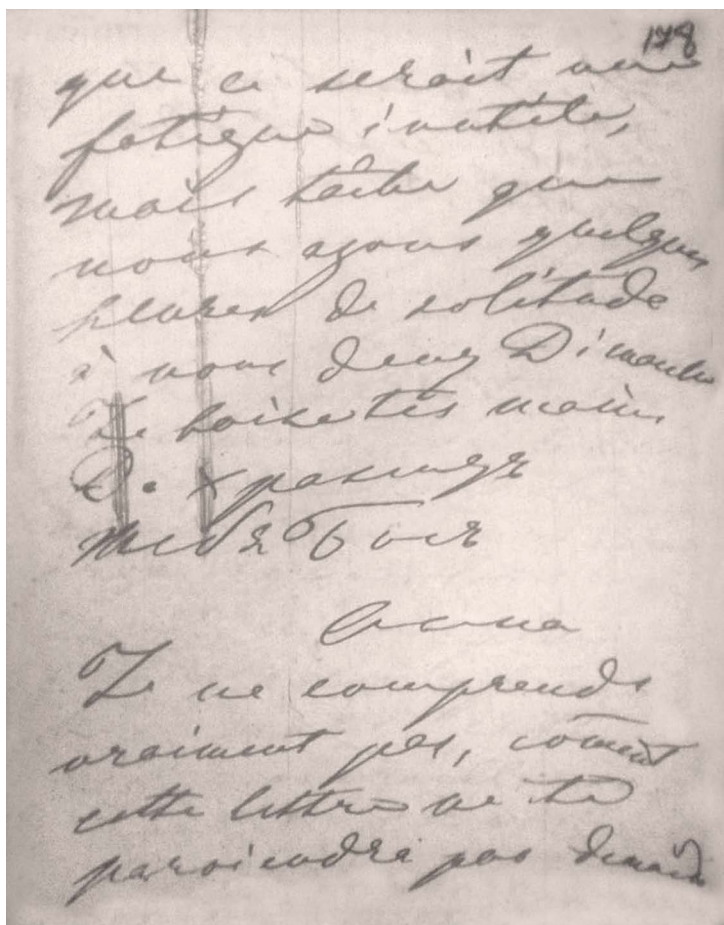

Фото 4. Окончание письма А.Ф. Тютчевой к мужу от 21 сентября 1877 г.

Из писем А.Ф. Тютчевой до 1866 г. сохранились только небольшая записка 1863 г. на русском языке, находящаяся в РГАЛИ¹, и копия письма 1865 г. о смерти наследника, найденная в архиве Барсукова.² С другой стороны, отправляя в 1865 г. в период жениховства свои письма невесте, И. Аксаков часто и довольно обильно цитировал строки из её писем, написанных по-французски, споря или соглашаясь, выделяя, с его точки зрения, главное, так что создаётся впечатление полноценного присутствия адресата.

В последние годы при поддержке РФФИ мы проводим работу по подготовке комментированного издания перекрёстной переписки И.С. Аксакова с А.Ф. Тютчевой (Аксаковой) за 1865–1886 гг. Дума-

ется, осуществление такого издания, снабжённого вступительной статьёй, комментариями и указателями, будет полезно как специалистам, так и всем интересующимся вопросами русской литературы, культуры и общественной мысли второй половины XIX в.

Христианский идеал как основа славянофильства в переписке И.С. Аксакова с женой

В переписке Аксакова с женой обнаруживается богатый материал для характеристики того идеологического направления, которое прочно связано с консерватизмом и традиционными ценностями, — со славянофильством. В известном саркастическом отзыве Л.Н. Толстого на брак И.С. Аксакова с фрейлиной Тютчевой гипертрофированно заострён именно идеологический аспект их союза, соединяющего, с его точки зрения, сугубо консервативные идеалы славянофильства и охра-

нительства (символом которых, по мнению Толстого, является соответственно «мурмолка» и «кондак»): «Нет, без шуток, что-то неприятное, противуестественное и жалкое представляется для меня в этом сочетании. <...> С тех пор как я узнал эту новость, я каждый раз по нескольку раз думаю об этом — не браке — а слиянии двух — не душ — а направлений...» [8, с. 272–273].

Но и сам Аксаков прекрасно понимал, что их союз внешне именно так мог выглядеть в обществе. Но если по поводу связи А. Тютчевой со славянофилом, газета которого подвергалась цензурным преследованиям, вплоть до закрытия, поднялась волна в высшем свете, мнением которого можно было пренебречь, то значительно болезненней могла быть

¹ Письма А.Ф. Аксаковой к И.С. Аксакову // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 311.

² Письмо А.Ф. Тютчевой к И.С. Аксакову, б.д., копия // РГАЛИ. Ф. 87 (Барсуков). Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 27–29 об.

реакция той части общества, которая поддерживала либерально-консервативную позицию Аксакова, считавшуюся оппозиционной. В письме от 23 октября 1865 г. он писал невесте: «Ты пишешь, que cour et la ville sont plus ou moins scandalisées, que une demoiselle d'honneur épouse un rédacteur démocrate (фр.: Что двор и город более или менее шокированы, что фрейлина выходит замуж за редактора-демократа) и пр. Действительно, в их глазах c'est un accouplement! (фр.: Это низкая связь!) Но точно так же скандализована и другая, не менее обширная и, конечно, лучшая часть общества, и не только в столицах, но и во всей России, т.е. всё молодое, честное, вольномыслящее, для которых имя, которое я ношу, и знамя, которое я держу, — имело столько нравственного обаяния (если и не всегда сочувствия в политических и религиозных убеждениях). Не зная тебя, они приходят в скорбь и ужас при мысли, что последний яркий представитель славянофильства и всей той плеяды людей, отличавшихся духом полнейшей гражданской независимости, свободомыслия, честности, несколько республиканского отношения к почестям и выгодам, — *изменил*, связался со Двором, вступил в сделку с враждебным, чуждым лагерем, стал чужой всей этой массе бедных плебеев, одним словом, — стал как бы «генералом». Эти клики скорби и ужаса до меня доходят. И так как я сочувствием этой стороны *дорожу несравненно более*, чем сочувствием Двора и большого света (сочувствием которых не дорожу ни на волос), — то я особенно рад тому, что «День» будет продолжаться, что я не вступаю (по крайней мере) в *службу*: последнее было бы слишком резкой переменной

Фото 5. А.Ф. и И.С. Аксаковы. Фотография. 1876 г.

дирекции в моей деятельности, в моём общественном положении. Именно, моё сокровище, как ты пишешь — *das Stilleben* (нем.: тихая жизнь) Абрамцева и издание журнала будут лучшим ответом на все эти толки. Но толки двора и Света — имеют свойство не сердить меня, а *забавлять*, мне от них становится *очень весело*. Я бы нашёл невыразимое наслаждение в том, чтоб в виду Двора и раззолоченной знати, сбросить раззолоченные одежды и надеть *рубашку*, лохмотья. Каким бы царём — вольным молодцом, говоря языком русской песни — почувствовал бы я себя пред этими рабами! Конечно, ты точно так же относишься к этим толкам, как и я; ты точно так же *неуязвима* для них — такова должна быть *моя жена*» (выделено И.Аксаковым — *Н.В.*).¹

¹ Письма И.С. Аксакова к А.Ф. Тютчевой // РГАЛИ. Ф.10. Оп.1. № 236. Л. 150.

По мнению И. Аксакова, душевное понимание, взаимоуважение и идеологическая близость между ними стали возможны, поскольку их представление об идеале частной и общественной жизни базировалось на духовных ценностях христианской религии, консервативной платформе, на которой в гармоническом единстве уживаются свобода и смирение, борьба и прощение, осознание личной ничтожности и стремление к нравственному подвигу и при этом нивелируются социальные и материальные предрассудки. Супруги Аксаковы (фото 5), при всей внешней, «политической», несхожести, до конца жизни были верны высоким нравственным идеалам, о чем красноречиво свидетельствует их переписка. Так, Анна Фёдоровна неслучайно настаивала, чтобы муж отошёл от политики и обратился к теоретической разработке религиозного вопроса, указывая, что «на это<м> мы сошлись, на это<м> мы и должны держаться и вместе бодрствовать, чтобы сделаться лучшими»¹.

О природе славянофильской оппозиционности в переписке И.С. Аксакова с женой

Ещё в письме от 26 октября 1865 г. И. Аксаков, обосновывая необходимость продолжения оппозиционной издательской деятельности «для чести нашего союза», с сочувствием воспринимает примирительно-христианское прощание Тютчевой с прошлой жизнью при дворе и даже в «видимой разноголосице» их частных воззрений слышит «стройный внутренний аккорд».² Из дальнейшей переписки видно, что «внешняя разноголосица» будет до конца их совместной жизни тем тоном, который задаёт строй всей песне. Об этом «единстве-противоположности» убеждений Аксаковых вспоминал хорошо их знавший В.С. Соловьёв, описывая «генеральные атаки» А.Ф. Аксаковой против сла-

вянофильства. При всём уважении к убеждениям своего мужа Анна Фёдоровна, по свидетельству В.С. Соловьёва, до конца жизни не могла, например, согласовать «государственный принцип славянофильства» со «здравым смыслом» [9, с. 200].

Переписка Аксаковых, действительно, зачастую свидетельствует об их идеологических разногласиях по многим ключевым вопросам современности (о смертной казни, о смысле оппозиционной деятельности, о теории и практике славянофильства, о нравственных качествах русского народа и пр.) при полном и безоговорочном уважении мнений друг друга. В.С. Соловьёв абсолютно точно передал отношение Анны Фёдоровны к деятельности мужа: «Иван Сергеевич – человек идеальный; его славянофильская публицистика есть с его стороны какой-то подвиг смирения, конечно, при всей антипатичности этих славян, его деятельность имеет большое историческое значение; но я уверена, что по своим умственным и нравственным силам он был бы способен к делу гораздо более великому» [Там же, с. 193–201].

Насколько достоверно передаёт В. Соловьёв умонастроение А.Ф. Аксаковой, свидетельствует её письмо мужу, в котором она размышляет о его идеализме, сравнивает с Дон Кихотом и мечтает, чтобы он обратился «pour t'appliquer à des venue purement spéculation qui consciemment si bien au genre et à la forme de ton intelligence et de ton talent» (*фр.*: к работе над теоретическими построениями, которые больше соответствуют образу и форме твоего ума и твоего таланта).³ Между тем полемика между супругами ни в коей мере не расшатывала фундамент славянофильской идеологии, построенный на философском осмыслении православной веры. В.С. Соловьёв подчёркивал, что, «кроме глубокого и горячего личного чувства», именно

¹ Письма А.Ф. Аксаковой к И.С. Аксакову // РГАЛИ. Ф. 10, Оп. 1, № 173. Л. 28 об.

² Там же. Л. 160.

³ Письма А.Ф. Аксаковой к И.С. Аксакову // РГАЛИ. Ф. 10, Оп. 1, Ед. хр. 173. Л. 9.

православная вера связывала «Анну Фёдоровну с её мужем и при жизни, и после его смерти и в чём она без усилия могла примыкать к славянофильству» [9, с. 201].

В славянофильской идеологии христианский идеал выступал и целью нравственного самосовершенствования, и тем универсальным критерием, с помощью которого поверялась истинность, правомерность и значимость личного и социально-политического жизнестроительства. При таком подходе характер религиозности (философский (как у А. Хомякова и И. Аксакова), аскетический (как у И. Киреевского и Ю. Самарина), мистический (как у А.Ф. Аксаковой), непосредственный (как у простого народа)) был второстепенен. Абсолютно важна была степень свободного и искреннего принятия высокого христианского идеала как смысла человеческого бытия. От этого установления зависели и система ценностных приоритетов Аксаковых, и характер деятельности, и круг их общения. И вполне естественно, содержание этих сфер, подвергнутое осмыслению в их многолетней переписке, отражало различные аспекты консервативной идеологии второй половины XIX столетия и имело общественное значение, выходя за рамки частной переписки в область общественной борьбы.

Что касается ценностных приоритетов, то, конечно, в переписке можно найти много информации об осмыслении Аксаковыми сущности православной веры, брака, семьи, нравственного долга, чести и честности, патриотизма, справедливости, общественной свободы и личной независимости. Характер деятельности обусловливался стремлением до конца реализовать свои убеждения. И. Аксаков осуществлял это на журналистском поприще, в Славянском благотворительном комитете, Православном миссионерском обществе, на посту председателя Общества любителей российской словесности, а также в банковской службе и суде присяжных. Письма Анны Фёдоровны свидетельствуют, что она не только вникала

в дела мужа, но и вела активную педагогическую деятельность: содержала приют для детей, преподавала в школе сельским ребятишкам, занималась воспитанием сводного брата, Ф.Ф. Тютчева, причем муж ей всячески в этом помогал.

Очень широко представлен в переписке круг более или менее тесного общения Аксаковых, который характеризуется в основном личностями, разделяющими консервативные убеждения. При этом они могут занимать разные идеологические ниши на общем консервативном поле: одни являются единомышленниками И. Аксакова (Ю.Ф. Самарин, Ф.В. Чижов, Ф.И. Тютчев, Ф.М. Достоевский, Н.С. Кохановская и др.), другие – сочувствующими (А.Д. Бдудова, Е.Е. Ламберт, Э.Ф. Раден, А.Л. Громачевский, Н.И. Рукавишников и др.), третьи – находятся в непримиримой оппозиции (М.Н. Катков, А.Е. Тимашев, отчасти К.П. Победоносцев и др.).

О размежевании славянофильства и охранительства

Весьма любопытной представляется тема идеологического размежевания в стане консервативных общественных сил середины XIX в. В восприятии как современников, так и последующих поколений идеологические позиции публицистов второй половины XIX в. И.С. Аксакова и М.Н. Каткова (фото 6) в большинстве своём не различались, их фамилии зачастую ставились рядом в разного рода воспоминаниях и исследованиях. Одному их восприятию способствовали и внешние обстоятельства: оба были журналистами, работали в Москве, отличались ярко выраженной патриотической настроенностью, проявляли оппозиционность к революционным нигилистическим общественным движениям и некоторым либеральным реформам, защищали государственную политику по подавлению Польского восстания 1863–1865 гг., выступали против низкопоклонства перед Западом и в целом стояли на консервативной платформе, защи-

Фото 6. Михаил Никифорович Катков (1818–1887).
Фотография. 1880 г.

щая принцип самодержавия. Тем не менее И. Аксаков считал, что его либерально-консервативная позиция, основанная на славянофильском учении, в корне противоположна охранительной идеологии Каткова и его последователей, которую он, вторя общему голосу либеральной и демократической общественности, называл «катковщиной», или «катковизмом». Интересно, что А.Ф. Аксакова, не признававшая антигосударственную позицию славянофилов и, казалось бы, стоявшая, хотя бы по этой причине, ближе к катковской платформе, прекрасно понимая различие между «катковизмом» и славянофильством, всегда поддерживала мужа в позиционных боях с Катковым.

Последний крупный идеологический конфликт И. Аксакова с Катковым произо-

шёл весной 1882 г. в связи с противостоянием по поводу созыва Земского собора, который Аксаков поддерживал, а Катков отвергал [см. подр. 10]. Тогда вновь представился случай размежеваться с Катковым, как писала А.Ф. Аксакова мужу, «le serait le cas on jouée de faire on magnifiques article pour explique le significations du Земский Собор encore le moment rompre en visière à Katkof et de délivrer une bonne fois pour toutes de toutes apparence même de solidarité avec lui» (фр.: Появляется хороший повод, чтобы подготовить прекрасные статьи, растолковывающие значение Земского Собора и к тому же предоставляется удобный случай, чтобы бросить вызов Каткову и избавиться раз и навсегда от хотя бы внешней солидарности с ним)¹. Размежевание в этом конкретном случае состоялось, но не «раз и навсегда», как предполагала Анна Фёдоровна. Уже сразу после смерти Аксакова «размежевывать» его и Каткова продолжил, например, О.Ф. Миллер, который для пущей убедительности даже вывел Ивана Сергеевича с поля консерватизма [11]. В настоящее время в идейном различии Аксакова и Каткова пытаются разобраться, например, А.Е. Котов [12] и Д.А. Бадалян [13]. Разумеется, вопрос о природе российского консерватизма в целом носит дискуссионный характер. Сам Аксаков в публицистических статьях постоянно указывал на неоднозначность и недостаточность самого понятия, различая истинный консерватизм, базирующийся на национальных ценностях, и «лже-консерватизм», «мнимый консерватизм», «официальный консерватизм». Совершенно очевидно одно: при всей оппозиционности, Аксаков, яростно обличавший либерализм как чуждое национальным духовным и государственным интересам направление, мыслил себя воином именно на консервативном поле.

Думается, на фоне растущего интереса к консервативным идеям русской обще-

¹ Письма А.Ф. Аксаковой к И.С. Аксакову // РГАЛИ. Ф. 10, Оп. 1, Ед. хр. 173. Л. 204 об.

ственной и философской мысли переписка И.С.Аксакова с А.Ф.Тютчевой (Аксаковой), которая в полном виде не публиковалась, может стать ещё одним важным источником знаний не только о биографических сведениях об авторах, но и о литературно-общественной и исторической обстановке XIX в., а также, возможно, материалом для осмысления современных тенденций в общественной жизни России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф. Тютчевой: В 3 т. М.: Русская книга, 2004. Т. III. Письма 1857–1886.
2. Аксаков И.С. У России одна-единственная столица... / Сост., вступ. ст., путеводитель, примеч. Г.В. Чагина. М.: Русский миръ, 2006.
3. Тесля А.А. «Последний из «отцов»: биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015. Документальное приложение А: Письма И.С. Аксакова к А.Ф. Тютчевой (октябрь 1865, декабрь 1865 – январь 1866). С. 221–267.
4. Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания и дневники / пер. с франц. Л.В. Гладковой. 3-е изд., доп. М.: Захаров, 2004.
5. Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / Вступ. ст. Т.Г. Динесман; Публ. К.В. Пигарева, Т.Г. Динесман при участии К.М. Азадовского, А.Л. Осповата, В.Н. Сажина; Коммент. Т.Г. Динесман при участии А.Л. Осповата. М.: Наука, 1989. Кн. II. С. 171–432. (Литературное наследство; Т. 97).
6. Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева / Сост. Г. Чулков. М.; Л.: Academia, 1933.
7. Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева / Сост. Т.Г. Динесман, И.А. Королёва, Б.Н. Щедринский; Отв. ред. Т.Г. Динесман. Кн. 3: 1861–18 «Индрик, Музей-усадьба «Мураново» им. Ф.И. Тютчева: ООО «Литограф», 2012.
8. Л.Н. Толстой и А.А. Толстая. Переписка. 1857–1903 / Изд. подг. Н.И. Азарова, Л.В. Гладкова, О.А. Голиненко, Б.М. Шумова. М.: Наука, 2011.
9. Иван Аксаков в воспоминаниях современников / Сост., предисл. и комм. Г.Н. Лебедевой; Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014.
10. Вихрова Н.Н. «...Торжество Победоносцева и Каткова...»: об идеологических разногласиях среди консерваторов по поводу созыва Земского собора в 1882 г. в переписке И.С. Аксакова с женой // Русско-византийский сборник. 2019. № 1 (2). С. 164–176.
11. См. републикацию статей О.Ф. Миллера «Спускала ли “Русь” нашим консерваторам?» и «Славянофилы и Катков» // Миллер О.Ф. Славянство и Европа / Сост., предисл., коммент. Ю.В. Климаков; Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 163–178.
12. Котов А.Е. «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2016.
13. Бадалян Д.А. Колокол призывный: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х годов. СПб.: Росток, 2016.

ENGLISH

Correspondence between Ivan Aksakov and his Wife as a Source for the Study of Conservative Ideas in the Second Half of the 19th Century

Nina Nikolaevna Vikhrova – Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Yaroslav the Wise Novgorod State University, supervisor of the project “Letters of Anna Tyutcheva (Aksakova) to Ivan Aksakov (1865-1886): Preparation of the Correspondence Publication with Commentaries” (18-012-00419a). E-mail: vihnn@mail.ru

The article provides a characteristic of the archive of letters between Ivan Aksakov and wife. It also analyses main aspects of valuable content of the correspondence. Anna Aksakova, the eldest daughter of Fyodor Tyutchev, was talented and well-educated. The woman not only loved and married Ivan Aksakov, she was his soulmate and committed interlocutor. In their letters Ivan Aksakov and wife mention a number of Russian intellectuals of the second half of the 19th century: writers, poets, servicemen, philosophers, historians and religious figures, representatives of the imperial house and ministers, diplomats, family members of relatives and close acquaintances. Religious, historical, political, aesthetic and other matters discussed in the correspondence are not only an important source for the study of social, literary and domestic environment of reformation period and, specifically, the works of Ivan Aksakov. They also allow to clarify conservative standpoint of certain Russian intellectuals in the second half of the 19th century.

Keywords: Ivan Aksakov, Anna Aksakova (Tyutcheva), correspondence, Slavophilism, conservatism, (conservative) traditionalism, Christian values, idealism

REFERENCES

1. Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'makh. Epistolyarnyy dnevnik 1838–1886 gg. s predislaviem, kommentariyami i vospominaniyami A.F. Tyutchevoy: V 3 t. M.: Russkaya kniga, 2004. T. III. Pis'ma 1857–1886 (in Russian).
2. Aksakov I.S. U Rossii odna-edinstvennaya stolitsa... / Sost., vstup. st., putevoditel', primech. G.V. Chagina. M.: Russkiy mir", 2006 (in Russian).
3. Teslya A.A. «Posledniy iz «ottsov»: biografiya Ivana Aksakova. SPb.: Vladimir Dal', 2015. Dokumental'noe prilozhenie A: Pis'ma I.S. Aksakova k A.F. Tyutchevoy (oktyabr' 1865, dekabr' 1865 – yanvar' 1866). S. 221–267 (in Russian).
4. Tyutcheva A.F. Pri dvore dvukh imperatorov: Vospominaniya i dnevniki / per. s frants. L.V. Gladkovoy. 3-e izd., dop. M.: Zakharov, 2004.
5. Tyutchev v pis'makh i dnevnikh chlenov ego sem'i i drugikh sovremennikov / Vstup. st. T.G. Dinesman; Publ. K.V. Pigareva, T.G. Dinesman pri uchastii K.M. Azadovskogo, A.L. Ospovata, V.N. Sazhina; Komment. T.G. Dinesman pri uchastii A.L. Ospovata. M.: Nauka, 1989. Kn. II. S. 171–432. (Literaturnoe nasledstvo; T. 97) (in Russian).
6. Letopis' zhizni i tvorchestva F.I. Tyutcheva / Sost. G. Chulkov. M.; L.: Academia, 1933 (in Russian).
7. Letopis' zhizni i tvorchestva F.I. Tyutcheva / Sost. T.G. Dinesman, I.A. Korolyova, B.N. Shchedrinskiy; Otv. red. T.G. Dinesman. Kn. 3: 1861–18 «Indrik, Muzey-usad'ba «Muranovo» im. F.I. Tyutcheva: OOO «Litograf», 2012 (in Russian).

8. L.N. Tolstoy i A.A. Tolstaya. Perepiska. 1857–1903 / Izd. podg. N.I. Azarova, L.V. Gladkova, O.A. Golinenko, B.M. Shumova. M.: Nauka, 2011 (in Russian).
9. Ivan Aksakov v vospominaniyakh sovremennikov / Sost., predisl. i komm. G.N. Lebedevoy; Otv. red. O.A. Platonov. M.: Institut russkoy tsivilizatsii, 2014 (in Russian).
10. Vikhrova N.N. «...Torzhestvo Pobedonostseva i Katkova...»: ob ideologicheskikh raznoglasiyakh sredi konservatorov po povodu sozyva Zemskogo sobora v 1882 g. v perepiske I.S. Aksakova s zhenoy // Russko-vizantiyskiy sbornik. 2019. № 1 (2). S. 164–176 (in Russian).
11. Sm. republikatsiyu statey O.F. Millera «Spuskala li “Rus’” nashim konservatoram?» i «Slavyanofily i Katkov» // Miller O.F. Slavyanstvo i Evropa / Sost., predisl., komment. Yu.V. Klimakov; Otv. red. O.A. Platonov. M.: Institut russkoy tsivilizatsii, 2012. S. 163–178 (in Russian).
12. Kotov A.E. «Tsarskiy put'» Mikhaila Katkova: ideologiya byurokraticheskogo natsionalizma v politicheskoy publitsistike 1860–1890-kh godov. SPb.: Vladimir Dal', 2016 (in Russian).
13. Badalyan D.A. Kolokol prizyvnyy: Ivan Aksakov v russkoy zhurnalistike kontsa 1870-kh – pervoy poloviny 1880-kh godov. SPb.: Rostok, 2016 (in Russian).

УДК 782.9

ГРНТИ 18.41.45

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-099-02-110-122

**А.В. КРЫЛОВА,
Е.В. КИСЕЕВА***

Музыкальный театр на рубеже XX–XXI веков: проблема обновления жанров

В статье освещены результаты исследования наиболее значительных тенденций развития современного музыкального театра, имеющие следствием обновление его жанровой природы. Под влиянием мощного роста театральности в культуре, развития цифровых и интерактивных технологий, средств массовой коммуникации и иных процессов на рубеже XX–XXI вв. происходят крупные стилевые открытия, рождаются новые формы сценического представления музыки. В центре внимания авторов – мало изученные в отечественном музыковедении области современного музыкального театра, такие как теле- и радиооперы, документальный театр, музыкально-хореографический перформанс, музыкальный театр смешанных средств. На основе их анализа обозначены основополагающие векторы развития музыкально-театральных жанров: обновление традиционных жанровых моделей изнутри, путём поиска особых форм жанрово-стилевого синтеза и внемузыкальных драматургических типов, соединения с экранными искусствами, с реальной жизнью. Уделено внимание новым формам музыкально-театрального представления, в частности перформансу, вопросам времени и пространства, переосмыслению роли зрителя, созданию условий для многообразных коннотаций, а также иным музыкальным и общеэстетическим проблемам.

Ключевые слова: жанр, опера, музыкальный театр, музыкальная документалистика, мюзикл, сценический танец

*Музыка стоит так высоко, что разум не в силах
приблизиться к ней,
она оказывает действие, подчиняющее себе всё,
и никто не в состоянии точно уяснить себе его природу.*

Иоганн В. Гёте

* **Крылова Александра Владимировна** — доктор культурологии, проректор по научной работе Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова, руководитель проекта «Музыкальный театр рубежа XX–XXI веков: проблема обновления жанров» (17-04-00198а).

E-mail: naukargk@mail.ru

Кисеева Елена Васильевна — доктор искусствоведения, профессор Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова, профессор Академии архитектуры и искусств Южного федерального университета, исполнитель того же проекта.

E-mail: e.v.kiseeva@mail.ru

Если так велика сила музыки, как писал об этом И.Гёте, то что можно сказать о музыкальном театре, в котором она соединена с древнейшим видом человеческого лицедейства? Сила этого искусства делает его вечным. Но вечное не означает неизменное. От первых древнегреческих дионисийских игр до «Кольца нибелунга» Р.Вагнера и гепталогии «Свет. Семь дней недели» К.Штокхаузена пролегает путь, ознаменованный поисками, экспериментами, оваянный гением и творческой смелостью создателей новых идей, способных довести их до сценического воплощения. Ни одна жанровая область музыки в такой мере не тяготела к обновлению и экспериментаторству, как музыкальный театр. Обусловлено это, конечно же, синтетической его природой, взаимодействием искусств — музыки, танца, поэзии, декоративной живописи, экранных видов творчества, использованием технологий, создающих сценические чудеса, актёрским и певческим мастерством.

Сколько раз умирала опера — «матричный жанр» музыкального театра? Сколько раз она вновь возрождалась, находя всё новые ресурсы и преобразуя исходную жанровую модель под воздействием самых разных факторов. Слухи о «смерти» жанра сменялись периодами расцвета, и каждый новый «виток» в его развитии был ознаменован поиском и обнаружением новых решений, рождением оригинальных жанровых модификаций, в которых оперные контуры подчас становились лишь одной из составляющих в сложном конгломерате узнаваемых черт иных жанровых разновидностей.

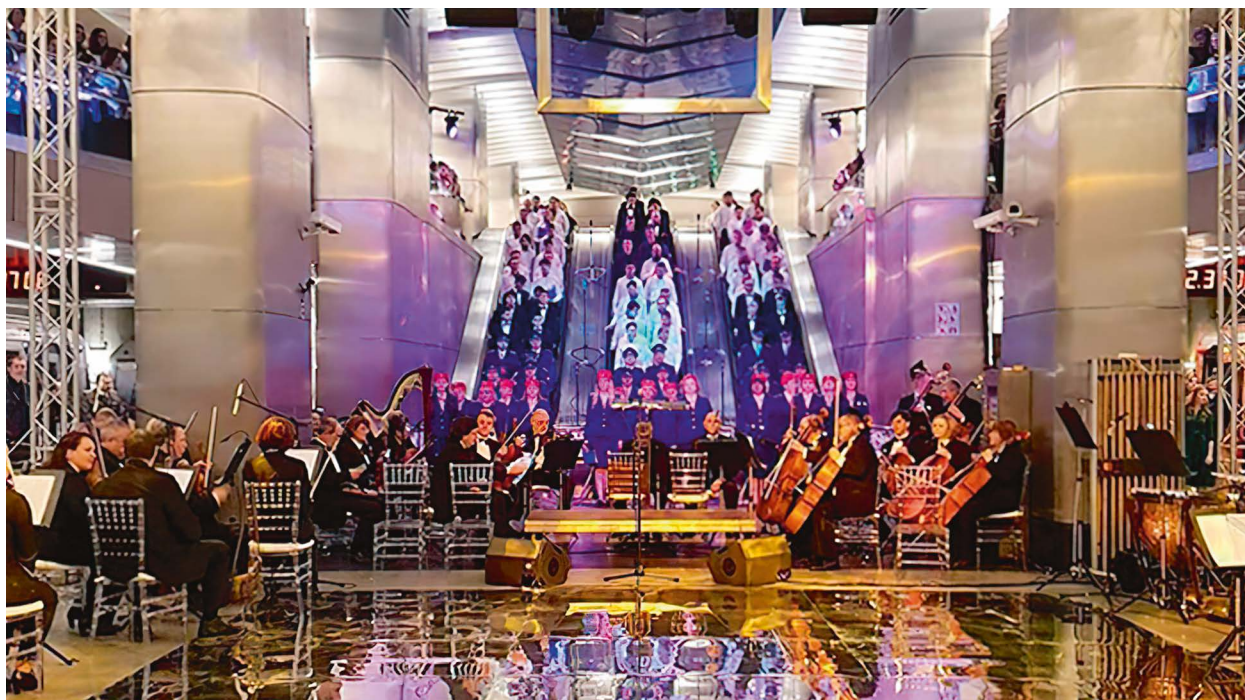
Рубеж XX — начала XXI в. — период, когда многоликость музыкального театра достигает очередного пика внешних и внутренних перемен. Каковы же ключевые векторы этих изменений? Сложные процессы гибридизации в искусстве приводят к смешению всего со всем: массового с элитарным, театрального с медийным, искусственно созданного с бытий-

но-реальным. Находясь в эпицентре этих «тектонических сдвигов», опера в очередной раз трансформируется, порой до неузнаваемости. Термин «опера», ассоциирующийся с почти четырёхсотлетней историей жанра, и границы явлений, им обозначаемых, оказываются слишком тесными для сочинений, разрушивших академические каноны. Композиторы предлагают множество уточняющих определений, пытаясь дистанцироваться от оперной модели, ищут новые терминологические определения (например, «документальный музыкальный видеотеатр» С.Райха — Б.Корот).

Искусствоведы озадачены той же проблемой. Показательны в этом плане рассуждения Е.Новак, предложившей термин «пост-опера» [1, с. 134]. Всё это, а также заметная индивидуализация оперных форматов, заставляющая рассматривать каждое произведение как отдельный проект, приводят к необходимости расширения круга искусствоведческих понятий и смещению исследовательских акцентов. И это естественно, поскольку сфера музыкально-театрального творчества как никогда ранее является ареной бурного жанрового экспериментирования, порождающего новые идеи и формы музыкально-театральных представлений. Наметим и кратко охарактеризуем ключевые факторы, способствующие процессу жанрового обновления современного музыкального театра.

Оперный жанр в свете жанрово-стилевого синтеза

Первый из них — *гибридизация устоявшихся жанровых моделей — музыкальных и немusикальных*. Они чрезвычайно многоплановы [2]. В ряду хорошо освоенных — соединение оперы и оратории («Моисей и Аарон» А.Шенберга, «История доктора Иоганна Фауста» А.Шнитке, «Пётр Первый» А.Петрова, «Джордано Бруно» С.Кортеса, «Молодой Давид» В.Кобекина, «Сильмариллион. Памяти Толкиена» М.Костылёва и др.) (ил. 1).

Ил. 1. Станция метро «Деловой Центр», закрытый предпоказ Мировой премьеры оперы-оратории М. Костылёва «Сильмариллион. Памяти Толкиена. Эльфийская оратория»

Напротив, нов феномен хоровой оперы («Боярыня Морозова» Р.Щедрина, «Cantos» А.Сюмака или «Красное» Т.Шатковской-Айзенберг). Показательны миксты на стыке разных искусств. Лидирует здесь область литературных жанров, соединение которых с оперой порождает симбиоз последней с притчей («Июльское воскресение» В.Рубина, «Визит Дамы» С.Кортеса, «Огненное кольцо» А.Тертеряна, «Шуху и летающая принцесса» У.Циммерманна, «Тень» Ф.Гайслера и др.) [3], с легендой («Легенда о Святом Христофоре» В. Д'Энди), мираклем («Святой Франциск Ассизский» О.Мессиана). Массовое увлечение танцевальными практиками послужило основой для появления «танцевальной оперы» — микста весьма редкого, но интересного, как например опера «Несносные дети» для ансамбля, солистов и танцоров Ф.Гласса по мотивам одноимённого романа Ж.Кокто (ил. 2).

Новые оперные форматы возникают и на пересечении разных музыкальных стилей. Первым в ряду стилевых воздействий на академическую природу оперы стал джаз, и идеальным примером этого

микста, конечно, является «Порги и Бесс» Дж.Гершвина. На основе соединения европейской академической традиции и фри джаза создаёт свои оперные сочинения известный джазовый музыкант Энтони Дэвис («Икс, жизнь и времена Малколма Икс», «Под двойной луной» и др.). Обращение к джазу и року (см. «электро-рок-опера» Джона Корильяно «Обнажённая Кармен» по опере Ж.Бизе) обусловлено стремлением выйти за рамки условностей оперного жанра, «сломать» существующую систему представлений об оперном каноне, освободиться от жёсткой формы классического спектакля.

В опере совершаются крупные стилевые открытия, связанные с внедрением художественных концепций авангарда и минимализма. Применение авангардных установок в оперном жанре способствовало нивелированию господствующих на протяжении всей истории его развития драматических закономерностей, в результате чего текст, ранее становившийся основой для либретто и определявший опорные точки музыкальной драматургии, утратил свою функцию.

Ил. 2. Ф. Гласс. Танцевальная опера «Несносные дети»
по мотивам одноимённого романа Ж. Кокто

Извечный вопрос, который был краеугольным камнем для многочисленных оперных реформ, — взаимоотношение музыки и драмы — для опер Ф. Гласса («Эйнштейн на берегу», «Сатьяграха», «Эхнатон», «Красавица и чудовище»), М. Монк («Атлас», «Образование девочки»), Т. Дуна («Марко Поло», «Пионовая беседка»), Л. Андриессена («Письма к Вермееру», «Комедия») оказался неактуальным.

В новой для оперного жанра сценической ситуации разрушается ранее неизбежная основа опуса — его содержание. Например, в серии оперных проектов «Европеры 1 и 2», «Европеры 3 и 4», «Европера 5» Дж. Кейджа встаёт вопрос о трансформации понятия «исполнение», которое традиционно было связано с раскрытием содержания произведения в соответствии с авторским замыслом. Оперный спектакль теперь входит в область арт-практик и подобно авангардным работам становится эпатажным актом, где исполнительский акцент может быть перенесён с результата деятельности на процесс.

Важнейшим свойством современной оперы становятся и повторяемые минималистские структуры.

Их применение призвано подчеркнуть образующую дистанцию — смысловой разрыв между сценической и музыкальной драматургиями, между текстами вербальными, визуальными и музыкальными. В операх Ф. Гласса и С. Райха повторения эти укладываются в рамки репетитивных техник классического минимализма. В сочинениях М. Монк, Т. Дуна, Л. Андриессена композиционные структуры вуалируются благодаря наложению на них импровизационных фрагментов либо их соединению с иными стилизованными лексемами (ил. 3).

Документалистика и процессы обновления оперного жанра

В не меньшей степени, чем разнородная гибридизация, процессу жанрового обновления современного музыкального театра способствует расширение контактов с реальностью, нашедшее своё выражение в явлении музыкальной документалистики. Как известно, волна интереса к сюжетам и образам подлинной действительности в XX в. охватила поистине все области художественного твор-

чества. В век экранной культуры, следуя по стопам видеоарта и опираясь на опыт документального кинематографа, композиторы начинают включать в свои сочинения самые разные документальные источники: аудио- и видеointервью, архивные фотографии и видеозаписи, исторические документы и т.п. Они получают не только визуальное, но и специфическое музыкальное воплощение посредством ряда новых приёмов. Таковы оперы Дж. Адамса «Никсон в Китае», «Смерть Клингхоффера», «Я смотрел на потолок и вдруг увидел небо», «Доктор Атомный», Ф. Гласса «Водородный музыкальный автомат», Э. Зальцмана «Последние слова Голландца Шульца» и другие (ил. 4).

Несомненной вершиной этой линии развития становятся оперы С. Райха «Три истории» и «Пещера». Исследователь отмечает: «Райх создаёт нечто большее, чем транслирование однозначного сообщения, заключённого в тексте, он вскрывает

его многозначность» [4, с. 135]. Анализ видео- и музыкальной составляющих документальных оперных сочинений выявляет причину этого, она заключена во взаимобогащении арсенала художественных приёмов одного искусства за счёт другого: видео получает музыкальную трактовку, а аудио – визуальную, что расширяет общее представление о возможностях синтеза разных искусств в рамках музыкального театра [см. об этом, например: 5] (ил. 5).

Трансформация оперы под воздействием аудио- и видеотехнологий

Важным фактором, способствующим появлению новых жанровых разновидностей современной оперы, является *развитие аудио- и видеотехнологий*. Подчеркнём, что музыка всегда была связана с технологиями. «Использование технологий в музыке уходит в далёкое прошлое,

(play composer's vocal motives in pitch A, E, B, F# and C#)

(2)

(3) Reeds (insect song)

Cym. (♩ = 60)

(6)

(1) Pipa (bird's song) very high register

Bowed Cym.

(4)

Water Gongs

(5)

Liu:
Raindrops disperse from plantain leaves. Breezes cease to ruffle Peony Tips

Surely some grieving owner absent far fills this place with sorrowful memories; try as you may to forget, each turn of path by mound or pool captures your thought again.

CD 4
(Composer)

Ил. 3. Тан Дун. Опера «Пионовая беседка». Сцена «Весна».

Тема включает вокальную импровизацию, записанную на CD, и объяснение метода, согласно которому музыканты должны самостоятельно определить, как будут развиваться мелодия, ритм, каким образом могут координироваться и взаимодействовать голоса и инструменты

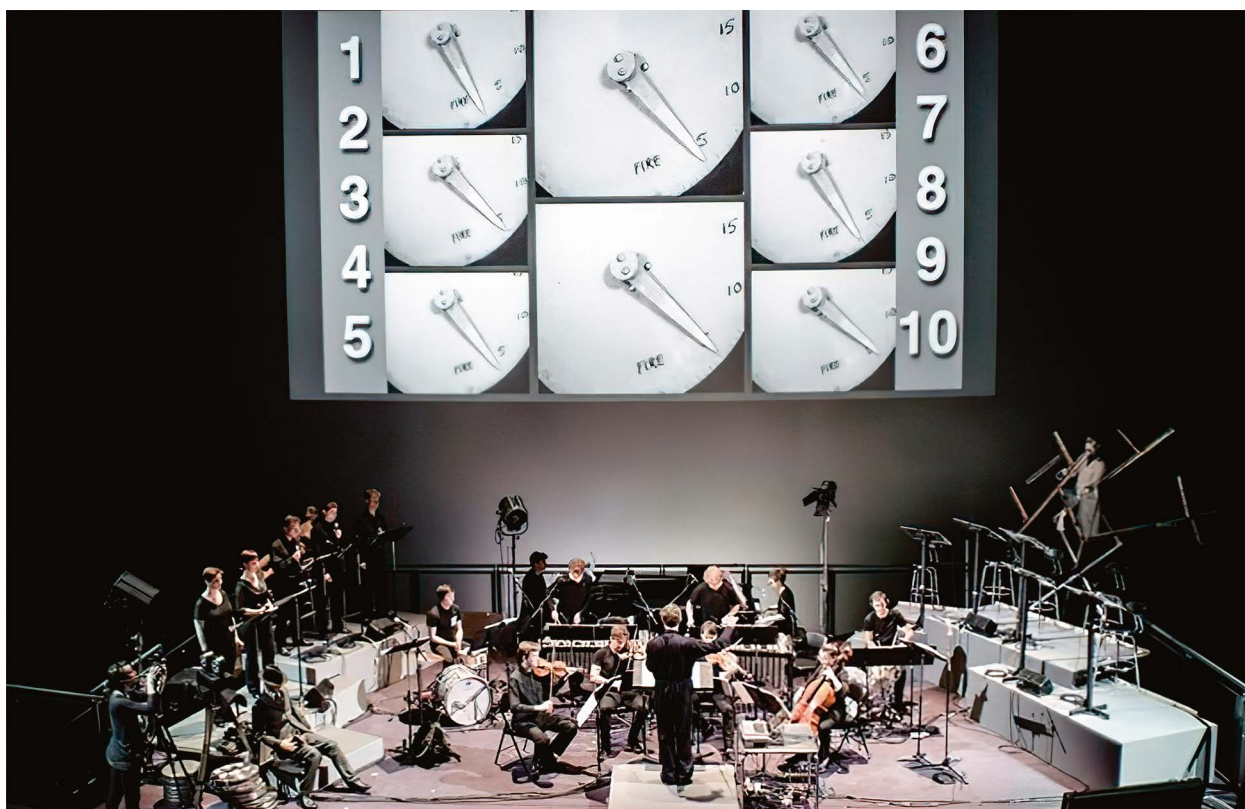
Ил. 4. Дж. Адамс. Документальная опера «Никсон в Китае»

ведёт своё начало от отверстий, просверленных в костях животных, из которых сделаны первые флейты... Но никакие из технических достижений не обходятся без пальцев и дыхания», — отмечают исследователи, подчёркивая роль человека не только как автора технологий, но, прежде всего, как музыканта-творца, способного вдохнуть жизнь в созданные с их помощью устройства — от первых флейт до современных компьютеров [6, с. 284]. В силу этого вопрос о том, насколько велика роль технологий в трансформации оперного жанра, фокусирует внимание на эволюционных процессах жанра.

Изобретение и широкое распространение радио привели к появлению такой разновидности, как радио-опера. Отсутствие какого-либо визуального фактора, полная сосредоточенность на звуке привлекли многих выдающихся композиторов XX и XXI вв. — от Б. Бриттена («Тёмная башня»), П. Хиндемита («Полёт Линдберга»), Л. Ноно («Нетерпимость») до Э. Кон («1 Plum Sq») и Р. Сакстона («Вечный жид») и др. Анализ большого корпуса радио-опер позволил выявить специфиче-

ские черты данной разновидности, такие как камерность, хроникальность — структурирование на небольшие и быстро сменяемые сцены, отказ от развёрнутых вокальных номеров в пользу диалогичности, расширение звукового материала, способствующего созданию «аудиальных декораций», и спектра голосовых приёмов — от шёпота до крика, включая приёмы голосового «грима», реализуемые посредством технических средств звукозаписи.

Не менее значимой вехой в истории оперного жанра стало развитие телевизионных технологий. Об особой роли ТВ, начиная со второй половины XX в., пишут многие исследователи. Так, К. Ганн подчёркивает: «Абсолютно очевидно, что наша нынешняя культурная формация насыщена и доминируема репрезентацией массмедиа в целом и телевидением в частности» [7, с. 158]. С. Тичи утверждает, что ТВ «превзошло свою идентичность как определённый медиум и пронизало культуру как “телевизуальность”» [8, с. 3]. Столь мощное явление не могло не оказать влияния на оперу, его необычность

Ил. 5. Стив Райх. Документальная опера «Три истории»

стимулировала композиторов к освоению новой телевизионной среды. Результат их деятельности имел два следствия: создание телеоперы как особого жанрового подвида и трансформация оперы под воздействием новых ТВ-форматов.

Одним из первопроходцев жанра телеоперы стал Роберт Эшли. Исследователь отмечает: «Делая вызов как медиа, так и стилистическим нормам, оперы Эшли представляют собой современный поиск оперной формы, которая охватывает оперу и ТВ как культурные практики и отражает доминирование ТВ в ландшафте сегодняшних медиа» [9, с. 537]. По настоящему экспериментальным сочинением, в котором органично соединены культурные практики оперы и ТВ, стало сочинение Р. Эшли «Идеальные жизни», решённое в формате телесериала. В его основе находятся события из жизни простых людей, чем обусловлена и музыкальная стилистика, связанная с обращением к масскультуре через тембровую

окраску музыки и её жанровую основу — опору на рок с его чёткой ритмической пульсацией и речевые практики (дикторская речь).

Показателен и обратный процесс: влияние телевидения на сценические оперные сочинения. Ярким образцом подобного синтеза является опера в формате ток-шоу. Автор этого уникального в своём роде проекта — американский композитор Майкл Рауз, осуществивший подобный синтез в опере «Деннис Кливленд» (ил. 6). Показательно, что и последние оперы Р. Эшли, написанные для сцены на рубеже XX–XXI вв. — «Пыль», «Астрономические экскурсии» и «Сделанные из бетона», полностью сохранили телевизионную стилистику, которая была выработана композитором в его произведениях, созданных в жанре телеоперы, возможно поэтому они именуются как медиаоперы.

Эра компьютера — следующий виток в преобразовании музыкального театра

под воздействием технологий. Технический прогресс превратил композитора в Демиурга, власть которого над художественной материей – цветовой, световой и любой другой – безгранична, предел её совпадает с пределом фантазии художника, её творящего. Новые технические ресурсы – сценические, звуковые, цвето-световые, как и возможности смешения элементов разных типов представлений – драматического, оперного, инструментально-театрального, перформативного, инсталляционного, циркового, порождают некий субстрат – питательную среду для всё новых идей. Их реализация посредством медиа формирует музыкально-театральные миксты, пока не имеющие чёткого терминологического определения в силу своей ярко индивидуальной как технически-ресурсной базы, так и музыкально-художественной. Палитра возможных смешений такова, что рождает новое качество музыкального спектакля, именуемого за множественность компонентов театром смешанных средств.

Данный термин, введённый в музыковедческий обиход с лёгкой руки Ричарда Костелянца [10], может быть и несовершенен, но отражает качественно новый уровень развития современного музыкального театра, характеризующегося мощной инновационной составляющей. Рассматривая такого рода образцы, о театре смешанных средств говорят Э.Зальцман и Т.Дези [6, с. 293], указывая, что с развитием электро- и компьютерных звуковых, а также визуальных мультимедийных технологий кардинально сменилась эстетическая позиция в оценке всех элементов: музыки, цвета, света, кинографики и пр. как равнозначного комплекса средств в воплощении художественного замысла.

Выразительный потенциал, который предлагают технические средства последнего поколения, таков, что исследователи справедливо отмечают: «Сложность этого безграничного поля не позволяет осознать все возможности, которые лишь отчасти были реализованы в последние

Ил. 6. Майкл Рауз. Опера в формате ТВ-шоу «Деннис Кливленд»

десятилетия» [6, с. 101]. В ряду произведений, раскрывающих эти новые возможности, опера М.Сквилланте «Крылья Дедала», музыкально-театральные произведения Х.Гёббельса «Макс Блек, или 62 способа подпереть голову рукой», «Вещи Штифтера», «Пейзаж с дальними родственниками», работы М.Лемье и В.Пилона (группа «Lemieux Pilon 4D Art»), работающих на основе разных видов искусств — театра, кино, видео, танца, поэзии, визуальных искусств, светового дизайна, музыки и шире — звуковых опытов, разработавших техники виртуальных видеопроекций с трёхмерными измерениями (ил. 7).

Современный мюзикл и академический музыкальный театр: сопряжения, взаимодействия, жанровые «миксты»

Ещё одно направление, способствующее жанровому обновлению оперного театра, связано с *контактами академического и массового искусства*, результатом чего стало развитие мюзикла. На рубеже XX–XXI вв. наблюдаются две тенденции, сформировавшиеся вследствие взаи-

модействия с двумя классическими моделями — большой и лирико-драматической оперой: «мегамюзиклы» и камерные мюзиклы. Родоначальником подобных проектов выступает Э.Ллойд-Уэббер («Кошки», «Звёздный Экспресс», «Призрак Оперы»). Результатом «диалога» мюзикла и лирико-психологической оперы выступают камерные мюзиклы — «экспериментальные» проекты, изначально корреспондирующие с определённой сферой позднеромантического (и постромантического) оперного театра. Следует напомнить, что для камерных опер (а также родственных им «опер малой формы») весьма характерно «сжатое, концентрированное действие при соответственно ограниченном числе персонажей. Обычно в основе названных опер лежит только одна сюжетная линия, побочные же... либо отсутствуют, либо эскизно намечены» [11, с. 111–112]. Эти черты наследует и камерный мюзикл, примерами чему являются мюзиклы С.Сондхайма «Компания», «Воскресенье в парке с Жоржем», Э.Ллойд-Уэббера «Расскажи мне в воскресенье», «Лики любви», «Женщина

Ил. 7. Опыты М. Лемье и В. Пилона (группа «Lemieux Pilon 4D Art») со сценическим пространством на основе компьютерной галографии. Orféo

в белом», Р. Коччанте «Маленький Принц», Т. Китт «Приближаясь к норме» и др. [12].

Перформанс и академический музыкальный театр: возможности взаимодействия

Мощным источником, трансформирующим традиционные жанровые музыкально-театральные форматы, становится *перформативность*. В настоящем исследовании перформанс понимается как театрализованная форма представления, альтернативная традиционному спектаклю. Позиция эта активно разрабатывается в области современного зарубежного искусствознания и представлена, например, в исследовании Э. Фишер-Лихте [13].

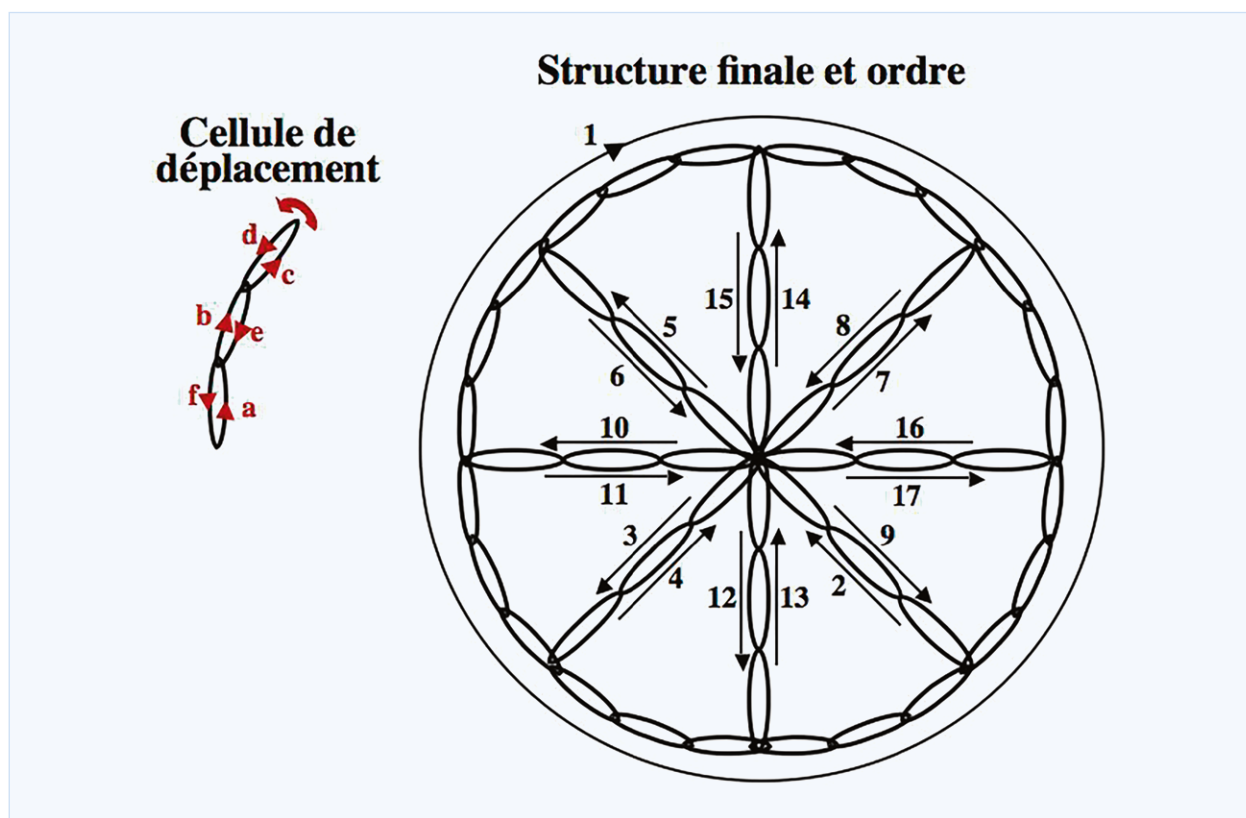
Отметим, что перформанс оказал мощное воздействие как на оперу, так и на сценический танец. Воплощение художественных особенностей перформанса в оперном жанре позволило композиторам взглянуть на него под новым углом зрения. В основе произведений Л. Ноно («Прометей»), П. Аблингера (городские оперы «Грац», «Буэнос-Айрес», пейзажная опера «Ульрихсберг»), М. Монк («Судно») перформанс и сайт-специфик перформанс (в его основе лежит концептуальный «принцип взаимосвязи между содержанием работы и пространством её репрезентации») заменяют традиционное оперное представление [14, с. 50]. В отличие от академического спектакля, опирающегося на завершённый текст, перформанс представляет собой художественное событие. Его рождение и развитие происходят при непосредственном участии зрителя. Последний может не только интерпретировать, но и конструировать содержание сочинения.

Перформанс изменил и восприятие музыкально-хореографического искусства. В центре внимания композиторов и хореографов оказался язык тела. Усиление перформативного характера физических действий исполнителя было призвано сформировать в сознании зрителя ассоциации с определёнными социокультур-

ными проблемами (таковы работы «Зона контактов» П. Бауш, «Триллиум» Т. Браун, «Розы танцуют Роз» А.Т. де Кеерсмакер, «16-миллиметровые серьги» М. Монк). В музыкально-хореографическом перформансе подверглось переосмыслению ключевое для искусства понимание хронотопа. Пространство обрело гибкость и множественность измерений («Синяя студия», «Местоположение», «Каналы/Вставки», «Мерс» М. Каннингема), психологическую насыщенность («Соло» Т. Браун, «Квартира» С. Пакстона). Всевозможные манипуляции со временем – его замедление («Сок» М. Монк), остановка («Знаки», «Тигры в чайном домике» К. Карлсон), дробность и сегментирование («Зимняя ветка» М. Каннингема), разрывание («Сборка» М. Каннингема), симульганность («Фракции I» М. Каннингема) оказались направлены на зрительский процесс исследования времени как психофизиологического феномена [подробнее об этом см.: 15].

Особый интерес представляет модель континуального времени, воплощённая в постановках А.Т. де Кеерсмакер и С. Райха. Например, серия перформансов «Фазы» основана на повторяющихся жёстких структурах, демонстрирующих процесс развития музыкального и танцевального паттернов. Идея растворения индивидуального начала во временном потоке выражается, в том числе, через общее круговое направление движения, которое создаёт иллюзию бесконечного кружения (ил. 8).

Итак, в музыкальном театре последней четверти XX – начала XXI в. произошли значительные перемены, запустившие процесс обновления академических музыкально-театральных жанров. Обозначенные векторы этого процесса существенно раздвинули рамки музыкально-театральной жанровой палитры. Влияние масскульта определило интерес композиторов к воплощению сюжетов и тем, связанных с важными социальными событиями. «Отвечая» на эти содержательные новшества в опере и балете – матричных музыкально-театральных жан-

Ил. 8. А.Т. де Кеерсмакер. Перформанс «Скрипичная фаза» из серии «Фазы». Схематичное изображение траектории движения

рах, совершаются крупные стилевые открытия, обусловленные внедрением художественных концепций музыкального экспериментализма, концептуализма, минимализма, под воздействием которых складываются новые приёмы работы со звуком и сценическим жез-

лом, определяются принципы взаимодействия текстов музыкальных, вербальных, визуальных. Всё это позволяет делать вывод о том, что сфера музыкального театра остаётся экспериментальной, продолжая притягивать исследовательский интерес.

ЛИТЕРАТУРА

1. Novak J. From Minimalists Music to Postopera: Repetition, Representation And (Post) Modernity in the Operas of Philip Glass and Louis Andriessen // The Ashgate Research Companion to Minimalist and Postminimalist Music / Ed. Keith Potter, Kyle Gann and Pwill ap Sion. London: Routledge, 2016. P. 129–140.
2. Крылова А.В. Современный музыкальный театр в многообразии жанровых решений // Южно-Российский музыкальный альманах. 2017. № 4. С. 84–89.
3. Ганул Н.Г. Немцова-Амбарян С.Н. «Новый синтез» в музыкальном театре Беларуси (на примере творчества Е. Глебова и С. Кортеса) // Проблемы синтеза искусств в музыкальной культуре / Ред. А.В. Крылова. Ростов н/Д: Издательство РГК им. С.В. Рахманинова, 2016. С.130–143.
4. Бакуменко М.Н. Документальный видеомузыкальный театр Стива Райха в контексте коммуникативных поисков минимализма: Дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 2012.

5. Шорникова А.В. О взаимодействии аудио- и видеорядов в сочинении «Три истории» Стива Райха – Берил Корот // Проблемы музыкальной науки. 2017. № 3. С. 20–27.
6. Salzman E., Desi T. The New Music Theater. Oxford University Press, Inc., 2008.
7. Gann K. American Music in the Twentieth Century. Schirmer Books, 1997.
8. Tichi C. Electronic Hearth: Creating on American Television Culture. New York: Oxford University Press, 1991.
9. Michaels B. Opera for the Media Age: Composer Robert Ashley on Television Opera. The Opera Quarterly. Volume 22, Issue 3–4, 1 July 2006. P. 534–537.
10. Kostelanetz R. The theatre of mixed-means: an introduction to happening, kinetic environments and other mixed-means presentations. RK Editions, 1980.
11. Розенберг Р.М. Русская опера малой формы конца XIX – начала XX века // Русская музыка на рубеже XX века: Статьи, сообщения, публикации. М.; Л.: Музыка, 1966. С. 111–112.
12. Андрущенко Е.Ю. Синтезирующие тенденции в мюзикле и рок-опере второй половины XX – начала XXI века: Монография. Ростов н/Д: Издательство РГК им. С.В. Рахманинова, 2018.
13. Fischer-Lichte E., Arjomand M., Mosse R. The Routledge Introduction to Theatre and Performance Studies. London and New York: Routledge, 2014.
14. Кисеев В.Ю. Сайт-специфик перформанс в творчестве Мередит Монк // Южно-Российский музыкальный альманах. 2018. № 4. С. 47–52.
15. Кисеева Е.В. Музыкально-хореографический перформанс как актуальная форма музыкального театра // Южно-Российский музыкальный альманах. 2017. № 4. С. 90–95.

ENGLISH

Music Theatre between the 20th and 21st Centuries: Problem of Genre Update

Aleksandra Vladimirovna Krylova – Doctor of Science (Culture), Vice-Rector for Academic Affairs, Rostov State Rachmaninov Conservatoire, supervisor of the project “Music Theatre between the 20th and 21st Centuries: Problem of Genre Update” (17-04-00198a).

E-mail: a.v.krilova@rambler.ru

Elena Vasilyevna Kiseeva – Doctor of Science (Art History), Professor at Rostov State Rachmaninov Conservatoire, Professor at Academy of Architecture and Arts Southern Federal University, researcher in mentioned project.

E-mail: e.v.kiseeva@mail.ru

The article describes the findings of the study of the most significant trends in the development of modern music theatre, resulting in the update of its genres. Influenced by the surge of theatrical creativity in culture, development of digital and interactive technologies and mass media, and other processes between the 20th and 21st centuries, major stylistic discoveries were made, as well as new forms of music stage performance occurred. The author is focused on areas of the modern music theatre, poorly studied by the national music history, such as: television and radio shows, documentary theatre, musical and choreographic performance, mixed media music theatre. Based on their analysis, the article defines basic directions for further development of theatrical and musical genres, i.e. to update traditional genre models from the inside by searching for special forms of genre and style fusion and non-musical playwright forms, combination with screen arts and with real life. The article addresses new forms of theatrical and musical performance, including live art performance, matters of time and space, reinterpretation of the role of the audience, the establishment of environment for various connotations, as well as music and generally aesthetic issues.

Keywords: genre, opera, music theatre, music documentary, musical, stage dance

REFERENCES

1. Novak J. From Minimalists Music to Postopera: Repetition, Representation And (Post) Modernity in the Operas of Philip Glass and Louis Andriessen // The Ashgate Research Companion to Minimalist and Postminimalist Music / Ed. Keith Potter, Kyle Gann and Pwill ap Sion. London: Routledge, 2016. P. 129–140.
2. Krylova A.V. Sovremennyy muzykal'nyy teatr v mnogoobrazii zhanrovyykh resheniy // Yuzhno-Rossiyskiy muzykal'nyy al'manakh. 2017. № 4. S. 84–89 (in Russian).
3. Ganul N.G. Nemtsova-Ambaryan S.N. «Novyy sintez» v muzykal'nom teatre Belarusi (na primere tvorchestva E. Glebova i S. Kortesa) // Problemy sinteza iskusstv v muzykal'noy kul'ture / Red. A.V. Krylova. Rostov n/D: Izdatel'stvo RGK im. S.V. Rakhmaninova, 2016. S. 130–143 (in Russian).
4. Bakumenko M.N. Dokumental'nyy videomuzikal'nyy teatr Stiva Raykha v kontekste kommunikativnykh poiskov minimalizma: Dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Novosibirsk, 2012.
5. Shornikova A.V. O vzaimodeystvii audio- i videoryadov v sochinenii «Tri istorii» Stiva Raykha – Beril Korot // Problemy muzykal'noy nauki. 2017. № 3. S. 20–27 (in Russian).
6. Salzman E., Desi T. The New Music Theater. Oxford University Press, Inc., 2008.
7. Gann K. American Music in the Twentieth Century. Schirmer Books, 1997.
8. Tichi C. Electronic Hearth: Creating on American Television Culture. New York: Oxford University Press, 1991.
9. Michaels B. Opera for the Media Age: Composer Robert Ashley on Television Opera. The Opera Quarterly. Volume 22, Issue 3–4, 1 July 2006. P. 534–537.
10. Kostelanetz R. The theatre of mixed-means: an introduction to happening, kinetic environments and other mixed-means presentations. RK Editions, 1980.
11. Rozenberg R.M. Russkaya opera maloy formy kontsa XIX – nachala XX veka // Russkaya muzyka na rubezhe XX veka: Stat'i, soobshcheniya, publikatsii. M.; L.: Muzyka, 1966. S. 111–112 (in Russian).
12. Andrushchenko E.Yu. Sinteziruyushchie tendentsii v myuzikle i rok-opere vtoroy poloviny XX – nachala XXI veka: Monografiya. Rostov n/D: Izdatel'stvo RGK im. S.V. Rakhmaninova, 2018 (in Russian).
13. Fischer-Lichte E., Arjomand M., Mosse R. The Routledge Introduction to Theatre and Performance Studies. London and New York: Routledge, 2014.
14. Kiseev V.Yu. Sayt-spetsifik performans v tvorchestve Meredit Monk // Yuzhno-Rossiyskiy muzykal'nyy al'manakh. 2018. № 4. S. 47–52 (in Russian).
15. Kiseeva E.V. Muzykal'no-khoreograficheskiy performans kak aktual'naya forma muzykal'nogo teatra // Yuzhno-Rossiyskiy muzykal'nyy al'manakh. 2017. № 4. S. 90–95 (in Russian).

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

К.И. АНАНЬЕВА*

Особенности межличностного восприятия в коммуникативной ситуации

Представлены результаты исследования индивидуальной и совместной оценки индивидуально-психологических черт человека по изображению его лица, выполненного в Республике Тыва. Полученные данные показывают, что существуют значимые различия в оценке личностных характеристик по изображению лица человека в индивидуальной и совместной ситуации вынесения межличностных суждений, однако эти различия связаны с определением конкретных индивидуально-психологических характеристик. Обнаружена обратно пропорциональная взаимосвязь точности и субъективной сложности оценки индивидуально-психологических особенностей людей разных рас.

Ключевые слова: межличностное восприятие, лицо человека, ситуация оценки, расовый тип лица, точность оценки, субъективная сложность оценки

В современной отечественной и зарубежной психологии существует довольно много работ, посвящённых изучению восприятия человека человеком в широком понимании данного процесса.

Выполненные исследования показывают, что даже при недолговременном зрительном контакте люди могут весьма эффективно оценить индивидуально-

психологические качества другого человека, его эмоциональное состояние и намерения. Известно, что процесс межличностного восприятия подвержен действию различных социальных стереотипов, а на точность межличностных оценок влияют половая и расовая принадлежность коммуникантов, возраст, опыт общения и контекст социального взаимодействия с представителями

* **Ананьева Кристина Игоревна** — кандидат психологических наук, доцент, научный сотрудник ФГБУН Институт психологии РАН, руководитель проекта «Закономерности организации межличностного восприятия в ситуациях коммуникативного взаимодействия» (17-36-01140a2).
E-mail: ananyevaki@ipran.ru

различных этнических групп, а также ряд личностных особенностей [1].

Такого рода исследования выполняют преимущественно в ситуациях «индивидуальной перцептивной деятельности», где изучается, как один человек оценивает другого при непосредственном или викарном восприятии (см. напр. [2–4]). Однако довольно часто межличностное восприятие протекает именно в рамках «много-субъектного», т.е. коммуникативного, взаимодействия.

Ещё в 1970–1980 гг. Б.Ф.Ломов сформулировал общепсихологическую концепцию общения, в рамках которой было показано, что совместное решение задач существенно меняет ход процесса познания. Коммуникативно-когнитивный подход, предложенный Б.Ф.Ломовым, опирается на системные представления, согласно которым общение и познание составляют единство, особую целостность, где общение играет роль основания когнитивных процессов. Понимаемые как формы субъективного отражения действительности [5], познавательные процессы в совокупности образуют познавательную сферу человека. Она представляет собой многомерное иерархически организованное развивающееся целое, функциональные компоненты которого имеют общий корень и онтологически неразделимы. Благодаря познавательной сфере осуществляются ориентация живого организма в среде и регуляция его активности.

Когнитивные процессы детерминированы системно и сами участвуют в детерминации социальных, биологических и многих других процессов. Одним из таковых является коммуникативный процесс. Нетождественность когнитивных позиций, познавательного отношения к объекту (и/или другому субъекту) у двух или более индивидов само служит одним из условий возникновения коммуникативной ситуации [6]. В этом смысле познание выступает одним из оснований общения: перцептивные, мнемические, речевые, мыслительные

и другие познавательные процессы иницируют и по мере развития направляют, регулируют процесс общения, постоянно переопределяя его и, с другой стороны, оказываясь связанными с ним как со своим основанием. Такое чередование ролей познания и общения в конкретном коммуникативном процессе свидетельствует о том, что они связаны не причинно-следственными, а системными отношениями. Соответственно, любая коммуникативная ситуация является одновременно и когнитивной, равно как и коммуникативный процесс — когнитивно-коммуникативным [7].

Использование данного теоретического подхода позволяет выделить новые грани феномена межличностной перцепции, в том числе не потерять того, что восприятие человека человеком — это социально опосредованная деятельность.

Целью настоящего исследования является изучение особенностей межличностного познания человека другими людьми в ситуации индивидуального и совместного восприятия его внешности. Использование ситуации совместной оценки индивидуально-психологических особенностей человека по выражению его лица позволит получить дополнительную информацию об особенностях межличностного восприятия.

Процедура и методы исследования

Стимульный материал

В данной работе мы использовали цветные фотоизображения лиц (ил. 1), апробированные в наших предыдущих исследованиях [8].

Моделями-натурщиками выступили четыре представителя европеоидной (среднерусской) и четыре представителя монголоидной (среднеазиатской) групп, поровну представленные мужчинами и женщинами.

Натурщики, отобранные для исследования, прошли психодиагностическое обследование с использованием 21 шкалы ме-

Ил. 1. Стимульный материал исследования

тодики «Личностный дифференциал» (далее – ЛД). Для верификации адекватности их самооценки мы обратились к «экспертам» – их знакомым и близким с просьбой оценить натурщиков по тем же шкалам ЛД.

Участники исследования

В исследовании приняли участие 30 туvinцев (56% женщин и 44% мужчин) в возрасте от 18 до 48 лет, проживающих в г. Кызыл (Республика Тыва).

Процедура исследования

Исследование включало несколько этапов.

На первом этапе каждому участнику исследования предлагалось оценить выраженность своих индивидуально-психологических особенностей по шкалам методики ЛД. Затем испытуемому, индивидуально размещённому перед компьютером, демонстрировались в псевдослучайном порядке фотоизображения лиц натурщиков, индивидуально-психологические характеристики которых требовалось оценить по шкалам методики ЛД.

Время экспозиции стимульных фотоизображений не ограничивалось.

На втором этапе исследования, который проводился спустя две недели, участники были случайным образом разделены на пары. Диаде участников, размещённой за одним компьютером, предъявлялись в псевдослучайном порядке те же фотоизображения натурщиков, что и на первом этапе. Задачей испытуемых было договориться и совместно определить выраженность индивидуально-психологических особенностей по предложенным шкалам методики ЛД. Время экспозиции фотоизображений и процесса совместного обсуждения не ограничивалось.

Процедура анализа данных

Анализ данных осуществлялся методом сравнительных оценок личностных профилей [4], который состоит в сравнении оценок по шкалам профиля самооценки испытуемого (наблюдателя), личностного профиля человека, изобра-

жённому на фото (натурщика) и профиля оценки модели (оценочный профиль) испытуемым либо диадой участников исследования.

При анализе данных использовалась процедура перевода 7-бальной шкалы в 3-бальную систему оценок (-1, -2, -3 балла шкалы методики «Личностный дифференциал» перекодировались в -1, оценка 0 оставалась неизменной, 1, 2, 3 балла — перекодировались в оценку 1). Правомерность такой процедуры обсуждалась в наших предыдущих работах [9].

По полученным данным определялась *точность оценки* модели по каждой оценочной шкале, т.е. совпадение оценок в оценочном профиле и профиле натурщика. А также рассчитывалась частота обращения участников исследования к оценке 0, что косвенным образом указывает на *сложность оценки* конкретной личностной характеристики (см. [10, 11]).

Статистический анализ данных проводился с помощью пакета статистических программ SPSS20.0, с использованием описательных статистик, непараметриче-

ского критерия Т-Вилкоксона, метода дискриминантного анализа и расчёта значения коэффициента корреляции Спирмана.

Независимыми переменными выступили:

- ситуация оценки индивидуально-психологических особенностей (индивидуальная оценка / совместная оценка);

- морфологический (расовый) тип лица модели.

Зависимые переменные:

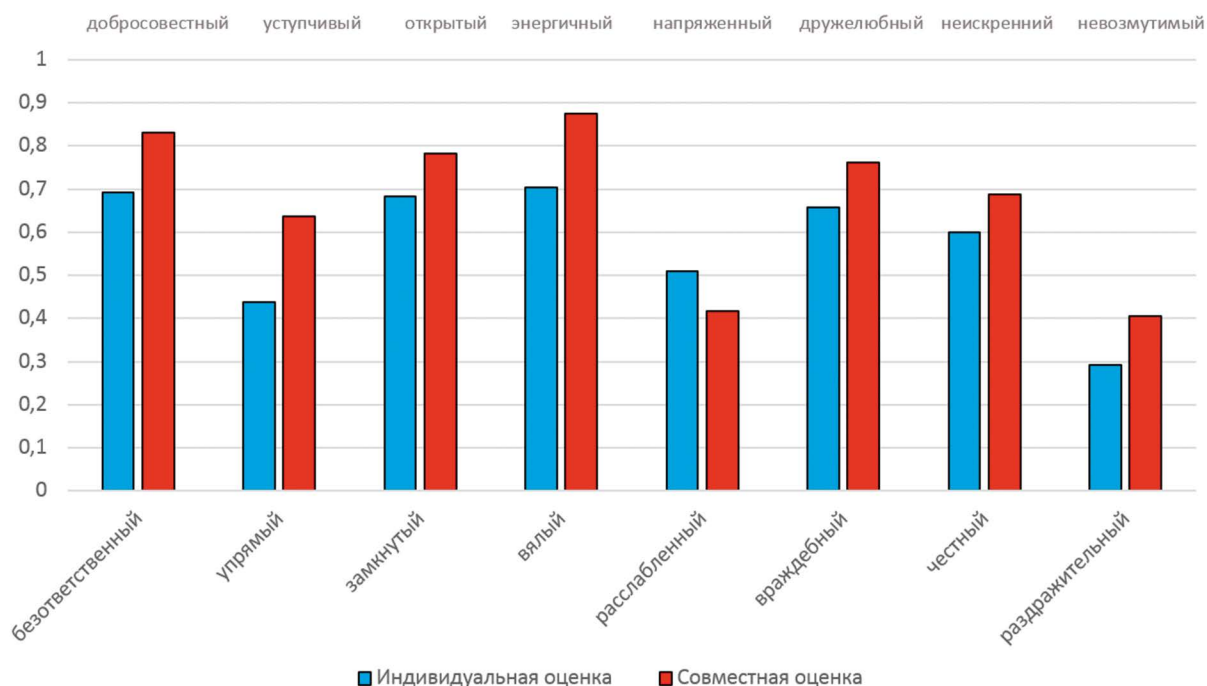
- точность оценки индивидуально психологических черт модели;

- сложность оценки конкретной индивидуально-психологической черты.

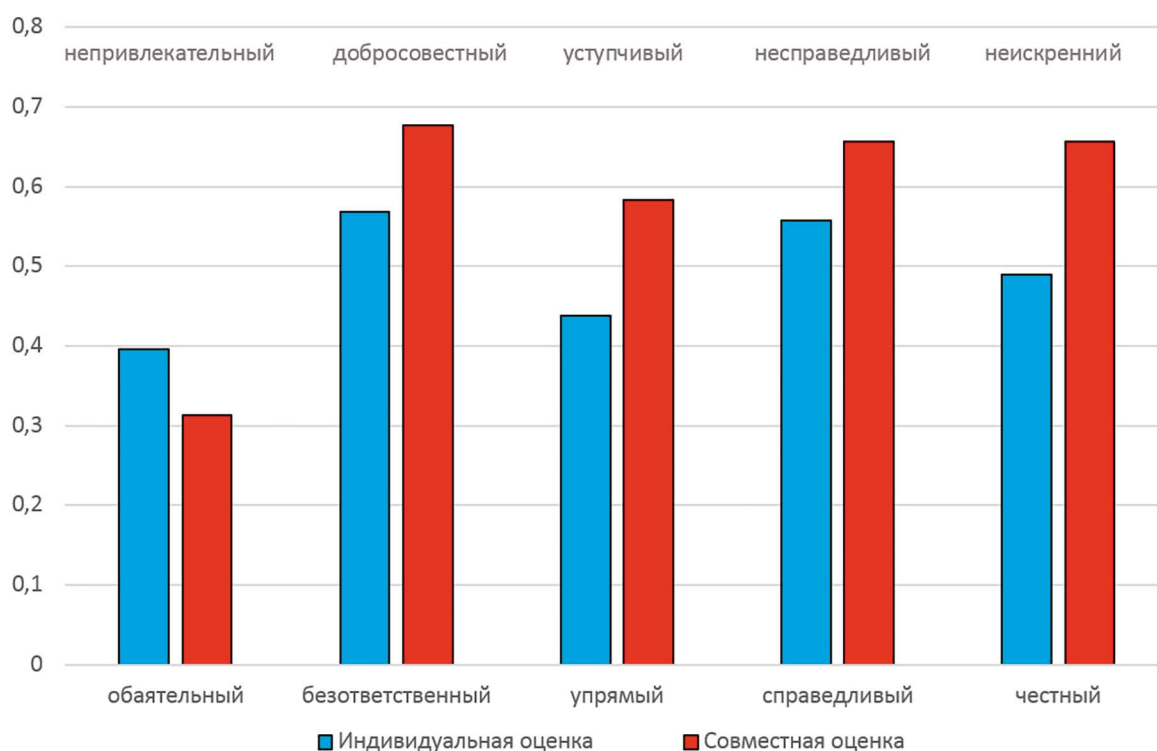
Результаты исследования и их обсуждение

Точность оценки индивидуально-психологических черт представителей разных рас по изображению лица

Анализ данных, выполненный для независимой переменной «раса натурщика», показал статистическую значимость различий ситуаций восприятия личностных особенностей человека для восьми

Ил. 2. Точность оценки индивидуально-психологических черт по изображению лиц европеоидного типа

Ил. 3. Точность оценки индивидуально-психологических черт по изображению лиц монголоидного типа

шкал в случае оценки европеоидных лиц и для пяти шкал при оценке монголоидных лиц (ил. 2 и 3).

Возможность обсудить с партнёром своё впечатление о человеке *европеоидного типа*, изображённом на фото, повышает точность оценки по шкалам «безответственный – добросовестный» ($Z = -3,52$ при $p < 0,001$), «упрямый – уступчивый» ($Z = -4,15$ при $p < 0,001$), «замкнутый – открытый» ($Z = -2,32$ при $p = 0,020$), «вялый – энергичный» ($Z = -4,53$ при $p < 0,001$), «враждебный – дружелюбный» ($Z = -2,39$ при $p = 0,017$), «честный – неискренний» ($Z = -2,05$ при $p = 0,041$) и «раздражительный – невозмутимый». И лишь для шкалы «расслабленный – напряжённый» ($Z = -1,96$ при $p = 0,05$) наблюдается тенденция к более точной оценке человека в случае выполнения задачи индивидуально.

Среди перечисленных шкал три относятся к фактору «Оценка», три – к фактору «Активность» и два – к фактору «Сила». Иными словами, организация ситу-

ации оценки личностных характеристик представителей другой расовой группы значимым образом отражается на оценке его направленности (экстра/интроверсия), самооотношения и волевых характеристиках личности [12].

У лиц монголоидного типа (аутентичной расовой группы для наших испытуемых) более точно оцениваются «безответственность – добросовестность» ($Z = -2,64$ при $p = 0,008$), «упрямство – уступчивость» ($Z = -3,21$ при $p = 0,001$), «справедливость – несправедливость» ($Z = -2,39$ при $p < 0,017$) и «честность – неискренность» ($Z = -3,67$ при $p < 0,001$) в ситуации совместного принятия решения о выраженности указанных черт. А «обаятельность – непривлекательность» ($Z = -2,10$ при $p = 0,036$) точнее определяется при индивидуальном решении экспериментальной задачи.

При восприятии лиц представителей своей расовой и этнической группы более чувствительными к изменению ситуации оценивания оказываются шка-

лы методики ЛД, относящиеся к фактору «Оценка» (4 из 5), т.е. коммуникативная ситуация восприятия другого – третьего человека, позволяет более точно оценить самоудовлетворённость оцениваемого человека [12].

В целом более точно респонденты из Тывы оценивали лица европеоидного типа (табл. 1) как в ситуации индивидуальной оценки ($Z = -4,197$ при $p < 0,001$), так и в ситуации совместной деятельности ($Z = -5,817$ при $p < 0,001$). Это противоречит результатам исследования эффекта другой расы (см. обзор [13]), но подтверждает обнаруженные нами ранее тенденции [14, 15]. По суммарным данным (всем шкалам методики ЛД) точность оценки индивидуально-психологических особенностей натурщиков-европеоидов возрастает статистически значимо в ситуации совместной оценки ($Z = -3,282$ при $p = 0,001$). Для оценки лиц своей (монголоидной) расы) подобных статистически значимых различий не зарегистрировано ($Z = -1,184$ при $p = 0,236$).

Субъективная сложность самовосприятия и оценки индивидуально-психологических черт человека по выражению его лица

Ещё один этап анализа данных был связан с прояснением вопроса о том, оценка каких черт вызывает субъективные сложности у наблюдателя, индикаторами чего могут служить более длительное рассмотрение фотоизображений оцениваемого человека, а также обращение к средней отметке «0» на биполярной шкале [10].

Мы определили частоту обращения к оценке «0» в ситуациях индивидуального и совместного оценивания людей, изображённых на фото. Частотное распределение представлено на ил. 4.

В ситуации индивидуальной оценки человека по фотоизображению его лица средний показатель обращения к оценке «0» составляет от 10 до 22% случаев. Сложнее всего (большее число оценок «0») оцениваются такие шкалы, как «честность – неискренность» (фактор «Оцен-

ка») и «раздражительность – невозмутимость» (фактор «Активность»). Наиболее легко выносятся суждения по шкалам «разговорчивости – молчаливости» и «замкнутости – открытости» оцениваемого человека (обе характеристики относятся к фактору «Активность»).

При совместном выполнении экспериментальной задачи средний показатель обращений к оценке «0» составляет от 7 до 15% случаев, при этом сложнее всего оценивается шкала «раздражительный – невозмутимый» (фактор «Активность»), а наименьшие трудности наблюдаются для шкал «разговорчивый – молчаливый» (фактор «Активность»), «упрямый – уступчивый» (фактор «Сила») и «замкнутый – открытый» (фактор «Активность»).

Исходя из полученных данных можно предположить, что испытуемым-тувинцам легче оценивать индивидуально-психологические особенности моделей по изображению их лиц, относящихся к экстравертированной направленности личности [12].

Суммарный анализ (по всем шкалам) показывает, что ситуация индивидуальной оценки индивидуально-психологических характеристик по изображению лица человека является более сложной, чем ситуация совместной перцептивной деятельности ($Z = -3,82$ при $p < 0,001$). Так, в первом случае доля обращений к оценке «0» в среднем составляет 16%, а во втором – 11%.

Распределение частот встречаемости оценки «0» (табл. 2) при восприятии европеоидных и монголоидных лиц статистически значимо различается для ситуаций индивидуального и совместного оценивания ($\chi^2 = 292,3$ при $p < 0,001$ и $\chi^2 = 127,9$ при $p < 0,001$ соответственно).

При индивидуальной оценке личностных характеристик натурщиков европеоидов оценка «0» встречается от 5 до 27% случаев, реже нулевая оценка наблюдается по шкалам «сильный – слабый», «разговорчивый – молчаливый» и «замкнутый – открытый», а наиболее часто – «за-

Таблица 1

Суммарная точность оценки индивидуально-психологических характеристик человека по выражению его лица

Тип лица	Ситуация оценки	Min	Max	M	SD
Европеоидный	Индивидуальная оценка	0,00	18,00	10,81	3,53
	Совместная оценка	3,00	18,00	11,83	2,95
Монголоидный	Индивидуальная оценка	0,00	20,00	9,54	4,024
	Совместная оценка	3,00	17,00	10,11	3,54

висимый – независимый», «справедливый – несправедливый», «чёрствый – неискренний» и «раздражительный – невозмутимый».

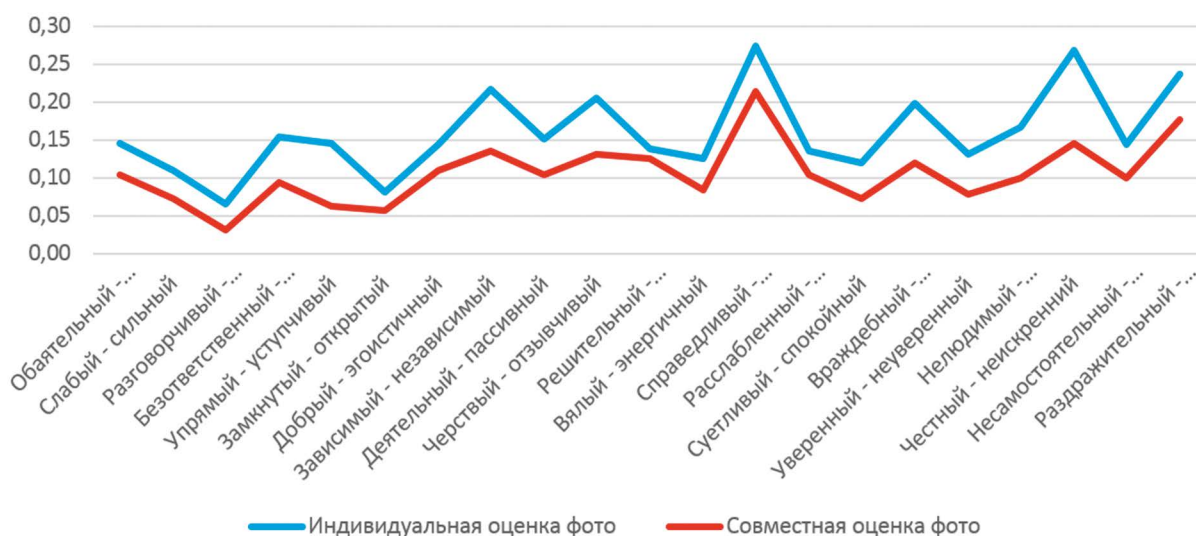
В случае совместной оценки индивидуально-психологических характеристик по изображениям лиц европеоидного типа, частота встречаемости нулевых оценок варьирует от 1 до 20%, легче оцениваются характеристики «разговорчивый – молчаливый» и «нелюдимый – общительны», сложнее – «справедливый – несправедливый» и «раздражительный – невозмутимый».

При индивидуальной оценке личностных характеристик монголоидов оценка ноль встречается в диапазоне от 7 до 30% случаев, реже нулевая оценка встречается по шкалам «разговорчивый – молчали-

вый», «замкнутый – открытый» и «вялый – энергичный», а наиболее часто – «зависимый – независимый», «чёрствый – отзывчивый», «справедливый – несправедливый» и «честный – неискренний».

В ситуации совместной оценки индивидуально-психологических характеристик монголоидов частота встречаемости нулевых оценок варьирует от 4 до 23%, нули реже встречаются при оценке шкал «разговорчивый – молчаливый», «упрямый – уступчивый», «замкнутый – открытый» и «суетливый – спокойный», чаще – при оценке по шкалам «зависимый – независимый», «справедливый – несправедливый» и «раздражительный – невозмутимый».

В целом ситуация индивидуальной оценки психологических характеристик

Ил. 4. Распределение частот встречаемости оценки «0» по шкалам методики «Личностный дифференциал»

Таблица 2

**Распределение частот встречаемости оценки
«0» по шкалам методики ЛД**

Тип лица Ситуация оценки	Европеоидные		Монголоидные	
	Индивидуальная оценка	Совместная оценка	Индивидуальная оценка	Совместная оценка
Обаятельный - непривлекательный	9,9	9,38	19,3	11,5
Слабый - сильный	7,81	6,25	14,1	8,33
Разговорчивый - молчаливый	5,73	1,04	7,29	5,21
Безответственный - добросовестный	14,6	6,25	16,7	11,5
Упрямый - уступчивый	14,6	6,25	14,6	6,25
Замкнутый - открытый	7,29	7,29	8,85	4,17
Добрый - эгоистичный	12,5	7,29	16,1	14,6
Зависимый - независимый	20,8	7,29	22,4	19,8
Деятельный - пассивный	14,1	7,29	16,1	13,5
Чёрствый - отзывчивый	18,2	9,38	22,9	16,7
Решительный - нерешительный	10,4	11,5	17,2	13,5
Вялый - энергичный	13,5	6,25	11,5	10,4
Справедливый - несправедливый	27,1	19,8	27,6	22,9
Расслабленный - напряжённый	14,6	13,5	13	7,29
Суетливый - спокойный	12	8,33	12	6,25
Враждебный - дружелюбный	19,3	9,38	19,8	14,6
Уверенный - неуверенный	11,5	20,8	14,6	8,33
Нелюдимый - общительный	12,5	4,17	20,8	15,6
Честный - неискренний	23,4	13,5	30,2	15,6
Несамостоятельный-самостоятельный	10,9	5,21	17,7	14,6
Раздражительный - невозмутимый	27,6	16,7	19,8	18,8

по фотоизображению лица человека является более сложной, чем совместная деятельность, как при оценке лиц европеоидного типа ($M = 3,07$ для индивидуального решения и $M = 1,79$ для совместного), так и при оценке лиц монголоидного типа ($M = 3,63$ для индивидуального решения и $M = 2,59$ для совместного), статистическая значимость полученных различий зафиксирована на уровне $Z = -3,01$ при $p = 0,003$ и $Z = -2,41$ при $p = 0,016$ соответственно.

Взаимосвязь точности и сложности оценки индивидуально-психологических черт человека по изображению его лица

Для определения соотношения исследуемых параметров (точность и сложность оценки) мы выполнили корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Спирмена. Выявлено, что наблюдается средняя отрицательная взаимосвязь между суммарными характеристиками точности и сложности оценки индивидуально-психологических

характеристик по изображению лица человека для тувинской выборки респондентов ($\rho = -0,552$ при $p < 0,001$ — для индивидуальной оценки, $\rho = -0,583$ при $p < 0,001$ — для совместной). Другими словами, чем меньшую субъективную сложность вызывает оценка личностных характеристик по фотоизображению лица человека, тем точнее определяются его индивидуально-психологические черты, и наоборот.

Обнаруженная тенденция сохраняется как для изображений лиц представителей своей расовой группы ($\rho = -0,497$ при $p < 0,001$ — для индивидуальной оценки, $\rho = -0,559$ при $p < 0,001$ — для совместной оценки), так и для изображений лиц другой расовой группы ($\rho = -0,600$ при $p < 0,001$ — для индивидуальной оценки, $\rho = -0,586$ при $p < 0,001$ — для совместной оценки).

Выводы

Выполненное исследование позволило выявить следующие тенденции межличностного восприятия в ситуациях индивидуальной и совместной оценки личности человека по фотоизображению его лица:

1. Существуют статистически значимые различия в оценке личностных характеристик по изображению лица человека в индивидуальной и совместной ситуации вынесения межличностных оценок, однако эти различия связаны с оценкой конкретных индивидуально-психологических характеристик.
2. Для испытуемых-тувинцев ситуация совместной оценки личностных характеристик по изображению лица человека в целом способствует повышению точности оценок и снижению сложности поставленной задачи.
3. Респонденты из Тывы более точно оценивают индивидуально-психологические характеристики, причём в ситуации совместной оценки показатели точности возрастают.
4. Испытуемым из Республики Тыва сложнее оценивать — как индивидуально, так и совместно — представителей собственной этнической и расовой группы.
5. Обнаружена обратно пропорциональная взаимосвязь точности и субъективной сложности оценки индивидуально-психологических особенностей людей представителей разных этносов и рас.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьева К.И., Айметдинова О.В. Предикторы межличностного восприятия: локус контроля наблюдателя и контекст восприятия // Психологические и психоаналитические исследования. Ежегодник. 2017 / Под ред. А.А. Демидова, Л.И. Сурата. М.: Московский институт психоанализа, 2017. С. 89–98.
2. Raunonen S.V., Ewan K., Earthy J., Lefave S., Goldberg H. Facial Features as Personality Cues // Journal of Personality. 1999. Vol. 67. P. 555–583.
3. Rojas M., Masip D., Todorov A., Vitria J. Automatic Prediction of Facial Trait Judgments: Appearance vs. Structural Models. PLoS ONE, 2011. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0023323>
4. Барабанщиков В.А., Носуленко В.Н. Системность. Восприятие. Общение. М.: ИП РАН. 2004.
5. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
6. Забродин Ю.М., Харитонов А.Н. Психологические аспекты передачи информации через каналы коммуникации // Психологические исследования общения. М., 1985. С. 300–311.
7. Ананьева К.И., Носуленко В.Н., Самойленко Е.С., Харитонов А.Н. Когнитивно-коммуникативная парадигма Б.Ф. Ломова: современное состояние и перспективы // Психологический журнал, 2017. Т. 38. № 6. С. 17–29.
8. Ананьева К.И., Демидов А.А., Швец Т.А. Динамика механизмов межличностного восприятия // Естественно-научный подход в современной психологии / Отв. ред. В.А. Барабанщиков. М.: ИП РАН, 2014. С. 315–325.

9. Демидов А.А., Ананьева К.И. Микродинамика межрасового восприятия // Современная экспериментальная психология / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: ИП РАН, 2011. С. 393–415.
10. Демидов А.А. Оценка индивидуально-психологических особенностей человека по выражению его лица в различных ситуациях восприятия: Дисс... канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2009.
11. Беспрозванная И. И., Ананьева К.И. Субъективная сложность оценки личности по выражению лица // Внешний облик в различных контекстах взаимодействия: Материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 28–30 октября 2019 г.) / Под общ. ред. П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской, Г.В. Серикова. М.: Издательство КРЕДО, 2019. С. 132–135.
12. Бажин Е.Ф., Эткинд А.М. Личностный дифференциал: Методические рекомендации. Л.: Ленинградский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 1983.
13. Ананьева К.И., Харитонов А.Н. Совместная идентификация лиц разных расовых типов // Экспериментальный метод в структуре психологического знания / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: ИП РАН, 2012. С. 181–187.
14. Ананьева К.И., Демидов А.А. Этнопсихологические особенности межличностной оценки // Актуальные проблемы психологического знания. Теоретические и практические проблемы психологии. 2018. Т. 47. № 2. С. 5–18.
15. Ананьева К.И., Товуу Н.О. Адекватность межрасового восприятия личности человека по выражению его лица в коммуникативной ситуации // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 2. С. 8–15. doi:10.17759/exppsy.2019120201.

ENGLISH

Characteristics of Interpersonal Perception in a Situation of Communication

Kristina Igorevna Ananyeva – Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Researcher at Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “Patterns of Organization of Interpersonal Perception in Communicative Situations” (17-36-01140a2).

E-mail: ananyevaki@ipran.ru

The author presented the findings of the study individual and joint assessment of individual psychological traits of a person based on the image of his or her face, carried out in the Republic of Tyva. The findings show that there are significant differences in the assessment of personal traits based on the image of a person in an individual and joint situation of making interpersonal judgments; however, these differences are related to the identification of specific individual psychological traits. The researcher discovered inversely relationship between accuracy and subjective complexity of assessment of individual psychological traits of individuals of different races.

Keywords: interpersonal perception, human face, assessment situation, racial face type, assessment accuracy, subjective complexity of assessment

REFERENCES

1. Anan'eva K.I., Aymetdinova O.V. Prediktory mezhlichnostnogo vospriyatiya: lokus kontrolya nablyudatelya i kontekst vospriyatiya // Psikhologicheskie i psikhoanaliticheskie issledovaniya. Ezhegodnik. 2017 / Pod red. A.A. Demidova, L.I. Surata. M.: Moskovskiy institut psikhoanaliza, 2017. S. 89–98 (in Russian).
2. Paunonen S.V., Ewan K., Earthy J., Lefave S., Goldberg H. Facial Features as Personality Cues // Journal of Personality. 1999. Vol. 67. P. 555–583.
3. Rojas M., Masip D., Todorov A., Vitria J. Automatic Prediction of Facial Trait Judgments: Appearance vs. Structural Models. PLoS ONE, 2011. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0023323>
4. Barabanshchikov V.A., Nosulenko V.N. Sistemnost'. Vospriyatie. Obshchenie. M.: IP RAN. 2004 (in Russian).
5. Lomov B.F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii. M.: Nauka, 1984 (in Russian).
6. Zabrodin Yu.M., Kharitonov A.N. Psikhologicheskie aspekty peredachi informatsii cherez kanaly kommunikatsii // Psikhologicheskie issledovaniya obshcheniya. M., 1985. S. 300–311 (in Russian).
7. Anan'eva K.I., Nosulenko V.N., Samoilenko E.S., Kharitonov A.N. Kognitivno-kommunikativnaya paradigma B.F. Lomova: sovremennoe sostoyanie i perspektivy // Psikhologicheskiy zhurnal, 2017. T. 38. № 6. S. 17–29 (in Russian).
8. Anan'eva K.I., Demidov A.A., Shvets T.A. Dinamika mekhanizmov mezhlichnostnogo vospriyatiya // Estestvenno-nauchnyy podkhod v sovremennoy psikhologii / Otv. red. V.A. Barabanshchikov. M.: IP RAN, 2014. S. 315–325 (in Russian).
9. Demidov A.A., Anan'eva K.I. Mikrodinamika mezhrasovogo vospriyatiya // Sovremennaya eksperimental'naya psikhologiya / Pod red. V.A. Barabanshchikova. M.: IP RAN, 2011. S. 393–415 (in Russian).
10. Demidov A.A. Otsenka individual'no-psikhologicheskikh osobennostey cheloveka po vyrazheniyu ego litsa v razlichnykh situatsiyakh vospriyatiya: Diss... kand. psikhol. nauk. M.: IP RAN, 2009 (in Russian).
11. Besprozvannaya I. I., Anan'eva K.I. Sub"ektivnaya slozhnost' otsenki lichnosti po vyrazheniyu litsa // Vneshniy oblik v razlichnykh kontekstakh vzaimodeystviya: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Rostov-na-Donu, 28–30 oktyabrya 2019 g.) / Pod obshch. red. P.N. Ermakova, V.A. Labunskoy, G.V. Serikova. M.: Izdatel'stvo KREDO, 2019. S. 132–135 (in Russian).
12. Bazhin E.F., Etkind A.M. Lichnostnyy differentsial: Metodicheskie rekomendatsii. L.: Leningradskiy nauchno-issledovatel'skiy psikhonevrologicheskiy institut im. V.M. Bekhtereva, 1983 (in Russian).
13. Anan'eva K.I., Kharitonov A.N. Sovmestnaya identifikatsiya lits raznykh rasovykh tipov // Eksperimental'nyy metod v strukture psikhologicheskogo znaniya / Pod red. V.A. Barabanshchikova. M.: IP RAN, 2012. S. 181–187 (in Russian).
14. Anan'eva K.I., Demidov A.A. Etnopsikhologicheskie osobennosti mezhlichnostnoy otsenki // Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya. Teoreticheskie i prakticheskie problemy psikhologii. 2018. T. 47. № 2. S. 5–18 (in Russian).
15. Anan'eva K.I., Tovuu N.O. Adekvatnost' mezhrasovogo vospriyatiya lichnosti cheloveka po vyrazheniyu ego litsa v kommunikativnoy situatsii // Eksperimental'naya psikhologiya. 2019. T. 12. № 2. S. 8–15. doi:10.17759/exppsy.2019120201 (in Russian).

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94"04/14"

ГРНТИ 03.41.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-099-02-134-143

**А.И. АЙБАБИН,
Э.А. ХАЙРЕДИНОВА***

Раскопки на городище Эски-Кермен в 2019 г.

Проведённые в 2019 г. археологические исследования позволяют уточнить планировку центральной части средневекового города на плато Эски-Кермен в Крыму. В центральной части города располагалась главная базилика, перед которой была устроена небольшая площадь шириной около 5 м. В XII–XIII вв., в последний период существования города, площадь с западной стороны ограничивалась парапетом из мощных известняковых блоков. За парапетом располагались жилые кварталы с двухэтажными усадьбами, крытыми черепицей. В результате работы по проекту на плато впервые обнаружены свидетельства сохранения церковной жизнедеятельности на плато и в XIV в. В зачищенных в 2018–2019 гг. плитовых могилах впервые найдены серебряная монета хана Узбека выпуска 1320–1341 гг., золотые серьги в виде знака вопроса XIV в. и гончарный кувшин XIV–XV вв. Все могилы первой половины XIV в. выкопаны в слое разрушения конца XIII в. Вероятно, уже после гибели большей части кварталов пережившие пожар горожане продолжили жить в центральной части городища. Скорее всего, в конце XIII–XIV вв. к главной базилике пристроили часовню. Около базилики в 1930-х гг. найдена хранящаяся в Эрмитаже высеченная из местного известняка надгробная модель крестовокупольного храма XIV в.

Ключевые слова: Византия, Крым, городище на плато Эски-Кермен, фортификация, христианство, базилика, некрополь, археологические материалы

В эпоху Средневековья в Юго-Западном Крыму проходили этнокультурные процессы, во многом определившие всю последующую историю региона и полуострова в целом.

На протяжении ряда веков под влиянием византийской политики активного внедрения административно-политической системы, распространения христианства и культуры на этой террито-

* **Айбабин Александр Ильич** — доктор исторических наук, директор НИЦ Истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского, руководитель проекта «Средневековый город на плато Эски-Кермен в Горном Крыму» (18-09-00314).

E-mail: aleksandraibabin@rambler.ru

Хайрединова Эльзара Айдеровна — кандидат исторических наук, заведующая отделом средневековой археологии Института археологии Крыма РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: khairedinovaz@rambler.ru

рии из полиэтничного населения постепенно формировалась единая общность, получившая условное название «горно-крымская народность». Именно это население после гибели византийского Херсона в конце XIV в. оставалось основным носителем традиций греко-византийской культуры и православия на полуострове вплоть до исторических событий, связанных с присоединением Крыма к Российской империи в 1783 г. Из-за малочисленности письменных свидетельств главными источниками по истории, материальной и духовной культуре населения этих мест являются оставленные им памятники, к которым относятся так называемые пещерные города.

Один из таких городов располагался на плоской вершине столовой известняковой горы Эски-Кермен в Бахчисарайском районе, в 6 км южнее с. Красный Мак (ил. 1). В конце VI в. на плато была построена византийская крепость для защиты местного населения – готов и аланов, а также для охраны подступов к Херсону [1]. Впоследствии крепость эволюционировала в типичный для горных регионов империи малый город, просуществовавший вплоть до конца XIII в. Большая часть города была застроена кварталами правильной прямоугольной формы с жилыми домами и храмами.

Город был уничтожен в 1299 г. Ногаем [2, 3]. Руины от единовременно погибших в пожаре построек на протяжении многих веков простояли нетронутыми, в результате чего Эски-Кермен стал уникальным археологическим памятником. Застроенная часть плато покрыта единым слоем разрушения, представляющим собой закрытый комплекс, который позволяет изучать различные аспекты жизни средневекового города [4–8].

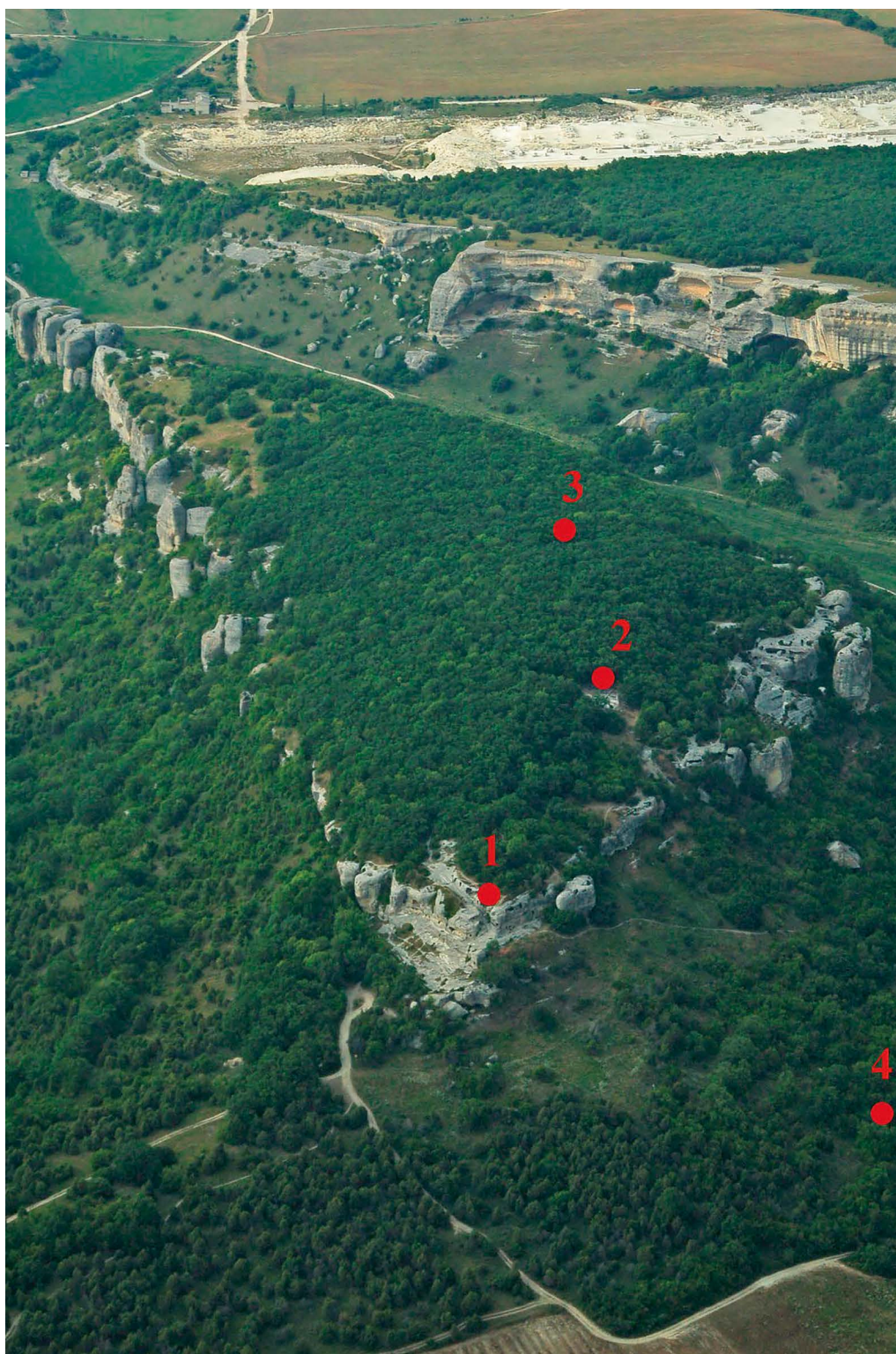
На плато прослежены многие типичные для раннесредневековых малых византийских городов элементы градостроительного облика: сетка кварталов правильной прямоугольной формы, главная проезжая улица, проложенная между главными во-

ротами и центральной площадью с большой трёхнефной базиликой. На скальной поверхности широкой (до 4,8 м) главной улицы колесами повозок выбиты глубокие колеи. Вторая продольная улица прослеживается на нижней террасе между главной улицей и западным краем плато. Расположенные по обе стороны продольных главной и параллельной ей улиц прямоугольные кварталы состояли из нескольких усадеб. Кварталы ограничены узкими поперечными улицами шириной до 2 м, проложенными на поверхности скалы под прямым углом к широким продольным улицам.

В 2019 г. продолжились начатые в 2018 г. археологические исследования центральной части городища на участке перед трёхнефной базиликой (ил. 2), открытой в 1930 г. [9].

В результате этих работ установлено, что перед базиликой располагалась небольшая площадь шириной около 5 м. В XII–XIII вв., в последний период существования города, площадь с западной стороны ограничивалась парапетом из мощных известняковых блоков. За парапетом располагались жилые кварталы с двухэтажными усадьбами, крытыми черепицей. По планировке усадьбы центральной части города не отличались от жилых построек в других городских кварталах. Раскопанное в 2018–2019 гг. помещение первого этажа, как и во всех исследованных ранее усадьбах на городище, было хозяйственным (ил. 3). Стены возведены на скале. Наружная и внутренняя кладки стен сложены на грязевом растворе из крупных камней со следами обработки, с соблюдением порядовки. В древности внутри помещения стены были обмазаны глиной.

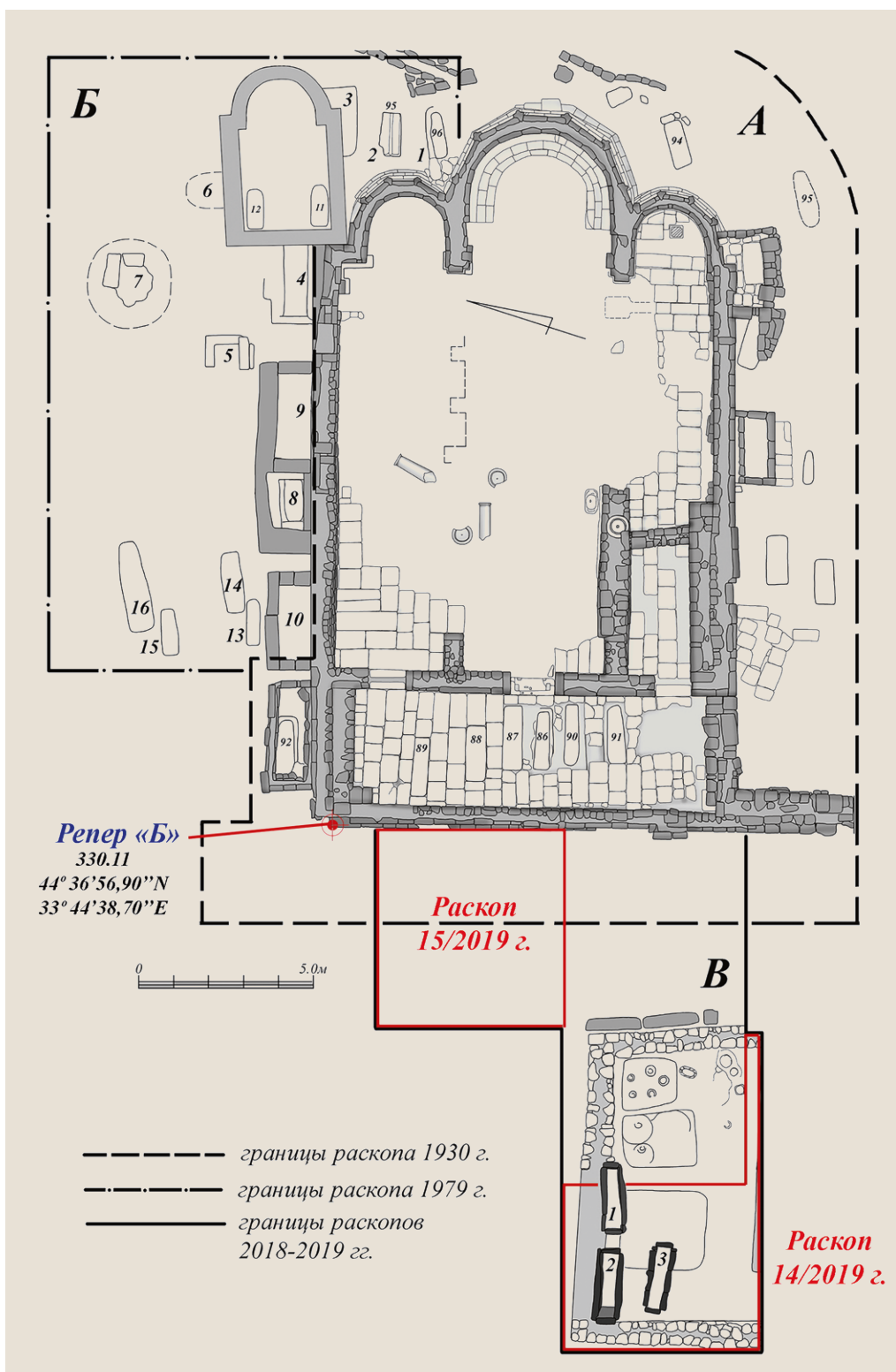
В скальном полу помещения 1 вырублены три хранилища, каждое – в виде прямоугольной в плане ямы с плоским дном. На дне хранилищ сделаны подрубки и небольшие круглые ямы под пифосы и амфоры с зерном и другими продуктами. В одном из хранилищ стоял красноглиняный пифос высотой не менее 1,3 м,

Ил. 1. Плато Эски-Кермен. Общий вид с юго-запада: 1 — Главные ворота;
2 — квартал 1; 3 — Главная базилика и место раскопок 2018–2019 гг.;
4 — некрополь на юго-восточном склоне плато

закрывающийся керамической плоской крышкой диаметром около 0,4 м. В заполнении помещения найдены орудия труда,

предметы быта, а также несколько битых парадных сервизов импортной поливной посуды, включавших кувшины, блю-

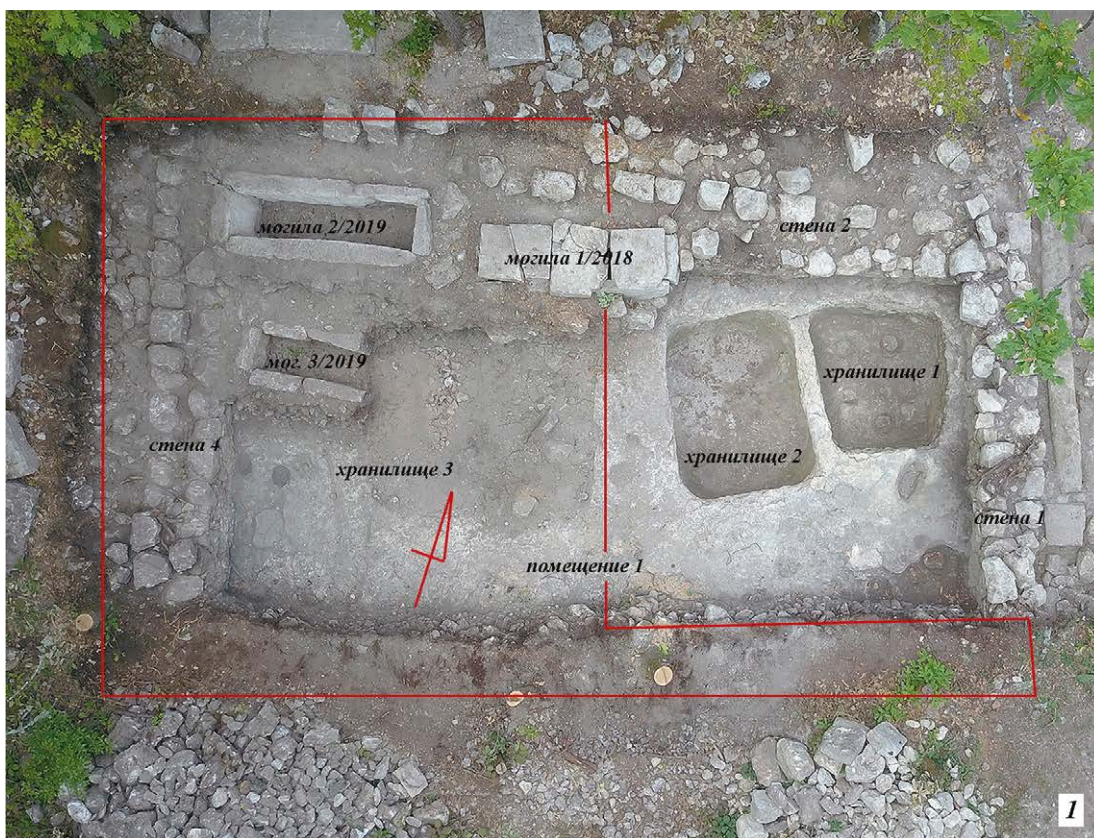
Ил. 2. Городище на плато Эски-Кермен.

Ситуационный план на участке около главной базилики.

А — раскоп 1930 г.; Б — раскопы 1979–1981 гг.; В — раскопы 2018–2019 гг.

да и чаши. Обнаружены многочисленные фрагменты разнообразных стеклянных сосудов, среди которых выделяются им-

портные, скорее всего, сирийские пиршественные кубки второй половины XIII – первой половины XIV в., богато украшен-

— границы раскопа 14/2019 г.

Ил. 3. Городище на плато Эски-Кермен. Раскоп 14/2019 г.
Общие виды сверху (1) и с юго-востока (2)

ные разноцветными эмалями, растительным орнаментом, изображениями фантастических существ и арабскими надпися-

ми [10]. Судя по множеству фрагментов оконного стекла, окна усадьбы были застеклены.

Ил. 4. Находки из могилы 2/2019 г.

Таким образом, можно заключить, что исследованная в 2018–2019 гг. перед базиликой усадьба принадлежала семье с высоким имущественным и социальным статусом. Вместе с другими постройками на плато она погибла в мощном по-

жаре в конце XIII в. во время набега войск Ногая. Позже усадьба не восстанавливалась [11, 12].

В 2019 г. на том же участке открыты две новые плитовые могилы (см. ил. 3) [13]. Они сооружены в слое разрушения

конца XIII в. и перерезают северную стену помещения 1, погибшего в пожаре этого времени. Борты могил выложены и перекрыты прямоугольными, плотно подогнанными друг к другу тщательно отёсанными плитами из известняка. Плиты перекрытия одной из могил полностью засыпаны сверху дикарным камнем.

В западной части перекрытия над головой погребённого находился камень с прорезанным крестом в виде двух прямых, пересекающихся линий. В могиле 2/2019 выявлены костные останки молодой женщины 18–19 лет, захороненной вытянуто на спине, головой на запад с обращённым к востоку лицом, с согнутыми в локтях руками и уложенными на животе кистями. Женщину похоронили в парадном уборе, который включал пару золотых серёг XIV в. в виде знака вопроса, украшенных жемчужинами (ил. 4, 1,2), и золотой перстень с каменной вставкой (ил. 4, 3). На груди погребённой в специальном кармашке лежала серебряная монета золотоордынского хана Узбека, выпущенная в 1320–1341 гг. (определение В.А.Сидоренко) (ил. 4, 6), а к поясу был подвешен пенал с костяным стило — палочкой для записей по застывшему воску (ил. 4, 4). В ногах погребённой стоял гончарный коричневоглиняный одноручный кувшин с росписью белым ангобом (ил. 4, 5) XIV–XV вв. [14].

В результате работ 2018 и 2019 г. рядом с главной базиликой впервые раскрыт уча-

сток центральной площади города, на котором выявлены убедительные свидетельства возобновления жизнедеятельности и в XIV в. Описанные выше плитовые могилы первой половины XIV в. выкопаны в возникшем в конце XIII в. слое разрушения усадьбы зажиточного горожанина. Вероятно, уже после гибели большей части кварталов пережившие пожар горожане в начале XIV в. устроили на расчищенном участке у главной базилики храмовый некрополь [11, 12]. Очевидно с этого кладбища происходит хранящаяся ныне в Эрмитаже высеченная из местного известняка надгробная модель крестовополевого храма XIV в. Её нашли в 1930-х гг. около главной базилики [15].

Вновь выявленные факты дополняют наши представления о последнем периоде жизнедеятельности на плато Эски-Кермен. После разрушения города Ногаем в конце XIII в., на плато возродилась активная христианская жизнь. Скорее всего, в начале XIV вв. к главной базилике пристроили часовню. Продолжили функционировать вырубленные в XIII в. пещерные храмы с фресками.

Находка костяного стило — инструмента для письма — в одном из погребений молодой женщины является свидетельством распространения грамотности среди местных жителей и показателем высокого уровня культуры христианского населения Горного Крыма в эпоху Средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь: Антиква, 2017.
2. Айбабин А.И. Город на плато Эски-Кермен в XIII в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2014. Вып. XIX. С. 240–277.
3. Айбабин А.И. О дате разрушения городища на плато Эски-Кермен // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2014. Вып. 42. С. 215–227.
4. Айбабин А.И. Раскопки усадьбы 2 в квартале I на плато Эски-Кермен // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2018. Вып. XXIII. С. 277–304.

5. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XVII. Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2011. С. 422–457.
6. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Предметы христианского культа из раскопок 2003–2008 годов на городище Эски-Кермен // Византия в контексте мировой культуры. Труды Государственного Эрмитажа. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2013. Вып. LXIX. С. 7–21.
7. Завадская И.А., Голофаст Л.А. Керамические комплексы хозяйственных вырубков в квартале 1 на городище Эски-Кермен (раскопки 2006 и 2007 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2018. Вып. XXIII. С. 305–358.
8. Хайрединова Э.А. Каменоломня на подъемной дороге городища Эски-Кермен // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2016. Вып. XXI. С. 193–207.
9. Шмит Ф.И. Эски-Керменская базилика // «Готский сборник». ИГАИМК. XII, 1–8. 1932. С. 213–254.
10. «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Баттуты. Каталог выставки. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2015.
11. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Исследования центральной части городища на плато Эски-Кермен в 2018 г. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XI Международный Византийский семинар / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2019. С. 25–32.
12. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Исследования средневекового городища на плато Эски-Кермен в 2018 г. // История и археология Крыма. Симферополь, 2019. № 11. С. 21–28.
13. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Плитовые могилы XIV в. на плато Эски-Кермен // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2019. Вып. XXIV. С. 250–276.
14. Тесленко И.Б. Керамика из раскопок христианского храма с некрополем в с. Малый Маяк (бывш. Биюк Ламбат, южный берег Крыма) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный 1800-летию города Судака. Археологический альманах. Донецк, 2012. № 48. С. 225–246.
15. Яacobсон А.Л. Модель храма из раскопок Эски-Кермен в Крыму и проблема нового архитектурного стиля в Византии // Зограф. Вып. 7. Београд, 1976. С. 30–33.

ENGLISH

Excavations at Eski-Kermen Site in 2019

Aleksandr Ilyich Aibabin – Doctor of Science (History), Director of Research Centre for Crimean History and Archaeology V.I. Vernadsky Crimean Federal University, supervisor of the project “Medieval Town on Eski-Kermen Plateau in Mountain Crimea” (18-09-00314).

E-mail: aleksandraibabin@rambler.ru

Elzara Aiderovna Khairedinova – Candidate of Science (History), Head of the Department of Medieval Archaeology, Institute of Archaeology of Crimea, Russian Academy of Sciences, researcher in mentioned project.

E-mail: khairedinovaz@rambler.ru

2019 archaeological studies allow to define the layout of the central part of the medieval town on Eski-Kermen plateau, Crimea. The central part of the town included the main basilica with a square approximately 5 m wide in front of it. In the 12th and 13th centuries, the last period of the town's existence, the western part of the square was closed by a parapet made

of massive limestone blocks. Behind the parapet were residential quarters with two-storey tiled manors. The project resulted in the discovery of evidence preservation of religious life on the plateau and in the 14th century. In slab-graves cleared out in 2018–2019 the archaeologists first discovered a silver coin of Ozbeg Khan, coined in 1320–1341, as well as golden earrings (the 14th century) in the shape of a question mark, and a clay jar (the 14–15th centuries). All graves of the first half of the 14th century were dug in a destruction stratum dated late 13th century. Probably, after most quarters perished in fire, the townspeople continued residing in a central part of the town. Most likely, at the end of the 13th and 14th centuries a chapel was added to the main basilica. In 1930s the researchers found by the basilica a tomb model of the 14th century cross-in-square temple carved from local limestone now kept in Hermitage museum.

Keywords: Byzantium, Crimea, settlement on the Eski-Kermen plateau, fortification, Christianity, basilica, necropolis, archaeological materials

REFERENCES

1. Aybabin A.I., Khayredinova E.A. Krymskie goty strany Dori (seredina III–VII v.). Simferopol': Antikva, 2017 (in Russian).
2. Aybabin A.I. Gorod na plato Eski-Kermen v XIII v. // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. Simferopol': KFU im. V.I. Vernadskogo, 2014. Vyp. XIX. С. 240–277 (in Russian).
3. Aybabin A.I. O date razrusheniya gorodishcha na plato Eski-Kermen // Antichnaya drevnost' i srednie veka. Ekaterinburg, 2014. Vyp. 42. S. 215–227 (in Russian).
4. Aybabin A.I. Raskopki usad'by 2 v kvartale I na plato Eski-Kermen // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. Simferopol': KFU im. V.I. Vernadskogo, 2018. Vyp. XXIII. С. 277–304 (in Russian).
5. Aybabin A.I., Khayredinova E.A. Pozdnesrednevekovaya chasovnya na plato Eski-Kermen // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. Vyp. XVII. Simferopol': KFU im. V.I. Vernadskogo, 2011. S. 422–457 (in Russian).
6. Aybabin A.I., Khayredinova E.A. Predmety khristianskogo kul'ta iz raskopok 2003–2008 godov na gorodishche Eski-Kermen // Vizantiya v kontekste mirovoy kul'tury. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. SPb.: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2013. Vyp. LXIX. S. 7–21 (in Russian).
7. Zavadskaya I.A., Golofast L.A. Keramicheskie komplekсы khozyaystvennykh vyrubok v kvartale 1 na gorodishche Eski-Kermen (raskopki 2006 i 2007 gg.) // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. Simferopol': KFU im. V.I. Vernadskogo, 2018. Vyp. XXIII. С. 305–358 (in Russian).
8. Khayredinova E.A. Kamenolomnya na pod'emnoy doroge gorodishcha Eski-Kermen // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. Simferopol': KFU im. V.I. Vernadskogo, 2016. Vyp. XXI. S. 193–207 (in Russian).
9. Shmit F.I. Eski-Kermenskaya bazilika // «Gotskiy sbornik». IGAIMK. XII, 1–8. 1932. S. 213–254.
10. «Podarok sozertsayushchim». Stranstviya Ibn Battuty. Katalog vystavki. SPb.: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2015.
11. Aybabin A.I., Khayredinova E.A. Issledovaniya tsentral'noy chasti gorodishcha na plato Eski-Kermen v 2018 g. // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis. XI Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy seminar / Otv. red. N.A. Alekseenko. Simferopol', 2019. S. 25–32 (in Russian).

12. Aybabin A.I., Khayredinova E.A. Issledovaniya srednevekovogo gorodishcha na plato Eski-Kermen v 2018 g. // Istoriya i arkheologiya Kryma. Simferopol', 2019. № 11. S. 21–28 (in Russian).
13. Aybabin A.I., Khayredinova E.A. Plitovye mogily XIV v. na plato Eski-Kermen // Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. Simferopol': KFU im. VI. Vernadskogo, 2019. Vyp. XXIV. S. 250–276 (in Russian).
14. Teslenko I.B. Keramika iz raskopok khristianskogo khrama s nekropolem v s. Malyy Mayak (byvsh. Biyuk Lambat, yuzhnyy bereg Kryma) // Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika. Sbornik statey, posvyashchyonnyy 1800-letiyu goroda Sudaka. Arkheologicheskiy al'manakh. Donetsk, 2012. № 48. S. 225–246 (in Russian).
15. Yakobson A.L. Model' khrama iz raskopok Eski-Kermen v Krymu i problema novogo arkhitekturnogo stilya v Vizantii // Zograf. Vyp. 7. Beograd, 1976. S. 30–33.

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-099-02-144-147

**М.В. ВДОВИЧЕНКО,
Е.Е. АНТОНОВ***

Всероссийская научная конференция с международным участием «Археологические исследования в России: новые материалы и интерпретации» (Москва, 2–3 марта 2020 г.)**

Институт археологии РАН ежегодно проводит многочисленные полевые исследования как на территории России, так и за её пределами. Институтские экспедиции превратились в масштабные научные форумы, собирающие каждый сезон исследователей из российских организаций и коллег из иностранных археологических центров. Работают на этих интернациональных площадках и учёные из других областей науки – всё бóльший масштаб и вес в археологии приобретают исследования, связанные с естественно-научными методами. Находкам и открытиям 2019 г. была посвящена всероссийская конференция с международным участием «Археологические исследования в России: новые материалы и интерпретации».

Ключевые слова: археологические исследования в России, естественно-научные методы, результаты значительных полевых исследований

На открытии форума к участникам обратился директор ИА РАН академик Н.А.Макаров (фото). Главной задачей конференции было подведение научных итогов 2019 г.: как полевых, так и лабораторных исследований. На конференции были представлены доклады 44 исследователей, из них четве-

ро – из Белоруссии и один – из Италии. Работа велась в двух секциях: «Полевые проекты: новые открытия» и «Методы естественных наук в археологии Евразии: современная проблематика и исследовательские подходы».

Доклады первой секции охватывали широкий временной и географический

* **Вдовиченко Марина Викторовна** — кандидат искусствоведения, учёный секретарь Института археологии РАН, заместитель председателя Оргкомитета конференции.

E-mail: zakomara@yandex.ru

Антонов Егор Евгеньевич — младший научный сотрудник Института археологии РАН, член Оргкомитета конференции.

E-mail: antonov.yegor@gmail.com

**Проект 20-09-20020.

Фото. Вступительное слово акад. Н.А. Макарова на открытии конференции

диапазоны. Так, два из них были посвящены каменному веку. Д.В. Ожерельев рассказал о работах в Юго-Восточном Казахстане на стоянке Рахат. Она датируется верхним палеолитом и позволяет проследить не только развитие культур этой эпохи в Центральной Азии, но и их связи с Ближним Востоком, Кавказом, Восточной Европой и Сибирью. Группа авторов из Эрмитажа и Донского археологического общества сделала сообщение о стоянке Ракушечный яр в Ростовской области. Керамика с этого памятника — одна из самых ранних в Восточной Европе. Естественно-научные методы помогли реконструировать палеосреду, узко датировать микропрослойки и находки из них, определить хозяйственную специализацию стоянки.

Доклад В.Д. Кузнецова показал, как многолетние исследования античного города решают важнейшие проблемы античной истории Северного Причерноморья. Так, клад первых боспорских монет позволил довольно точно датировать начало чеканки на берегах Керченского пролива — 490-ми гг. до н.э., а также сделать ряд

предположений об обстоятельствах этого события.

Проблеме происхождения пражской археологической культуры, которую считают ядром будущих славянских племён, посвятил свой доклад В.Г. Белевец. Учёный подвёл итог исследованиям последних лет на юге Белоруссии: раскопкам памятников постзарубинецкого горизонта (середина I – рубеж II–III вв. до н.э.) и киевского культурного круга (III–IV вв. н.э.). Н.А. Плавинский рассмотрел погребальный обряд культуры смоленского-полоцких длинных курганов, носители которой жили, в частности, в Северной Белоруссии в конце I тыс. н.э. и отождествляются с летописными кривичами. По его мнению, общепринятая точка зрения о том, что «кривичи» хоронили своих умерших исключительно в курганах, не верна: в них помещали кремированные останки только некоторых усопших, большую же часть кремаций опускали в неглубокие грунтовые ямки.

Группа сотрудников ИА РАН представила доклад об охранных раскопках на территории Успенского монастыря в Саро-

ве. Им удалось не только получить новые материалы об истории Саровской пустыни, но и исследовать участок крупного городища, которое в XII – начале XIII в. могло быть административным и религиозным центром мордовского населения. Об исследовании, охватывающем большой хронологический диапазон, рассказали Л.В.Колединский и Н.А.Почобут. Они рассмотрели бытовую застройку городов на территории Белоруссии от XII до XVII в. Эти материалы существенно дополнили представления о технике строительства не только на территории Белоруссии, но в русских городах в целом.

Материалами раскопок в центральной части Московского Кремля поделились Н.А.Макаров и В.Ю.Коваль. Эти работы прояснили архитектурный облик Приказов – органов центрального управления государства в XVI–XVII вв. Удалось также выделить несколько хронологических горизонтов, в том числе, связанных с пожаром 1812 г. А.Н.Хохлов и Т.Ю.Шведчикова рассказали о новом, необычном направлении в археологии – о поиске и идентификации останков наполеоновского генерала ШЭ.Гюдена. Группа сотрудников Института истории материальной культуры РАН продемонстрировала пример ещё одних охранных работ на памятнике Нового времени – раскопках на IV бастионе Севастополя. Благодаря работам на этом объекте удалось уточнить конструкцию бастиона, в частности, раскрыть контрминные галереи и потайной ход.

Доклады в секции «Методы естественных наук в археологии Евразии: современная проблематика и исследовательские подходы» можно условно разделить на несколько групп. К первой относятся сообщения об исследовании уникальных находок и объектов с помощью новых методов. Так, Е.Б.Яцишина рассказала об исследовании мумий из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина. Компьютерная томография позволила осмотреть «содержимое» мумии, создать 3D-мо-

дель скелетов, выполнить реконструкцию внешности, определить ряд характеристик: прижизненный возраст, травмы и болезни, а также установить рецепт бальзамирующей смеси и происхождение одной из её составляющей – битума. Совместный доклад исследователей из Курчатовского института и ИА РАН раскрыл новые подробности об уникальной терракотовой скульптуре из Керченского пролива. Радиоуглеродная датировка подтвердила время её создания – V в. до н.э. Аналитические методы позволили определить, как была окрашена скульптура, а томография – узнать подробности технологии её изготовления. Докладчики из ИА РАН, «ОПТЭК», МГУ им. М.В.Ломоносова и Института геологии и геохимии им. академика А.Н.Заварицкого УрО РАН сообщили о комплексном исследовании черняховской стеклоделательной мастерской, открытой на поселении Комаров на Среднем Днестре. Это единственный комплекс подобного рода за пределами Римской империи. Авторам доклада удалось скорректировать представления о хронологии и об ассортименте продукции мастерской, оценить соотношение привозного и изготовленного на месте стекла. Коллектив исследователей из ИА РАН показал, как на основе содержимого выгребных ям стало возможным определить рацион питания монахов Троице-Сергиевой лавры в XVI–XVII вв.

Вторую группу составили доклады о возможностях естественно-научных методов в работе с массовым материалом. Так, М.В.Добровольская подняла проблему соотношения культурных традиций и палеоантропологических материалов. Л.В.Яворская продемонстрировала историко-научные возможности скопленных костей животных, которые находят в слоях начала XVI в. в Новгороде, Пскове и городах Золотой Орды. А.Джумлиа-Маир (Италия) рассмотрела проблемы, перспективы, достоинства и недостатки применения в археологии аналитических методов, привычных для специали-

стов в области металлургии. И.А.Сапрыкина и А.В.Чугаев поделились первыми результатами изучения изотопных характеристик серебра, из которого сделаны предметы, найденные на античных памятниках Северного Причерноморья: монеты боспорской и римской чеканки, варварские подражания последним, а также украшения римского времени.

К третьей группе можно отнести доклады, которые были посвящены решению отдельных исторических проблем современными методами. Собственную гипотезу происхождения чёрной металлургии предложили В.И.Завьялов и Н.Н.Терехова. По их мнению, определяющим фактором было открытие сыродутного процесса, это произошло во второй половине III тыс. до н.э., а метеоритное железо не повлияло на зарождение металлургического процесса. М.Б.Медникова и И.А.Сапрыкина рассказали об исследовании травм на черепках носителей абашевской археологической культуры с помощью метода мик-

ротомографии и экспериментальной археологии. Как установили учёные, останки принадлежали мужчинам, погибшим от рук своих соплеменников.

Доклады участников конференции продемонстрировали, что работы в разных регионах, изучение различных культур и периодов, разнообразные формы исследований, активное применение современных технологий не только дополняют и обогащают, но и не могут существовать друг без друга. Именно такой подход – широкий охват, исследование проблем на разных уровнях и всеми доступными способами – позволяет с высокой степенью достоверности реконструировать прошлое, в чём и заключается одна из фундаментальных задач современной археологии.

Практические результаты конференции очевидны: она подвела археологические итоги года, выявила современные тенденции, наметила новые перспективы, направления исследований и способы решения научных проблем.

ENGLISH

Russian Scientific Conference with International Participants “Archaeological Studies in Russia: New Sources and Interpretations” (Moscow, March 2–3, 2020)

Marina Viktorovna Vdovichenko – Candidate of Science (Art History), Academic Secretary at Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Vice-Chairman of the Conference Organizing Committee.
E-mail: zakomara@yandex.ru

Egor Evgenievich Antonov – Junior Researcher at the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, member of the Conference Organizing Committee.
E-mail: antonov.yegor@gmail.com

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences annually organizes a number of field studies both in Russia and abroad. Institute's expeditions have become major scientific forums that annually gather researchers from Russian institutions, as well as peers from foreign archaeological centres. Scientists working in other fields also take part in these forums, since methods of natural science become more and more important and popular in archaeology. National and International Conference “Archaeological Studies in Russia: New Sources and Interpretations”, was dedicated to the findings and discoveries made in 2019.

Keywords: Archaeological research in Russia, natural science methods, results of significant fieldwork

МИР КНИГИ РФФИ

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-099-02-148-151

И.О. ТЮМЕНЦЕВ*

**Сталинградская группа войск.
1943–1944: документы и материалы /
Под ред. О.А. Гоманенко, М.М. Загорулько.
М.: Политическая энциклопедия,
2019. — 767 с.: ил. ****

Ключевые слова: Сталинград, Великая Отечественная война, восстановительный период, трудовое использование воинского соединения, публикация источников

Современное резкое обострение противостояния России и Запада актуализировало широкий спектр проблем истории Второй мировой войны, которые западные политики и некоторые историки пытаются пересмотреть в свою пользу. Советский Союз стремятся представить одним из «зачинщиков» Второй мировой войны, «агрессором, оккупировавшим страны Восточной Европы». Победившей стороной объявляется Запад во главе с США, а решающий вклад СССР в Победу и его участие в антигитлеровской коалиции старательно замалчивается. С России (преемницы СССР), как с Германии, жаждут взыскать репарации. Умалется значение Сталинградской битвы, как переломного сражения в ходе Второй мировой войны, и всё настойчивее воспева-

ется победа англо-американских войск у Эль Аламейне.

Основой для всех этих псевдоисторических конструкций является предшествующая историография Второй мировой войны, которая объективно, в силу закрытости архивов противоборствующих сторон, в основном базировалась на данных военной публицистики и периодики, мемуарной литературе. Новые исследования необходимо основывать на комплексном анализе и критическом осмыслении сохранившихся архивных коллекций противоборствующих сторон, что позволит поднять научные исследования на новый уровень и избежать трагических ошибок в международных отношениях. Именно поэтому ввод в научный оборот сохранившихся архивных комплексов по истории Вто-

* **Тюменцев Игорь Олегович** — доктор исторических наук, председатель Волгоградского отделения Российского исторического общества.
E-mail: tijumencev@mail.ru

**Проект 18-19-00305д.

рой мировой войны является весьма актуальным. Можно только приветствовать второе издание анализируемого сборника, осуществлённое Центром по изучению Сталинградской битвы и его научным руководителем М.М.Загоруйко, и в целом высоко оценить проделанную ими работу по публикации источников по истории Великой Отечественной войны [см. например: 1, 2].

Рецензируемый сборник документов и материалов «Сталинградская группа войск. 1943–1944» напоминает, что Сталинград, оказавшись в эпицентре одного из крупнейших в мировой истории сражений, был полностью разрушен в ходе немецко-фашистских бомбардировок и ожесточённых уличных боёв. После 2 февраля 1943 г. он стал первой крупномасштабной стройкой восстановительного периода Великой Отечественной войны. Необходимо было скорейшим образом ввести в строй военные объекты города, восстановить его инфраструктуру и т.д. Конечно, вопросы восстановления Сталинграда затрагивались во многих научных работах. Например, важные исследования были проведены учёными Волгоградского государственного университета Н.В.Кузнецовой [3] и Э.В.Кузьминой [4]. Однако в этих и других трудах учёные концентрировали внимание на вопросах участия в восстановительном строительстве сугубо гражданских организаций и лиц либо военнопленных. Совершенно незатронутой оказалась тема той большой работы, которая была проделана воинскими частями на самом первом, наиболее тяжёлом, этапе возрождения города и области.

Между тем, почти сразу же после победного завершения Сталинградской битвы Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение о создании нового воинского формирования — Сталинградской группы войск (СГВ). В её задачи входило не только восстановление боевых возможностей участвовавших в Сталинградской битве частей и подразде-

лений, но и выполнение на территории Сталинграда и области работ по разминированию объектов, уборке и погребению останков советских воинов, захоронению трупов солдат противника, сбору брошенной и разбитой военной техники. Этому как раз и посвящён сборник документов и материалов «Сталинградская группа войск. 1943–1944». Не один год над ним трудились исследователи Центра по изучению Сталинградской битвы, созданного постановлением губернатора Волгоградской области. Непосредственное участие в работе приняли исследователи из Волгоградского государственного университета и Государственного музея-заповедника «Сталинградская битва».

Настоящая тематическая публикация сформирована из 210 документов, из которых 78 публикуются впервые. Они были получены в результате архивных изысканий, которые проводились в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (Ф. 83 — личный фонд Г.М.Маленкова, Ф. 644 — Государственный Комитет Обороны СССР); Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (Ф. 220 — Сталинградская группа войск, Ф. 206 — Донской фронт, Ф. 328 — 66-я армия, Ф. 341 — 64-я армия, Ф. 345 — 62-я армия, Ф. 902 — 7-й стрелковый корпус, Ф. 1133 — 284-я сд, Ф. 1225 — 204-я сд, Ф. 1512 — 233-я сд, Ф. 1566 — 273-я сд); Центрального архива Федеральной службы безопасности (Ф. 3); Центра документации новейшей истории Волгоградской области (Ф. 113 — Сталинградский обком ВКП (б), Ф. 104 — Городищенский РК ВКП (б), Ф. 171 — Сталинградский городской Комитет Обороны); Государственного архива Волгоградской области (Ф. Р-1094 — Хмелёвский сельский Совет депутатов трудящихся Сиротинского района Сталинградской области, Ф. Р-1108 — Исполнительный комитет Сиротинского районного Совета депутатов трудящихся Сталинградской области, Ф. Р-2129 — Сталинградский областной Совет ОСОАВИАХИМа); Государственно-

го историко-мемориального музея-заповедника «Сталинградская битва».

Все документы представлены в хронологической последовательности, полностью и без купюр. При выборе текста документов составители отдавали предпочтение подлинникам и лишь при их отсутствии – заверенным копиям или копиям, полностью отображая заверительные подписи. Текст каждого документа сопровождается легендой, в которой указано название архива, номер фонда, описи, дела, листа, а также то, является ли документ подлинником или копией. В приложении приводится список бойцов и командиров Сталинградской группы войск, погибших и умерших от ран при разминировании Сталинграда и области в феврале – мае 1943 г. Этот материал был извлечён из фондов Центрального архива Министерства обороны РФ.

Особо стоит отметить, что составители осуществили огромную работу по формированию научно-справочного аппарата сборника. Прежде всего, к документам были составлены подробнейшие комментарии, из которых каждый читатель может получить ясное представление о многом упомянутом в опубликованных документах. Например, дана подробная информация о Ставке Верховного Главного Командования, Резерве Верховного Главного Командования, генеральном Штабе Красной Армии, инженерном обеспечении боевых действий, продовольственных нормах Красной Армии, танках и другом вооружении, комендантской и гарнизонной службе, фронтовых эвакуационных пунктах и о многом другом. Очевидно, что авторы провели огромную работу при составлении обширного Аннотированного указателя имён, материалы для которого в основном были получены в фондах Центрального архива Министерства обороны РФ. Такая же тщательная исследовательская работа потребовалась и при составлении Аннотированного указателя воинских частей и соединений. В научно-справочный аппарат

включены и соответствующие не аннотированные указатели имён, воинских частей и подразделений, географических названий, а также список встречающихся сокращений.

Вся проделанная авторским коллективом работа позволяет получить новое представление об организации хода возрождения Сталинграда и области. Документы и материалы сборника полностью раскрывают вопросы включения в восстановительный процесс крупного воинского формирования, что в воюющей стране не имело тогда аналогов. Именно воины СГВ выполнили самые важные подготовительные мероприятия, без которых невозможно было начинать полномасштабное восстановление города и населённых пунктов области. Действительно, впечатляет тот факт, что к концу марта 1943 г. общее количество военнослужащих в Сталинградской группе войск составляло более 402 тысяч человек (!). К концу мая того же года силами СГВ, местных жителей и военнопленных было погребено 47 тысяч останков павших бойцов и командиров Красной Армии, похоронено 147 тысяч трупов вражеских солдат и офицеров, зарыто 12,5 тысяч трупов животных. В тот же период в результате работы СГВ по разминированию было снято, подорвано и собрано более 2,5 млн единиц различных боеприпасов. Войска СГВ провели трудоёмкую работу по сбору и вывозу трофейного имущества. Так, к 1 мая 1943 г. на складах было собрано 2173 танка и броневедомости, 2458 орудий разного калибра, свыше 12 тысяч автомашин, 15 тысяч пулемётов, 610 тракторов и тягачей и множество вещевого имущества. Только в мае 1943 г. отправлено на переработку 1017 вагонов металлолома и т.д. Кроме того, ряду совхозов и колхозов Сталинградской области оказывалась помощь в проведении весенних посевных кампаний 1943–1944 гг. Вся эта уникальная документальная информация нашла отражение на страницах рецензируемого сборника.

Важно отметить, что документы сборника показали и то, что кроме восстановительных работ и оперативного управления частями, СГВ являлась основным гарантом и исполнителем мероприятий по восстановлению Советской власти на освобождённых территориях Сталинградской области. Позже сталинградский опыт ак-

тивно использовался в процессе налаживания нормальной жизни на бывших в оккупации территориях СССР. Несомненно, что сборник документов и материалов «Сталинградская группа войск. 1943–1944» проливает свет на малоизвестные страницы истории Второй мировой войны и восполняет пробелы в её изучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сталинградская группа войск. Февраль – май 1943 г.: Документы и материалы / Под ред. М.М. Загоруйко. Волгоград: Издатель, 2004.
2. Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы / Под ред. М.М. Загоруйко. М.: Логос, 2000.
3. Кузнецова Н.В. Нижнее Поволжье в 1945–1953 гг.: социальные проблемы послевоенного восстановления и развития. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2010.
4. Кузьмина Э.В. Восстановление Сталинграда. 1943–1950. Волгоград: Издатель, 2002.

ENGLISH

Gomanenko O.A., Zagorulko M.M. (eds.).

**Stalingrad Group of Forces. 1943–1944: Documents and Materials.
Moscow, Political Encyclopaedia, 2019. 767 p., ill.**

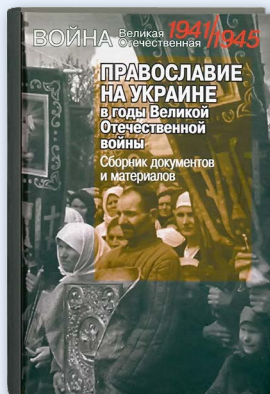
Igor Olegovich Tyumentsev – Doctor of Science (History), Chairman of Volgograd Branch of Russian Historical Society.

E-mail: tjumencev@mail.ru

Keywords: Stalingrad, the Great Patriotic war, the restoration period, labor use of military units, publication of sources

REFERENCES

1. Stalingradskaya gruppa voysk. Fevral' – may 1943 g.: Dokumenty i materialy / Pod red. M.M. Zagorul'ko. Volgograd: Izdatel', 2004 (in Russian).
2. Voennoplennyye v SSSR. 1939–1956: Dokumenty i materialy / Pod red. M.M. Zagorul'ko. M.: Logos, 2000 (in Russian).
3. Kuznetsova N.V. Nizhnee Povolzh'e v 1945–1953 gg.: sotsial'nye problemy poslevoennogo vosstanovleniya i razvitiya. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2010 (in Russian).
4. Kuz'mina E.V. Vosstanovlenie Stalingrada. 1943–1950. Volgograd: Izdatel', 2002 (in Russian).

Д.А. АХРЕМЕНКО*

Православие на Украине в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов / Подгот. Л.А. Лыковой. М.: Политическая энциклопедия, 2019. — 511 с.: ил.**

Ключевые слова: автокефалия, Украинская Православная Церковь, Украинская Автокефальная Православная Церковь, униатство, религия, церковь, национализм

Великая Отечественная война стала определённым рубежом, который разделит не только немцев и советских граждан на два враждебных друг другу лагеря, но и поделил один народ на несколько противостоящих, а зачастую враждебных друг другу групп. Так случилось и в Украине. Война разделила людей не только в политических вопросах, но и в вопросах религии. Украина стала ярким примером противостояния двух религиозных течений в православии: Украинской Православной Церкви и Украинской Автокефальной Православной Церкви.

Автокефальная православная церковь в Украине была создана Василием Липковским в 1921 г. К 1930 г. она распалась и прекратила свою деятельность, в годы германской оккупации УССР вновь возродилась во главе с Поликарпом Сикорским.

Проблемам противоборства и взаимодействия этих двух направлений

Украинской Православной Церкви, их контактов с оккупационными властями и советской властью и посвящён сборник документов и материалов, подготовленный главным специалистом Российского государственного архива социально-политической истории, доктором исторических наук Людмилой Анатольевной Лыковой.

Сборник открывается историческим и археографическим предисловиями, документы и материалы в нём расположены в хронологическом порядке с 1941 по 1945 г. С одной стороны, это упрощает читателю понимание сути документов, а с другой — напротив, усложняет. На наш взгляд, было бы уместнее использовать проблемный принцип, так как читатель смог бы глубже понять проблему, которой посвящены документы.

Большим достоинством сборника является наличие примечаний, кратких биографических сведений о лицах, упоминаемых в издании, именного указателя.

* **Ахременко Денис Анатольевич** — председатель Межрегиональной общественной организации социально-гуманитарных научных исследований «Историческое сознание». E-mail: denis_akhremenko@histsoznanie.ru

**Проект 19-19-00050д.

В сборнике представлены тексты 178 документов из 15 архивов Украины и Российской Федерации. Представлены источники из Центрального государственного архива общественных организаций Украины, Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины, Центрального государственного архива-музея литературы и искусства Украины, региональных архивов Украины, а также Архива Президента РФ, Государственного архива РФ, Российского государственного архива социально-политической истории и других архивохранилищ.

Большинство опубликованных источников является автографами и подлинниками. Многие документы представлены на немецком и украинском языках. Перевод источников выполнили Д.А. Ахременко и А.В. Доронин.

Большая часть документов в сборнике относится к делопроизводственным источникам, однако в немалом количе-

стве представлены и письма, газетные статьи, обращения священников, государственных и политических деятелей.

Сборник подготовлен в соответствии с Правилами издания исторических документов в СССР 1990 г., действующими до настоящего времени.

Издание содержит огромный массив документальных источников, впервые введённых в научный оборот. Это станет ценным подспорьем не только для историков, занимающихся исследованием церковной политики СССР на Украине в период Великой Отечественной войны, но и для исследователей-смежников: военных историков, учёных, занимающихся изучением политической истории Украины, истории национализма на её территории.

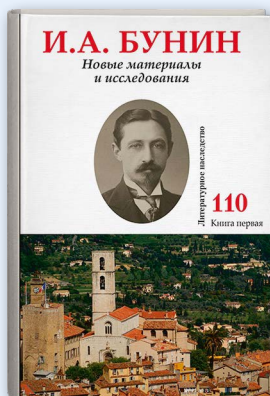
Выход в свет данного сборника является важным шагом вперёд в изучении церковной жизни в Украине в годы оккупации немцами.

ENGLISH

Orthodoxy in Ukraine during World War II. Collection of Documents and Materials / prepared by L.A. Lykova. Moscow, Political Encyclopaedia, 2019. 511 p., ill.

Denis Anatolyevich Akhremenko – Chairman of Inter-Regional Public Institution of Social and Humanitarian Research “Historic Consciousness”.
E-mail: denis_akhremenko@histsoznanie.ru

Keywords: autocephality, Orthodox Church of Ukraine, Autocephalous Orthodox Church of Ukraine, Uniate, religion, church, nationalism

М.М. АБОЛИНА*

**Литературное наследство.
Т. 110: И.А. Бунин. Новые материалы
и следования: В 4 кн. Кн. 1 / Институт
мировой литературы им. А.М. Горького РАН;
Ред.-сост. О.А. Коростелёв, С.Н. Морозов.
М.: ИМЛИ РАН, 2019. — 1184 с.: ил. ****

Ключевые слова: Иван Бунин, РГНФ, РФФИ, русская литература, источниковедение, текстология, комментарий

110-й том «Литературного наследства» посвящён И.А. Бунину, которого современники называли «последним классиком» русской литературы. Издание подготовлено международной группой учёных, в которую вошли И.З. Белобровцева, Н.А. Богомолов, С. Гардзонио, Р. Дэвис, Н.В. Корниенко, О.А. Коростелёв, Н.В. Котрелёв, А.Б. Куделин, А.В. Лавров, Д. Малмстад, В.В. Полонский, Д. Рицци, Л.А. Спиридонова, Р.Д. Тименчик, М. Шруба, Г.З. Бредли, Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов, Е.Р. Пономарёв и Е.М. Шинкова.

На первых страницах тома выражена благодарность Русскому архиву в Лидсе (куратор Р. Дэвис) и Орловскому объединённому государственному литературному музею И.С. Тургенева (директор В.В. Ефремова, главный хранитель Н.В. Уракова) — за предоставленные материалы.

Книга открывается вступительной статьёй (с. 5–9), кратко освещающей историю, современное состояние и текущие

проблемы буниноведения, и подробно — историю подготовки и издания предыдущего «бунинского» тома «Литературного наследства» (Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 1–2 / РАПП и Ин-т ЛИЯ Комакадемии. М., 1973). Не умаляя научного значения фундаментального издания 1973 г., составители указывают на существенные неточности и ошибки в 84-м томе: неверную атрибуцию некоторых художественных и публицистических текстов, ошибочно приписанных Бунину; отсутствие в разделе, перечисляющем бунинские материалы в архивах, многих фондов Рукописного отдела Института русской литературы РАН.

Настоящий том, продолжающий линию нового этапа буниноведения, начавшегося с середины 1990-х гг., призван, по выражению авторов, «стать самым масштабным шагом в освоении архивного наследия Бунина»: в четырёх книгах издания (общим объёмом более 300 пл.)

* **Аболина Маргарита Михайловна** — аспирант кафедры литературы и детского чтения Санкт-Петербургского государственного института культуры.
E-mail: amarguerite@mail.ru

** Проект 18-112-00216д.

предполагаются как представление больших корпусов переписки писателя, так и первая публикация неизвестных, только извлечённых из архивов произведений Бунина — прозы, поэзии, публицистики.

Опубликованные материалы дают не только богатейший исследовательский материал, но и знаменуют собой новый этап на пути подготовки академического собрания сочинений И.А. Бунина, до сих пор отсутствующего.

110-й том содержит два раздела: «Неопубликованные тексты и наброски» (с. 10–350) и «Письма» (с. 351–1169).

В первом разделе представлены: поэзия, проза, включая наброски, литературно-критические статьи.

Подраздел «Поэзия» составили 67 бунинских стихотворений 1885–1887 гг. (подготовка текста, предисловие и примечания С.Н. Морозова), заставляющих вспомнить, что И.А. Бунин, получивший за стихотворный сборник «Листопад» (1901), а также за перевод поэмы Г.У. Лонгфелло «Песнь о Гайавате» (1896) Пушкинскую премию Российской Академии наук (1903), всю жизнь считал себя в первую очередь именно поэтом.

В подразделе «Проза» помещены весьма неоднородные материалы, позволяющие не только по-новому оценить широкий жанровый диапазон Бунина, но и заглянуть в его писательскую лабораторию: повесть «Увлечение» (подготовка текста, предисловие и примечания С.Н. Морозова); неоконченные рассказы — 11 рассказов так называемого круга «Тёмных аллей» (термин Е.Р. Пономарёва), тематически, сюжетно и стилистически близких к текстам известного бунинского сборника, а также рассказ «Смерть в Ялте» (подготовка текстов, предисловие и примечания Е.Р. Пономарёва); наброски: о путешествиях на Цейлон; наброски, тематически близкие единственному бунинскому роману «Жизнь Арсеньева», включая отдельные листы и план-конспект продолжения романа; наброски к книге «Тёмные аллеи»; наброски к книге «Воспоминания»

(подготовка текстов, предисловие и примечания Е.Р. Пономарёва).

Подраздел «Неоконченные литературно-критические статьи» включает два небольших, но важных для понимания бунинского внутреннего мира текста: размышления писателя о поэзии вообще и размышления о поэзии В.Я. Брюсова (подготовка текста, предисловие и примечания С.Н. Морозова), личные взаимоотношения с которым у Бунина были сложные.

Второй раздел, занимающий основную часть книги, содержит огромный — 769 писем — корпус переписки И.А. Бунина с В.Н. Муромцевой-Буниной за 11 лет их знакомства и практически всей совместной жизни — период 1906–1947 гг., из биографических соображений поделённый составителями на две части: 1906–1917 гг. и 1922–1947 гг. Письма Буниных, составляющие «целую энциклопедию повседневной жизни России и русского Парижа», дают возможность прикоснуться к «литературному быту» в понимании Ю. Тынянова, а также помогают воссоздать реальный образ В.Н. Буниной, «его жены», о которой широкий читатель пока имеет смутное и предвзятое представление. Этот раздел — результат коллективного труда: предисловие Т.М. Двинятиной, С.Н. Морозова, Е.М. Шинковой, подготовка текста и примечания — Г.З. Бредли, Т.М. Двинятиной, Р.Д. Дэвиса, О.А. Коростелёва, С.Н. Морозова, Е.М. Шинковой.

Справочный аппарат издания, помимо вступительной статьи и подробного научного комментария к каждому приведённому тексту, включает список условных сокращений (с. 1170–1173) и указатель иллюстраций (сост. С.Н. Морозов, с. 1174–1179).

Все тексты произведений и писем публикуются без купюр и по современным нормам орфографии и пунктуации, хотя Бунины до конца жизни писали по старой орфографии, категорически не принимая «большевистскую» реформу. Некоторые особенности бунинского написания, однако, в настоящем издании сохранены из соображений лучшей пере-

дачи авторского стиля и прокомментированы в примечаниях.

Об иллюстративном наполнении издания следует сказать отдельно. Высокое качество и большое научное значение иллюстративного материала, включаемого в издания серии «Литературное наследство», естественно: большинство фотографий, как правило, предоставлено архивами и публикуется впервые. Напечатанные в первой книге тома иллюстрации делятся на несколько групп. Первая — портреты И.А. Бунина, как фотографические, охватывающие период 1887–1948 гг. (к примеру, портрет Бунина на фронтисписе книги — репродукция фотографической карточки 1903 г.), так и живописные (1918–1930 гг.), как отдельные, так и групповые; материалы предоставили Русский архив в Лидсе и Орловский объединённый государственный литературный музей И.С. Тургенева. Вторая — фотографии книг Бунина с дарственными надписями — из частного архива Л.Н. Киселёвой. Третья — документы и личные вещи И.А. Бунина. Четвёртая — портреты родственников и современников Бунина, как фотографические, так и живописные. Пятая — памятные места и виды: фотографии и открытки. Материалы для трёх последних групп были предоставлены Русским ар-

хивом в Лидсе и Орловским объединённым государственным литературным музеем И.С. Тургенева.

Книга имеет и традиционную для изданий «Литературного наследства» суперобложку, также богато иллюстрированную. На первой и четвёртой полосах обложки можно увидеть портрет писателя в молодости и фотографии знаковых буниных мест — Москвы, Петербурга, Граса, Парижа и т.д. На клапанах помещены репродукция копии из Родословной книги, выданной Бунину Русским генеалогическим кружком в 1925 г., с изображением герба рода Буниных, аннотация к настоящему изданию, фотография нобелевской медали Бунина, репродукция графического изображения Москвы, репродукция письма И.А. Бунина к В.Н. Буниной и двойной фотопортрет Буниных.

Читатели-специалисты, понимая всю ценность опубликованных материалов, могут только благодарить авторов этого замечательного во всех отношениях труда и с нетерпением ожидать выпуска оставшихся трёх книг 110-го тома «И.А. Бунин. Новые материалы и исследования». Но думается, издание вызовет интерес и у рядового читателя, пожелавшего глубже познакомиться с богатым творческим наследием «последнего классика» русской литературы.

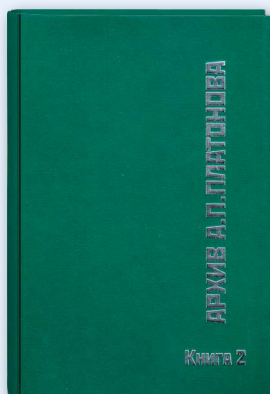
ENGLISH

Korostelyov O.A., Morozov S.N. (compil. eds.). Literary Heritage. Vol. 110: Ivan Bunin. New Sources and Studies: in 4 Books. Book 1 / Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences. Moscow, Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 2019. 1184 p., ill.

Margarita Mikhailovna Abolina — Postgraduate of the Department of Literature and Childhood Reading, St. Petersburg State University of Culture and Arts.
E-mail: amarguerite@mail.ru

Keywords: Ivan Bunin, RHSE, RFBR, russian literature, textology, commentary, source study

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-099-02-157-159

С.Р. ФЕДЯКИН*

Архив А.П. Платонова. Книга 2: Описание рукописи романа «Чевенгур». Динамическая транскрипция / Отв. ред. Н.В. Корниенко; Отв. секр. Е.В. Антонова. М.: ИМЛИ РАН, 2019. — 672 с.: ил. **

Ключевые слова: Платонов, «Чевенгур», Розанов, текстология, рукопись, черновик, динамическая транскрипция текста, русская литература XX в.

Писал он карандашом. Правил тоже карандашом, но иногда переходил на чернила. И в этих перебивках — свой, особенный ритм.

«Красота рукописей»... Об этом уже писали, и немало. Василий Васильевич Розанов, столь ценимый Платоновым, эту красоту в «Уединённом» попытался даже воспроизвести. Именно Розанова публикаторы черновиков «Чевенгура» и вспомнили: «Моё “я” только в рукописи, да и “я” всякого писателя» (с. 3). Но одно дело — рукопись, пусть с отрывистыми фразами, со всеми недоговорённостями, но самим автором превращённая в книгу (Розанов). И совсем другое — рукопись писателя, над которой склонил голову текстолог. Несколько текстологов (Платонов).

Карандаш хуже сохраняется, нежели чернила, и тому, кто возьмётся читать рукопись, лежавшую девять десятков лет, над многими местами придётся

ломать глаза. А если хочешь не просто прочитать текст (окончательный его вариант), но и увидеть, как он рождался, как переделывался, как преображался, то придётся не просто прочитывать, но — воссоздавать. И здесь уже важно не только понять почерк, разобрать слова, но и увидеть, как вычёркивается один кусок, как вписывается другой, как кусок листа отрывается, как к другому листу добавляется вклейка с новыми фрагментами текста.

Бумага гладкая, бумага шершавая, бумага плотная и тонкая; бумага и светлая, и тронутая желтизной, и совсем пожелтевшая. Листы разного формата, высотой и 31 см, и 35, и чуть больше 35-ти, и 36 см. Листы одинарные, листы двойные. Эти Платонов не всегда складывал ровно, к тому же и такой двойной мог иногда разделить на два. (Мысленно всё это воссоздать не трудно — по сводной таблице на страницах 63–70.)

* **Федякин Сергей Романович** — кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы Литературного института им. А.М. Горького.
E-mail: serofed@yandex.ru

** Проект 18-112-00226д.

Как удобно работать с автором, который пишет хорошей ручкой на хорошей бумаге, ровным и ясным почерком! Платонов, такой «неудобный» для общей картины русской литературы 1920–1930-х гг., и в этом — писатель неудобный. И страницы разные, и бумага разной величины, толщины, цвета (карандаш на жёлтом и шершавом часто читается хуже, чем на белом и гладком). Рукопись трудно сложить стопкой. Часть листов исписана с одной стороны, часть — с обеих. Почерк причудливый, более-менее отчётливые слова и фразы чередуются с трудно разбираемыми, а есть ещё и беглые заметки на полях, и торопливые переделки, и «памятки на будущее». Работа текстолога с такой рукописью превращается в каторжный труд. А ведь его ждет ещё один вариант текста.

«Отсюда» — помечал Платонов на полях. И далее ставил: «До сих». Эту часть рождаемого произведения он отдавал машинистке, намереваясь из фрагмента будущего романа сделать рассказ. Из нескольких экземпляров таких машинописей часть тоже вливалась в общую рукопись и тоже правилась. Появлялись новые куски романа и на обратной стороне машинописи, и на оборотной стороне других произведений... Это не хаос. Это особый способ работы, особый тип мышления, к которому должны принаравливаться текстологи.

История создания романа осложнилась историей его черновиков. Часть их — чуть ли не полвека назад — вдова писателя передала в ИРЛИ, в Ленинград. Часть осталась в Москве (её обнаружили, когда архив Платонова оказался в стенах ИМЛИ). Свести всё это воедино, воссоздать движение мысли писателя, которое отразилось в записи, в зачеркиваниях и вставках, в наклейках, пометках и так далее, соединить две столицы — два места обитания рукописи... Задача невыполнимая. Если и выполнимая, то при чудовищной затрате сил.

«Чевенгур» сложился из двух частей, — повести, которая будет опубликована в 1928 г. под названием «Происхождение мастера», и романа, поначалу носившего заголовок «Строители страны». Книга содержит живую историю правки (динамическую транскрипцию текста) обеих этих частей. Части рукописи с особой историей даны в приложении. К каждому из разделов — больших и маленьких — даны пояснения текстологов (Е.В. Антоновой, Н.В. Корниенко, Е.А. Папковой). Есть в приложении и письмо своеобразного «наставника» Платонова, Г.З. Литвина-Молотова. Судьба и этой рукописи — тоже вполне «платоновская»:

«Характер повреждений бумаги позволяет предположить, что на верхнюю часть второго листа попало какое-то клейкое вещество (в настоящий момент его остатки имеют бурый цвет), и по этой причине листы слиплись. Позже они были разъединены при помощи лезвия, что привело к прорезанию бумаги и безвозвратному исчезновению части текста. Кроме того, не полностью удаётся разобрать слова, поглощённые бурными пятнами. Все утраты сосредоточены в верхней четверти листов машинописи» (с. 637).

По первому впечатлению исследователь (Е.В. Антонова) настолько проникся воскрешаемой им прозой, что и язык описания рукописи задышал в согласии с ритмами платоновского слова. Когда же взвешиваешь на руке весь этот том, понимаешь: личность Платонова — это не только его судьба, но и судьба его произведений, и судьба тех, кто их воскрешает, делая живыми.

Книгу открывает вступительная статья Н.В. Корниенко о принципах издания. Рукопись «Чевенгура» настолько сложна во всех слоях правки, что прежней, вполне удачной знаковой системы для публикации черновой рукописи (динамическая транскрипция «Котлована» — См.: Андрей Платонов. Котлован. Текст, материалы творческой истории. М.: Наука, 2000) оказалось недостаточно. Какие вы-

брать шрифты для точного отражения правки и переправки текста? Как обозначить вычёркивания и вставки? Это — особый род текстологического творчества. Он тоже требует проб и ошибок, особых умственных сил. Зато теперь читатель, убрав эти курсивы и «полужирные», сняв скобки — квадратные, угловые, фигурные — может сам воссоздать движение художественной мысли Платонова:

«Есть окраины... Есть ветхие опушки у старых провинциальных городов. Туда люди приходят жить прямо из природы. Появляется человек — с тем зорким и грустным... зорким и грустно... зорким и до грусти измождённым лицом, для которого весь мир есть... Появляется человек — с тем зорким и до грусти измождённым лицом, который всё может починить и оборудовать, но сам жи... но сам прожил жизнь без малого... который всё может починить и оборудовать, но сам прожил жизнь необорудованно» (с. 12).

Примерно так рождалось начало «Чевенгура», которое в окончательном виде уже превратилось в узнаваемую с первых слов классику. Но магия фраз живёт не только в тексте законченного романа. Есть она и в том, как он рождался.

Завершает книгу статья Н.В. Корниенко «Путь в Чевенгур» с чётким пояснением

в заглавии: «от истории текста — к творческой истории романа». Эта работа не нуждается в пояснениях, как не нуждается в них подлинная филология, сплавленная воедино с историей литературы и — шире — с историей XX в.

Вряд ли нужно доказывать насущную необходимость появления этой книги. «Чевенгур» — одно из главных произведений Андрея Платонова и, несомненно, один из главнейших романов русской литературы XX в. Динамическая транскрипция рукописи произведения — это материал для изучения и самого романа, и особенностей творческого процесса писателя Платонова. В нынешнем издании — это ещё и наглядное пособие по изучению текстологических подходов к произведению. Воссоздание черновиков романа пронизывает высокая профессиональная этика: предельно бережное отношение к рукописи сказывается не только в её описании, но и в желании как можно точнее передать особенности орфографии и пунктуации писателя.

Многолетний труд, показавший, как мучительно рождался главный роман Андрея Платонова, продемонстрировал и работу текстологов, которую можно назвать «андрее-платоновской» в самом глубоком понимании этого слова.

ENGLISH

**Kornienko N.V. (ed.). Andrei Platonov's Archive. Book 2:
Description of the Manuscript of "Chevengur" Novel. Dynamic Transcription /
Executive Secretary E.V. Antonova. Moscow, Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences, 2019. 672 p., ill.**

Sergei Romanovich Fedyakin — Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Department of Contemporary Russian Literature, Gorky Institute of World Literature.
E-mail: serofed@yandex.ru

Keywords: Platonov, «Chevengur», Rozanov, textology, manuscript, draft, dynamic transcription of the text, Russian literature of the 20th century

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2020, № 2 (99)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Оригинал-макет ООО Издательство «ЭМПРЕСС»
105082, г. Москва, Рубцовская набережная, д. 3, стр. 3
Тел.: +7 (499) 677-18-71
E-mail: id-empress@mail.ru

Технический редактор Ю.М. Шилова
Верстка Е.О. Назаров
Корректор В.В. Тихонова

Подписано в печать 27.07.2020. Формат 60×90 1/8.
Усл. печ. л. 20,0. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 56

Отпечатано в типографии ООО «Гран-При».
152900, г. Рыбинск, ул. Орджоникидзе, д. 57